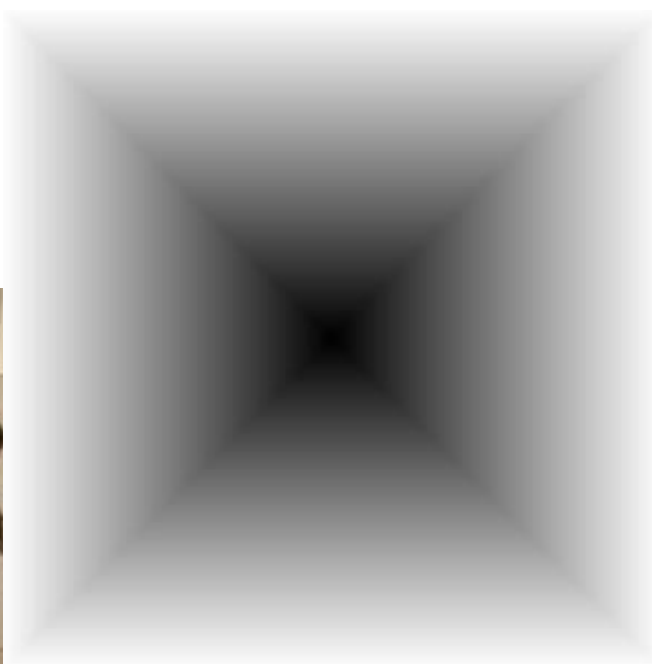

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УЛЬЯНОВСК
2013

УДК 008 (091)+32.001
ББК 80+60.22.1 г, 87.4 г.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 12-33-01329.*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор В.А. Бажанов
кандидат философских наук, доцент Л.Е. Потанина

Редактор:

доктор философских наук, профессор кафедры философии
Ульяновского государственного университета Н.Г. Баранец

Социология знания и философия науки: Сборник материалов
Пятой Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 14-15 мая 2013)
/ Под ред. Н.Г. Баранец. Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васи-
льевич, 2013. – 246 с.

ISBN 978-5-906007-41-4

В монографии представлены статьи участников Всероссийской научной конференции по проблемам социологии знания и философии науки. Материалы могут быть интересны научным сотрудникам, преподавателям, студентам, работающим в области философии, естественных и гуманитарных наук.

УДК 008 (091)+32.001
ББК 80+60.22.1 г, 87.4 г.
© Коллектив авторов, 2013

РАЗДЕЛ 1.

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ И ИСТОРИЯ НАУКИ

С.Б. ПЕТРОВ

АКАДЕМИК А.Н. КРЫЛОВ. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В 1818 г. новым управляющим Симбирской удельной конторой был назначен полковник в отставке Александр Алексеевич Крылов – участник многих военных кампаний России, в том числе итальянского похода А.В. Суворова, награжденный золотой шпагой с надписью «За храбрость», проявленную на Бородинском поле в 1812 году.¹ От первого брака он имел пять дочерей. Овдовев, в 1829 г. женился на Марии Михайловне Филатовой, подарившей ему детей Варвару, Николая и Михаила.

Дом Крыловых размещался на Покровской улице Симбирска (ныне ул. Л. Толстого, № 73). В марте 1833 г. вынужденно ушедший в отставку А.А. Крылов продал дом поручику А.И. Юрлову и с семьей переехал в имение Филатовых в село Висяга Алатырского уезда Симбирской губернии. Здесь сыновья готовились к поступлению в военные учебные заведения. Николай поступил в петербургский кадетский корпус, откуда в 1850 г. был выпущен прапорщиком в кавалерию. После выхода в отставку вернулся в Симбирскую губернию, где занял должность мирового судьи. В 1862 г. Н.А. Крылов женился на 17-летней Софье Викторовне Ляпуновой – родственнице математика и механика А.М. Ляпунова (1857-1918), с 1901 г. академика Петербургской Академии наук, ученого-слависта Б.М. Ляпунова (1862-1943), академика АН СССР с 1923 г., и композитора С.М. Ляпунова (1859-1924).²

В августе 1863 г. у Крыловых в селе Висяга родился первенец – Алексей. В 1872 г. земельные наделы у села были проданы, Крыловы переехали в Марсель, на юг Франции, где Алексей два года учился во французском пансионе. В 1876 г. Крыловы оказались в Риге, а их сын был определен в частное немецкое училище с целью овладения еще одним иностранным языком. В 1878 г. Алексей Крылов поступил в Петербургское Морское училище, через шесть лет с отличием, званием мичмана и премией в 350 рублей окончил его. Затем четыре года работал в компасной мастерской Главного гидрографического управления и на

¹ *Варганов Ю.* Жизнь, отданная за флоту // Инженер, № 2, 2005, с. 36; Трофимов Ж. Династия Крыловых // Ульяновская правда, 15, 22 марта, 1997

² Большая российская энциклопедия: [в 30 т.], Т. 18. - М.: Изд-во «БРЭ», 2011, с. 289-290

французско-русском судостроительном заводе. В этот период начинающий ученый опубликовал десять статей по девиации компаса, освоил проектирование и создание военных кораблей.

В 1888 г. Н.А. Крылов поступил в Морскую академию и женился на девушке из Симбирской губернии, прибывшей после окончания Казанского института продолжить обучение в Петербурге. Ее звали Елена Дмитриевна Драницына. Их дочь, Анна Алексеевна, вышла замуж за Петра Леонидовича Капицу, впоследствии академика, лауреата Нобелевской премии. В 1890 г. А.Н. Крылов окончил Морскую академию, где тогда учились два года. В 1891 г. состоялась очень важная для него встреча с выдающимся ученым Пафнутием Львовичем Чебышёвым (1821-1894), сторонником методов вычисления которого он был.¹

После окончания академии началась полувековая преподавательская деятельность ученого в Морской академии, Политехническом и Кораблестроительном институтах. Он читал курсы, вел практические занятия по высшей алгебре, аналитической геометрии, дифференциальному и интегральному исчислению, теоретической механике. А.Н. Крылов активно участвовал в организации кораблестроительного образования.² Им проведены глубокие исследования по мореходным качествам корабля, создана теория усмирения бортовой и килевой качки, исследовано влияние качки корабля на меткость стрельбы. Огромным вкладом в науку и практику стала его монография «Теория корабля» (1907), переизданная с дополнениями в 1933 г.

Важным для А.Н. Крылова было сотрудничество с адмиралом и ученым-кораблестроителем Степаном Осиповичем Макаровым³ в решении проблем плавучести корабля. Теория Макарова-Крылова выглядела парадоксальной: спасти корабль, получивший пробоины, следовало не откачкой воды, а затоплением отделений, кроме поврежденных, чтобы корабль не опрокидывался. А.Н. Крылов твердо отстаивал истину, смело критиковал чиновников-ретроградов Морского технического комитета. За нарушение субординации ему был объявлен выговор по флоту. Только после гибели в ходе русско-японской войны 1904-1905 гг. крейсера «Паллада», броненосцев «Ретвизан», «Цесаревич» и «Петропавловск» к мнению А.Н. Крылова прислушались.⁴

¹ Большая советская энциклопедия, Т. 29. М.: Изд-во «БСЭ», 1978, с. 43-44.

² *Холодилин А.Н.* А.Н. Крылов и организация кораблестроительного образования в СССР // Вестник АН СССР, 1987, с. 90-94; Халамайзер А.Я. Адмирал, ученый, педагог // Вестник высшей школы, № 8, 1988, с. 83-86.

³ Большая советская энциклопедия. Т. 29. М.: Изд-во «БСЭ», 1978, с. 43-44.

⁴ *Варганов Ю.* Жизнь, отданная флоту // Инженер, № 3, 2005, с. 34

Значительный вклад внес ученый и в строительство отечественного подводного флота. Вместе со своим учеником И.Г. Бубновым он разработал субмарину типа «Барс».¹

С 1901 г. А.Н. Крылов в Морской академии и политехническом институте начал читать курс вибрации судов, разработав теорию этого явления. Огромный вклад внес ученый в оборону России в период Первой мировой войны. Он руководил проектированием и постройкой линкоров типа «Севастополь» и эсминцев типа «Новик». В 1914-1921 гг. А.Н. Крылов был директором Главной физической обсерватории и Главного военно-метеорологического управления.

После Октябрьской революции получал предложения эмигрировать в США, но отказался.

В 1921 г. в составе группы академиков А.Н. Крылов был для возобновления научных связей направлен в Лондон, где до 1927 г. закупал для СССР паровозы и пароходы, приборы и книги. При этом ему удавалось, благодаря высокой квалификации, экономить государству миллионы рублей.

Особой историей в этой деятельности стало участие А.Н. Крылова в передаче в 1927 г. Пушкинскому Дому АН СССР парижского музея-архива А.Ф. Онегина – собирателя автографов и мемориальных предметов русских писателей.²

В 1928 г. ученый был отозван из-за границы и назначен директором Физико-математического института АН СССР в Ленинграде. На этом посту он участвовал в создании кораблей, различных приборов, строительстве мостов и доков, изобрел машину для решения дифференциальных уравнений, издал труды «Вибрация судов» и «Качка корабля». К нему обращались за консультациями по широкому кругу вопросов. В 1940 г. он подготовил «Записку об укреплении статуи Ленина на Дворце Советов» - 100-метровой статуи вождя.

В 1941 г. академик Крылов был эвакуирован в Казань, где продолжал заниматься научной деятельностью. В августе 1945 г. вернулся в Ленинград, где скончался через два месяца, работая над книгой «История открытия планеты Нептун». Президент АН СССР С.И. Вавилов в некрологе написал: «Смерть вырвала еще одну жертву из лучших людей нашей культуры: навечно ушел Алексей Николаевич Крылов, создатель науки корабля, замечательный математик, механик, человек науки, редкий мастер русского языка, академик в лучшем и самом высоком смысле

¹ Там же, с. 35

² *Варганов Ю.* Жизнь, отданная флоту // Инженер, № 3, с. 36

этого слова».¹ Имя ученого увековечено в названиях кораблей, учреждений, улиц и кратера на Луне.

Литература:

Большая российская энциклопедия. – М.: Изд-во «БРЭ», 2011. – Т. 18. – С. 289-290.

Большая советская энциклопедия. – М.: Изд-во «БСЭ», 1978. – С. 43-44.

Вавилов С.И. Памяти академика А.Н. Крылова // Вестник АН СССР. – 1945. – № 2. С. 1.

Варганов Ю. Жизнь, отданная флоту // Инженер. – 2005. – № 2. – С. 36.

Трофимов Ж. Династия Крыловых // Ульяновская правда. – 1997. – 15, 22 марта.

Халамайзер А.Я. Адмирал, ученый, педагог // Вестник высшей школы. – 1988. – № 8. – С. 83-86.

Холодилин А.Н. А.Н. Крылов и организация кораблестроительного образования в СССР // Вестник АН СССР. – 1987. – С. 90-94.

Н.Г. БАРАНЕЦ, А.Б. ВЕРЁВКИН

А.Н. КРЫЛОВ КАК ИСТОРИК НАУКИ

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося отечественного учёного и инженера, академика Алексея Николаевича Крылова (15.08.1863–26.10.1945). Он родился в селе Висяга Симбирской губернии в семье артиллерийского офицера. Его семья находилась в тесных связях с выдающимися учёными – А.М. Ляпуновым и В.А. Стекловым, с которыми он дружил всю свою жизнь.

Отец А.Н. Крылова, выйдя в отставку, жил в деревне, но, по рекомендации врачей, ему необходимо было сменить климат, и семья уехала в Марсель, где А.Н. Крылов учился в пансионе. В 1876 году семья переехала в Ригу и Алексей Николаевич был определён в немецкое училище. Занятия гуманитарными науками и древними языками казались ему тогда скучными и в 1878 г. он поступил в Морской корпус в Петербурге, где поддерживали традиции, заложенные прежним директором В.А. Римским-Корсаковым: «как можно меньше учить, как можно больше представлять учиться самим». Алексей Николаевич окончил Петербургское морское училище в чине мичмана в 1884 г., затем служил в Компасной части Главного гидрографического управления Морского ведомства. Его начальником был замечательный моряк и учёный, ученик М.В. Остроградского, создатель теории о девиации компаса И.П. де Колонг. Под его руководством Крылов написал первую научную работу о девиации компасов.

¹ Вавилов С.И. Памяти академика А.Н. Крылова // Вестник АН СССР, № 12, 1945, с. 1.

В 1887 г. Крылов ушёл из компасной мастерской и начал работать на Франко-русском заводе, затем он решил продолжить обучение. По окончании кораблестроительного отделения академии в 1890 г. Крылов был оставлен вести практические занятия по математике. А.М. Ляпунов посоветовал ему освоить математику в объёме университетского курса и дал ему лекции П.Л. Чебышёва. Чтобы не терять времени Крылов получил разрешение морского начальства на прослушивание лекций на III и IV курсах Петербургского университета. В 1890 и 1891 гг. он посещал лекции А.Н. Коркина по интегрированию обыкновенных дифференциальных уравнений (III курс) и интегрированию дифференциальных уравнений в частных производных (IV курс); Д.К. Бобылёва по теоретической механике (III и IV курсы); А.А. Маркова по теории вероятностей; Д.А. Граве по приложению анализа к геометрии; И.В. Мещерского по интегрированию уравнений механики методом Якоби.

С 1887 г. Крылов профессионально занялся кораблестроением или, точнее, приложением математики к проблемам морского дела. В академии ему впоследствии поручили вести курс теории корабля. На математику он смотрел как инженер, считая, что она сильна своими приложениями. Относясь к петербургской математической школе, Крылов ориентировался на практическое применение методов численного интегрирования при кораблестроительных расчётах. В 1913 г. он опубликовал работу «О некоторых дифференциальных уравнениях математической физики, имеющих приложения в технических вопросах», где описал различные случаи вынужденных радиальных колебаний полого упругого цилиндра. В своей работе он изложил метод улучшения сходимости рядов, основанный на выделении из суммы ряда элементарных функций таким образом, чтобы уничтожить части коэффициентов ряда Фурье, медленно убывающих при возрастании порядкового номера. Во многих случаях метод Крылова приводит к определению суммы ряда в конечном виде. В 1914 г. по представлению Н.Е. Жуковского Московский университет присудил Крылову учёную степень почетного доктора прикладной математики. В том же году он был избран членом-корреспондентом, а в 1916 г. – академиком Российской академии наук. А.Н. Крылов отличался изумляющей целеустремлённостью. Поставив себе задачу стать военным моряком, он изучил всё, что касалось техники военного корабля: компасное дело, вопросы качки и вибрации корабля, морской артиллерии, применение гироскопов, навигации и мореходной астрономии. Он овладел практическими сторонами кораблестроения и мореходного дела – технической, экономической и финансовой.

Крылов сумел совместить деятельность учёного, педагога, организатора и военного моряка. С 1900 по 1907 гг. он руководил опытным бассейном Морского ведомства, а в 1908 г. стал главным инспектором кораблестроения и председателем Морского технического комитета, а также руководил проектировкой первых русских линейных кораблей. К 1917 г. он уже был генерал-лейтенантом морского флота и состоял членом Правления российского общества пароходства и торговли. С 1919 по 1921 гг. он руководил Морской Академией. После революции Крылов активно участвовал в создании советского Военно-морского флота. В 1921 г. он вместе с академиком А.Ф. Иоффе и П.Л. Капицей был командирован за границу с целью восстановления научных связей и закупки оборудования. Хотя командировка первоначально предполагалась на короткий срок, ему пришлось пробыть за границей семь лет, выполняя другие задания советского правительства. Крылов организовал транспортировку более 1000 паровозов, руководил строительством танкеров, защищал финансовые интересы советских научных организаций. После смерти В.А. Стеклова он с 1927 по 1932 гг. возглавлял Физико-математический институт АН СССР.

О математических трудах А.Н. Крылова, его изобретениях и вкладе в корабельное строительство написано несколько книг и статей¹. Значительно меньше внимания уделялось его работам по истории науки. Отчасти понятно, почему так произошло. Работы Крылова по истории математики не были центральными в его занятиях, хотя на них он потратил значительные усилия и время, оторвавшись от других важных дел. Так, для перевода с латыни «Математических начал натуральной философии» И. Ньютона он регулярно работал по три часа утром и три часа вечером в течение двух лет. О том, как проходила эта работа, Крылов вспоминал так: «Сперва я перевёл текст почти буквально и к каждому выводу писал комментарий; затем, после того как заканчивался отдел, я выправлял перевод так, чтобы смысл сохранял полное соответствие латинскому подлиннику, и вместе с тем мною соблюдалась чистота и правильность русского языка; после этого я переписывал всё начисто, вставляя в своё место комментарии, и подготавливал к набору»². Он также написал биографии классиков науки – Г. Галилея, И. Ньютона, Л. Эйлера, Ж.Л. Лагранжа и П.Л. Чебышева. Он перевёл на русский язык с

¹ Штрайх С.Я. Академик Алексей Николаевич Крылов. Воениздат, 1944. 336 с.; Шиманский Ю.А. Алексей Николаевич Крылов. Краткий очерк жизни и деятельности// Крылов А.Н. Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 734-743.

² Цит по кн.: Ханович И.Г. Академик Алексей Николаевич Крылов. Л.: Наука, 1967, с. 162.

французского «Теорию Луны» Эйлера, восстановил теорию рефракции Ньютона. Обнаружив запись лекций Гаусса по астрономии, он перевёл и издал их. Кроме того, Крылов издал записи А.М. Ляпунова и лекции П.Л. Чебышева по теории вероятностей.

Зададимся вопросами, ответ на которые возможно найти только в историко-научных исследованиях Крылова и в его «Воспоминаниях». Как Алексей Николаевич представлял себе образ идеального учёного, и какими личностными и исследовательскими качествами такой учёный должен обладать? Каковы стимулы и мотивы научной деятельности?

А.Н. Крылов нигде особо не рассуждал о мотивах научной деятельности, но в биографиях великих учёных он отмечал любознательность и принесение пользы через решение практических задач. О социально-статусных или меркантильных мотивах в научном творчестве он даже не упоминал. Причина того была его собственная жизненная позиция. Для него научная работа была отдыхом от административных дел и тем, что позволяло жить не только полезно для общества, но и интересно лично для себя. В воспоминаниях он написал: «В карты я не играл..., чтобы чем-нибудь отвлечься я решил, ввиду приближения кометы Галлея, обстоятельно изучить метод Ньютона определения параболической кометной орбиты по трём наблюдениям. Это доставило мне отдых, и если не развлечение, то отвлечение от 45000 входящих... затем я перешёл к методу Лапласа, потом Ольберса, наконец Гаусса»¹. На одном из банкетов в Математическом институте Крылов процитировал «Книгу Соломона» о том, что для занятий мудростью нужен досуг. Весь свой досуг он посвящал науке.

Условием реализации учёного является творческий климат, задающий формирование личности в семье, школе и университете. Описывая творческий путь в науке Б.Б. Голицына, Крылов отметил, что в Николаевской академии преподавали учёные, умевшие видеть талант, способности и склонности своих учеников. В Академии была творческая атмосфера, позволявшая её слушателям «проникнуться истинным уважением и благодарностью» к своим учёным преподавателям.

А.Н. Крылов отмечал значение научного руководителя, вовремя обратившего внимание на качества и способности ученика. В очерке о П.Л. Чебышеве он написал: «Своим серьёзным отношением к науке Пافнутий Львович привлёк внимание профессора Брашмана, который начал руководить его занятиями, предвидя в нём выдающегося учёного. О профессоре Брашмане Чебышев сохранил навсегда благодарную па-

¹ Крылов А.Н. Воспоминания. М. Изд-во АН СССР, 1945, С. 217-218.

мать и писал ему о своих работах»¹. Сам Чебышёв умел навести учеников на плодотворные темы, хотя некоторые из них были весьма трудны. Так, над заданной П.Л. Чебышевым темой² А.М. Ляпунов работал всю свою жизнь, но именно в выбранном направлении ему удалось реализовать свой талант. Также и в очерке, посвященном Л. Эйлеру, Крылов выделил роль И. Бернулли в творческом становлении Эйлера, который «в свободное время стал аккуратно посещать лекции по математике в Университете, где профессором был знаменитый Иван Бернулли, который вскоре оценил талант своего юного ученика, даже стал с ним заниматься отдельно по субботам, предложив ему самостоятельно изучать творения знаменитейших авторов, обещая разъяснять те трудности, которые Эйлеру могли бы встретиться»³

А.Н. Крылов ценил в учёных умение совмещать теоретическую исследовательскую работу с решением практических задач. В речах, обращенных к Н.Е. Жуковскому и С.А. Чаплыгину, он подчеркивал их замечательную способность не ограничиваясь чисто научными изысканиями переходить к решению инженерных задач. Он считал, что теория без практики мертва и бесплодна, также как практика без теории невозможна и пагубна. Если для теории нужно знание, то для практики ещё и умение.

Важным в организации научного сообщества Крылов считал наличие истинно профессиональной позиции учёного, не боящегося отстаивать мнение, которое считает верным, и быть беспристрастным в оценке результатов. В качестве примера профессионального упущения Крылов приводил медлительность и бюрократизм секретаря Академии наук Фусса-старшего, который упустил случай выставить кандидатуру молодого Гаусса. А следующий секретарь Академии Фусс-младший, опасаясь недо-

¹ Крылов А.Н. Собрание трудов. Т.1, ч.2. Научно-популярные статьи. Биографические характеристики. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 115.

² П.Л. Чебышев предложил А.М. Ляпунову следующий вопрос: «Известно, что жидкая однородная масса, частицы которой притягиваются по закону Ньютона и которая вращается равномерно около некоторой оси, может сохранить форму эллипсоида, пока угловая скорость ω не превосходит некоторого предела. Для значений ω , больших этого предела, эллипсоидные фигуры равновесия становятся невозможными. Пусть ω – какое-либо значение угловой скорости, которой соответствует эллипсоид равновесия E . Даем угловой скорости достаточно малое приращение ε . Спрашивается, существует ли для угловой скорости $\omega + \varepsilon$ иные фигуры равновесия, отличные от эллипсоидных, непрерывно изменяющихся при непрерывном изменении ε , и при $\varepsilon = 0$ совпадающие с эллипсоидом E ?

³ Крылов А.Н. Собрание трудов. Т.1, ч.2. Научно-популярные статьи. Биографические характеристики. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 192.

вольства Остроградского, побоялся привлечь в Академию Н.И. Лобачевского.

В преподавателе Крылов ценил умение ясно, содержательно и доступно излагать материал, а также сдержанность и корректность на экзаменах¹. Во время научной дискуссии Крылов ценил умение касаться не второстепенных деталей, а общих вопросов предмета научной работы. Именно эти качества он подчеркивал у П.Л. Чебышева.

Крылов выступал за внедрение опыта Парижской политехнической школы, профессора которой были обязаны представлять литографированное содержание каждой прочитанной лекции. После чего их конспекты обрабатывались и издавались. Отсутствие такой практики в системе отечественного высшего образования привела к утрате многих ценных курсов.

А.Н. Крылов подразделял учёных на тружеников и творцов. Труженики добросовестны, основательны, но лишены истинного творческого воображения и полёта мысли – как С.Ф. Лакруа, Н.И. Фусс. Творцы же создают новые концепции и дисциплины, они борются с устаревшими методами в науке – как Г. Галилей, И. Ньютон, Л. Эйлер, К.Ф. Гаусс, О. Коши и Н. Абель.

Цель науки он находил в том, чтобы на основании изучения прошлого и настоящего предвидеть будущее, и на основании изучения существующего творить новое. Наука должна состоять из объединения теории и практики, и всё её развитие должно быть основано на таком объединении. Поэтому учёный должен совмещать в своей деятельности решение задач как теоретических, так и практических. Изучение истории науки позволяет сформировать правильное понимание перспективы прошлого и будущего. История даёт осознание важности того, что кажущееся отвлечённым знание может быть востребовано через двести–триста лет. И главное, что «всякая истина представляет научный вклад в сокровищницу человеческого знания, независимо от того, когда эту истинную воспользуются»².

Работа поддержана грантом РГНФ № 12-33-01329.

А.В. ГОРШКОВА

ТИМИРЯЗЕВ АРКАДИЙ КЛИМЕНТОВИЧ:

¹ Крылов А.Н. Собрание трудов. Т.1, ч.2. Научно-популярные статьи. Биографические характеристики. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 117.

² Там же, с. 30.

МЕЖДУ НАУКОЙ И ВЛАСТЬЮ

В этой работе будет проанализировано через судьбу отечественного физика - А.К. Тимирязева то, как происходит смена научно-исследовательских программ, как конкурируют научные теории, почему в истории науки остаются только одна - победившая версия. Между тем, жизнь науки многообразна и не стоит ее обесцвечивать, оставляя единую версию событий.

Познавательная ситуация в физике в начале XX века

На рубеже XX в. произошли события, которые, впоследствии, привели к кризису ньютоновской классической физической теории. К ним относятся: открытие рентгеновских лучей, обнаружение явления радиоактивности, открытие электрона, экспериментальное обнаружения атомного ядра, разработка моделей строения атома и др. Кризис разрешился созданием теории относительности (специальной - СТО, и общей - ОТО) и квантовой механики. СТО позволила объяснить многие физические явления, которые не укладывались в рамки классических представлений. В первую очередь это касалось закономерностей электромагнитных явлений в движущихся телах. Квантовая механика дала возможность описать строение атомов и молекул, объяснить химические связи, создать теорию твердого тела и построить теорию радиоактивного распада. Эти теории ознаменовали переход от классической к неклассической физике. Однако, как и всё новое, теория А. Эйнштейна не вызвала одобрения всего физического сообщества. Переход к новой физике был непрост. Также критику вызвала и квантовая механика. Она отличалась от классической механики абстрактностью, ненаглядностью, вероятностно-статистическим характером описания. Это затрудняло принятие квантово-механических идей и способов обоснования знания, так как противоречило сложившимся к тому времени нормам и принципам классической физики. Также давало повод обвинять релятивистскую и квантовую физику в идеализме, поскольку она отказалась от наглядных механических моделей и заменила их абстрактно-математическими построениями.

В отечественном сообществе физиков в 20-е годы XX века выделилась группа ученых, не согласных с новыми тенденциями: А.К. Тимирязев, Н.П. Кастерин, В.Ф. Миткевич, В.И. Романов. Они придерживались мнения, что механика с её моделями и методами дает достаточно для объяснения мира. Наиболее видным противником теории относительности в нашей стране стал Аркадий Климентович Тимирязев. Если бы этот спор имел только научное измерение, было бы меньше оценочно-осуждающих суждений об этой группе физиков, которые есть в истори-

ческих исследованиях. Но в 30-годы XX в. естествознание в СССР испытывало стремительно нараставшее философско-политическое давление. Диктатура в государственной политике с большим или меньшим запаздыванием распространялась на все области общественной жизни. Большая часть статей по оценке новых физических теорий была напечатана не в специализированных журналах по физике, а в журналах «Под знаменем марксизма», «Естествознание и марксизм». Полем дискуссии между противниками классической и неклассической физики стали философские конференции и газета «Правда». Физика привлекала внимание власти. Поэтому то, что происходило в ней, имело и идеологическое значение, что объясняет «партийность» физики в это время.

Вехи научной биографии

А.К. Тимирязев родился 19 октября 1880 г. в Москве. Он был сыном выдающегося русского ботаника Климента Аркадьевича Тимирязева. Мировоззрение А. К. Тимирязева складывалось под глубоким влиянием отца, которого он любил и перед которым преклонялся. В своих исследованиях по физиологии растений К.А. Тимирязев широко применял методы и выводы физики и высоко ценил эту науку. Он хотел, чтобы его единственный сын стал физиком. Огромное влияние оказали на него и его учителя. Друзьями отца Тимирязева были ведущие физики Московского университета А.Г. Столетов и П.Н. Лебедев. Будущий физик уже с гимназических времен испытал благотворное влияние этих ученых. Из зарубежных физиков наибольшее влияние на Тимирязева оказал Д.Д. Томсон, с которым его познакомил отец в 1909 г. во время поездки в Кембридж на юбилей Дарвина.¹

После окончания гимназии он поступил на математическое отделение Московского университета, где избрал своей специальностью физику. Еще студентом начал работать в физической лаборатории под руководством выдающегося русского физика П.Н. Лебедева, экспериментально доказавшего световое давление. В 1904 г. Тимирязев окончил университет с дипломом 1-й степени (с отличием) и был оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию. В эту подготовку входила и зарубежная стажировка. Тимирязев провел ее в Дрездене, где в Политехническом институте два года изучал электротехнику. Вернувшись домой, он в 1909 г. выдержал магистерские испытания и был утвержден приват-доцентом и ассистентом при физическом практикуме.

¹ Кудрявцев П. С. Курс истории физики. М.: Просвещение, 1974.

В эти годы Тимирязев примыкал к прогрессивной профессуре университета, которую возглавлял его учитель П.Н. Лебедев. Поэтому, когда в 1911 г. министр просвещения Л.А. Кассо предписал администрации университета сообщать полиции о политических сходках студентов, Тимирязев вместе с рядом профессоров и преподавателей, в знак протеста, покинул университет. Он перешел на работу в Городской народный университет им. Шанявского, где Лебедев организовал физическую лабораторию.

Его магистерская диссертация и последующие несколько работ касались изучения внутреннего трения в разреженных газах и их взаимодействия с поверхностями твердых тел. В свое время пользовался успехом его учебник «Кинетическая теория материи», выдержавший три издания (последнее — в 1939 г.). То есть уже в начале XX века А.К. Тимирязев начал заниматься проблемами, ставшими через четыре десятка лет ключевыми при создании космических аппаратов. В 1921 г. он был принят в члены коммунистической партии без кандидатского стажа, что являлось высшим свидетельством его политической лояльности. Многие годы Тимирязев был членом парткома МГУ и партбюро физического факультета. С 1920 по 1930 гг. он преподавал физику в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова — высшем учебном заведении, где готовились партийные функционеры.¹

А.К. Тимирязев вел также большую популяризаторскую работу. Им, в частности, была прочитана первая в Советской России лекция о внутриатомной энергии. Популяризируя достижения ведущих современных физиков — Н.Бора, Э.Резерфорда, А.Эйнштейна, М. Планка.

Концептуальная критика теории относительности

Тимирязев критически относился к теории относительности, разделяя отношение к ней Д.Д. Томсона и своего учителя Н.П. Кастерина. Вот, что писал Тимирязев в 1924 г. в работе «Теория относительности Эйнштейна и диалектический материализм»²: *«Мы уже много раз указывали на то, как мало у нас способов подойти к опытной физической проверке результатов этой теории, и насколько сомнительны достигнутые в этом направлении результаты. Никто не будет, конечно, возражать против гипотез, против «умозрений», отправляющихся от фактов и порой далеко забегающих вперед и побуждающих нас идти на поиск новых фак-*

¹ Сонин А.С. Физический идеализм: История одной идеологической кампании. М.: Наука, 1994.

² Тимирязев А.К. Теория относительности Эйнштейна и диалектический материализм // Под знаменем марксизма. 1924. № 8/9. С. 142-157; № 10/11, с. 93-114.

тов». Будучи физиком экспериментатором, он прежде всего ценил верификационную процедуру: *«Но ценным является только такое «умозрение», которое, в конечном счете, может быть проверено на фактах. Выводы же теории относительности тщательным образом от такой проверки забронированы. Эйнштейн поставил себе задачу построить мир таким, каким ему хочется, и он достиг шумного успеха только потому, что его гипотезы — с физической точки зрения необоснованные — не могут быть при современном состоянии науки проверены».*

Теоретическая физика в начале XX века стала оперировать математическим аппаратом, и изменила способ доказательности. Это требовало изменения представлений дисциплинарного сообщества. Тимирязев не был убежден и писал: *«Пусть все эти гипотезы укладываются математически в очень стройную систему. Математик говорит — у Эйнштейна только одна идея: все системы координат равноправны, и больше ничего. Но физически сколько в этом гипотез! В специальном принципе — требование постоянства скорости света представляется недоказанной гипотезой.*

Далее: требование изменения размеров движущихся тел и изменения хода часов при теперешней технике не может быть доказано. Допущение, что под действие силы тяжести пространство становится неевклидовым и притом в различной степени — в зависимости от величины действующих масс — опять ничем не доказанная гипотеза.

Наконец, требование, чтобы центробежная сила получалась при вращении Вселенной вокруг Земли, не доказано, и, наконец, не доказано, что при этом Земля — ничтожнейшая песчинка по сравнению с миром бешено летящих вокруг нее звезд — должна создать гигантское поле тяготения; физически, все это гипотезы, гипотезы и гипотезы, которых никто и никогда не проверял...»¹.

Защитники ОТО и квантовой механики

В свою очередь сторонники новых идей — В.А. Фок, Л.И. Мандельштам развивали положения теории относительности, и по-новому интерпретировали квантовую механику. Они стремились выработать соответствие диалектического материализма и релятивистской и квантовой физики.

Основным в интерпретации квантовой механики В.А. Фока было утверждение о том, что Копенгагенская интерпретация, включающая принцип дополнительности, не противоречит диалектическому материализму. Еще в 1938 г. он заявлял, что «тезис о противоречии между кван-

¹ Бояринцев В.И. Эйнштейн – главный миф 20-го века. М.: Яуза, 2005.

товой механикой и материализмом есть тезис идеалистический». Принцип дополнительности Н. Бора для В.А.Фока был «неотъемлемой частью квантовой механики» и «твердо установленный, объективно существующий закон природы»¹. В.А. Фок считал теорию относительности теоретическим основой современной физики, и защищал ее от критики и обвинений в идеализме. В.А. Фок разработал новую интерпретацию ОТО как теории тяготения, которую изложил в монографии «Пространство, время, тяготение»².

В наследии Л.И. Мандельштама нет ни одной философской публикации, есть лишь отдельные замечания мировоззренческого характера в его лекциях по физике. Совместно с М.А. Леонтовичем он в 1928г. создал теорию «просачивания» частиц через потенциальный барьер и предсказал использование матриц рассеяния. Вместе с И.Е. Таммом дал более общую трактовку соотношения неопределенностей в терминах «энергия – время». Л.И. Мандельштаму впервые удалось дать этому соотношению строгую и общую формулировку и раскрыть простой и глубокий смысл.³

Главной проблемой были немарксистские и не материалистические философские убеждения творцов новой физики. Что давало повод антирелятивистам обвинять в идеализме не только её создателя, но и всех кто поддерживал ОТО. В 1934 году на специальной научной сессии Института философии КомАкадемии, которая была посвящена 25-летию выхода в свет книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», был выдвинут лозунг о союзе материалистов-диалектиков и естествоиспытателей для борьбы с идеализмом. А.Ф. Иоффе решился высказать ряд принципиальных замечаний о сложившейся взаимосвязи физики и философии в СССР: «и сейчас всё-таки существуют выпады, когда философы становятся поперек дороги историческому прогрессу физики и говорят: «Назад, назад, ничего не допущу, всё идеализм; назад на 30 лет»... Но я бы сказал, что отвергая совершенно такую постановку вопроса, где развитие науки считается идеализмом, всё-таки с опаской принимается каждая новая научная теория, каждое новое познание природы. Не только в их толковании, но и в самих теориях ищется идеализм»⁴. А.Ф. Иоффе утверждал, что нельзя искать идеализм в самих фи-

¹ *Фок В.А.* К дискуссии по вопросам физики // Под знаменем марксизма. 1938. № 1. С. 159.

² *Фок В.А.* Теория пространства, времени и тяготения. М., 1955.

³ *Горелик Г.Е.* Андрей Сахаров. Наука и Свобода. М.: Молодая гвардия, 2010.

⁴ *Иоффе А.Ф.* Развитие атомистических воззрений в XX в. // Под знаменем марксизма. 1934. № 4, С. 52–68.

зических теориях – идеалистическим может быть только их толкование, но не они сами.

Идеологическая критика ОТО и квантовой механики

А.К. Тимирязев активно участвовал в работе Коммунистической академии — высшего партийного научного учреждения, где разрабатывалась марксистско-ленинская методология и велись работы по историческому и диалектическому материализму. Он активно выступал против идеализма в физике на страницах партийной печати и издал сборник своих статей под названием «Естествознание и диалектический материализм».

«...Для материалиста, прежде всего, надо знать, что есть и что представляет собой более или менее удачное приближение к тому, что есть, а не те более или менее интересные картины, создаваемые, может быть, и очень остроумными людьми, но проверить которые мы не имеем возможности... От теории Эйнштейна до диалектического материализма... "дистанция огромного размера"»¹.

По Тимирязеву, теория относительности не согласуется с диалектическим материализмом потому, что она является чисто умозрительной. А.К. Тимирязев, обвинял современную физику в идеализме, поскольку она отказалась от наглядных механических моделей и заменила их абстрактно-математическими построениями. А.К. Тимирязев назвал А. Эйнштейна реакционером в науке, который будто бы способствовал пятному движению научного знания². Столь же нигилистично было его отношение к квантовой механике. С отказом в ней от механистически-наглядных моделей он связывал кризисное состояние всей современной физики.

С опровержением теории относительности выступил А.К. Тимирязев и на V съезде русских физиков в Москве в декабре 1926 г.³ Однако, судя по отчету о съезде, реакция физиков на доклад была негативной. При этом старейший русский физик О.Д. Хвольсон счел необходимым ответить А.К. Тимирязеву на его обвинения теории относительности в антиматериализме: *«Странная мысль об антиматериалистической основе теории относительности всецело принадлежит только одному проф. А.К.*

¹ Тимирязев, А.К. Теория относительности Эйнштейна и диалектический материализм // Под знаменем марксизма. 1924. № 8/9. С. 142-157; № 10/11, с. 93-114.

² Огурцов А.П. Философия науки двадцатый век: концепции и проблемы. В 3-х т., т. 2. СПб.: Изд. Дом «Мир», 2011, с.195.

³ Тимирязев А.К. Обзор литературы по опытам Дейтон-Миллера и их критика // V съезд русских физиков. М.: ГИЗ, 1926, с. 94.

*Тимирязеву, который уже давно и настойчиво ее проповедует, не находя сторонников в немногочисленном кругу истинных знатоков этой теории».*¹

К тому времени, А.К. Тимирязев занимал ряд ответственных постов в Наркомпросе, в ректорате МГУ, был академиком Коммунистической Академии, состоял в ВКП(б) и в редколлегии журнала «Под знаменем марксизма». Это наложило определенный отпечаток – теперь А.К. Тимирязев стал выступать от лица диалектического материализма. Вот пример из его рецензии на перевод книги А. Эйнштейна «О специальной и всеобщей теории относительности», опубликованной в журнале «Под знаменем марксизма» за 1922 год. Эта рецензия получила похвалу Ленина в его статье «О значении воинствующего материализма». А писал Тимирязев вот что: *«Все выводы из теории Эйнштейна, согласующиеся с действительностью, могут быть получены и часто получаются гораздо более простым способом при помощи теорий, не заключающих в себе решительно ничего непонятного — ничего сколько-нибудь похожего на те требования, которые предъявляются теорией Эйнштейна ... Ошибка здесь в том, что, приписав произвольное допущение Эйнштейна, мы потом должны подыскивать такие новые допущения, которые не дали бы нам возможности разойтись с фактами. Забыв при этом, что мы это вынуждены делать потому, что мы сделали произвольно первый шаг. И вот об этом своеобразном процессе подлаживания под действительность: шаг назад и шаг вперед, громогласно объявляют: сознание диктует бытию свои законы!»*²

Стоит подчеркнуть, что А.К. Тимирязев осознанно использовал идеологический фактор в научной дискуссии. Он был одним из активных участников дискуссии о статусе научной философии, внес вклад в разработку марксистской парадигмы.

В начале 30-х г. XX в. завязалась дискуссия, разделившая марксистов на две группы. В группу «механистов» входили А.К. Тимирязев, А.И. Варьяш, И.И. Скворцов-Степанов, и другие. В группу «диалектиков», которую возглавлял А. М. Деборин, ученик Г.В. Плеханова, входили Я.Э. Стэн, Н.А. Карев, Г.К. Баммель и другие.

¹ Хвольсон О.Д. Опровергнута ли теория относительности?// Вестник знания.1926,№19, с. 1230.

² Тимирязев А.К. А. Эйнштейн. О специальной и всеобщей теории относительности (общедоступное изложение) // Под знаменем марксизма. 1922. № 1/2. С. 70- 73.

Полемика относилась, прежде всего, к статусу марксистской философии, ее отношению к естественным наукам.¹ Если для «механистов» не могло существовать отдельной и обособленной области философствования, в принципе отождествляемого ими с выводами естественных наук, то для «диалектиков» марксистская философия обладала самостоятельным статусом и специфическим содержанием как методология и теория познания.

Одним из центральных пунктов полемики «механистов» и «диалектиков» был вопрос о возможности свести возникновение нового качества к количественным процессам и отношениям, то есть сведения сложного к простому. Если «диалектики» подчеркивали скачкообразность перехода от низшей формы к высшей, несводимость нового качества к количественным процессам, то «механисты» полагали, что именно такое сведение составляет основную характеристику научного знания. Указанная проблема особенно обострилась при попытке объяснить сущность живого. Поэтому в процессе дискуссии вставали вопросы: можно ли свести живое к физико-химическим свойствам; достаточно ли познавательных средств механики для объяснения жизни и т.п. Трактую качество как лишь количественное изменение, «механисты» обвиняли «диалектиков» в витализме, поскольку последние проводили мысль о несводимости живого к физико-химическим процессам.

Спор между «механистами» и «диалектиками» был далек от научной полемики. Стороны не стеснялись в средствах, обвиняя друг друга в идеализме, ревизионизме, ликвидаторстве, антимарксизме, философской беспомощности и т.д. Каждая из полемизировавших сторон не слушала аргументы и контраргументы другой стороны. Отсутствие научных аргументов компенсировалось прибеганием к внешнему авторитету власти, для того чтобы усилить свои позиции, тем самым выступая проводником власти в научную дискуссию. Таким образом, участники спора осознанно привлекали идеологический и административный ресурс власти для разрешения конфликта.

Вторая всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений в 1929 году квалифицировала «механистов» как наиболее активное философское ревизионистское направление и влияние «механистов» идет на убыль и окончательно побеждает программа «диалектиков». Подвести под естествознание фундамент материалистической диалектики - так мыслилась «деборинцами» основная

¹ Огурцов А.П. Подавление философии // Суровая драма народа. М.: Политиздат, 1989. с. 353-374.

линия философских исследований. В этой борьбе А.К. Тимирязев вместе с другими физиками-материалистами потерпел поражение. Он был один из физиков-марксистов, которые стремились применять его в физике, боролись за материализм в физике, против идеализма, позитивизма и прочих враждебных марксизму течений.

После осуждения «механистов» у физиков идеалистов в СССР появилась возможность отвергать воззрения физиков-материалистов как «механистические», чем они и воспользовались, отвергая «с порога» теории Г.А. Лоренца, Дж. Томсона, Н.П. Кастерина, В.Ф. Миткевича.

В 40-е годы партия направила Тимирязева на важный идеологический участок – переписывать историю физики в духе борьбы с космополитизмом. Он становится заведующим кафедрой истории физики МГУ им. М.В. Ломоносова, профессором, доктором физико-математических наук. Теперь он из положения «гонимого» приват-доцента вынужден быстро переменить фронт и перейти к роли профессора, руководителя кафедры и хранителя священных традиций и сам принужден начать играть роль «угнетателя» всех¹. «А.К. Тимирязев вел непримиримую борьбу с идеалистами, как вне университета, так и особенно на физическом факультете. Публичные выступления А.К. Тимирязева против идеалистических шатаний - как зарубежных буржуазных, так и ряда советских физиков - являются образцом партийности и большевистской непримиримости в борьбе за чистоту марксистско-ленинской методологии в науке». Такова оценка его общественной деятельности, данная руководством МГУ в 50-е годы.²

Занимая частью лично, частью через преданных ему людей большое число «командных позиций» в руководящих органах, а также Научных учреждениях, А.К. Тимирязев в течение примерно 10 лет всеми средствами оберегал свое влияние на жизнь кафедр физики. Тем самым нанес существенный ущерб репутации кафедры теоретической физики МГУ. Летом 1944 года деятельность А.К. Тимирязева была подвергнута критике со стороны сообщества физиков АН СССР. Четыре академика - А.Ф. Иоффе, А.Н. Крылов, П.Л. Капица, А.И. Алиханов написали письмо В.М. Молотову, в котором описали сложившуюся на факультете обстановку как невозможную для научной работы. Они писали, что состав факультета «засорен весьма многочисленной группой посредственных физиков, из которых некоторые давно прекратили научную работу и в современной физике совершенно не разбираются». К этой группе были от-

¹ Андреев А.В. Физики не шутят: Страницы социальной истории НИИ физики при МГУ (1922-1954). М.: Прогресс-Традиция, 2000, 318 с.

² Капцов Н.А. Физика в Московском университете 1755-1940 гг., с. 156–157.

несены: декан, член-корр. проф. А.С. Предводителей, профессора: Ильин, Кастерин, Тимирязев. В общем около 2/3 ученого совета факультета. Они требовали вмешательства в жизнь факультета – замены декана и обновления кадрового состава. В этом письме деятельность А. К. Тимирязева была выставлена показательным примером лженауки.

Как следствие, в 1954 г. кафедра истории физики, организованная на физическом факультете МГУ в 1941 г., была преобразована в межкафедральный кабинет истории физики. Сотрудники кабинета вошли в состав кафедры общей физики для физического факультета. А.К. Тимирязев стал заведующим кабинетом. Ему принадлежит ряд статей о М. В. Ломоносове, А. Г. Столетове, П. Н. Лебедеве и других ученых. Он был редактором трехтомного собрания сочинений А. Г. Столетова, избранных трудов (в одном томе) А.Г. Столетова и П.Н. Лебедева. Под его редакцией вышла книга «Очерки по истории физики в России», «История физики» П. С. Кудрявцева (т. I, 1948).

Умер А. К. Тимирязев 15 ноября 1955 г.

История конфликта А.К. Тимирязева и сторонников новой физики показывает, каким жестким было противостояние в физике в середине XX века. Участники спора осознанно выходили за рамки научной дискуссии, привлекали идеологический и административный ресурс власти для разрешения конфликта. В итоге в этом споре выиграла более перспективная в научном плане группа учёных. Но всё могло пойти по другому пути развития. Поэтому наука должна быть саморегулируемой и независимой от властей. Для объективной оценки развития теоретической физики в XX в., её современного состояния, а также для определения перспективных направлений ее дальнейшего развития необходимо изучение работ деятельности таких ученых, как А.К. Тимирязев.

Работа поддержана грантом РГНФ № 12-33-01329.

Н.Г. БАРАНЕЦ, А.Б. ВЕРЁВКИН

ИСТОРИК НАУКИ

ВАЦЛАВ МРОЧЕК – СУДЬБА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Вацлав Ромуальдович Мрочек (1879–1937) – математик, педагог и один из «забытых» историков науки, чья судьба при всей уникальности типична для первой половины XX века. Сведений о его биографии в распространённых справочниках нет, их удалось обнаружить только в архиве Н.А. Морозова (АН Ф. 543, О. 5. № 139).

В.Р. Мрочек родился в декабре 1879 г. в Житомире в дворянской семье отставного поручика. С 1897 по 1904 гг. он учился в Санкт-

Петербургском университете на физико-математическом факультете. В 1901 и 1903 гг. его арестовывали за участие в студенческих забастовках. Состоял в партии эсеров в 1904–1917 гг., затем – в партии большевиков с 1918 по 1924 гг. (вышел из партии добровольно с правом вступления обратно). В 1905–1912 гг. Мрочек преподавал в реальном училище и гимназии математику и физику; в 1912–1918 гг. вёл высшую математику на политехнических курсах, в 1918–1923 гг. преподавал на Высших кавалерийских курсах. В 1920–1930 гг. Мрочек был профессором на кафедре технической математики Высших педагогических курсов, а с 1930 г. – старшим научным сотрудником научно-исследовательского института им. П.Ф. Лесгафта.

С 1920 г. Мрочек в течении ряда лет вёл курсы «История школ и педагогических систем», «История и методология точного знания». В 30-е гг. он читал лекции по истории техники, по методике математики и технической математике в разных ВТУЗах Ленинграда и в Педагогическом институте им. А.И. Герцена.

С 1930 по 1937 гг. Мрочек состоял в штате отделения прикладной астрономии Научного института им. П.Ф. Лесгафта, выполняя там ряд исторических исследований по заданию Н.А. Морозова. С 1925 по 1930 гг. Мрочек возглавлял «Кружок по истории и методологии точного знания», позднее влившийся в Общество математиков-материалистов при Комакадемии. С 1930 по 1931 гг. он входил в президиум этого Общества. В 1931 г. Мрочек организовал и возглавил в Доме ИТР им. В.М. Молотова секцию марксистской истории техники (СМИТ). В 1934 г. его назначили заместителем директора по учебной части организованного в это время университета Истории науки и техники (при доме техпропаганды НКТП). В 1933–1934 гг. Мрочек был заместителем председателя комиссии по технической математике в Академии Наук.

В.Р. Мрочек опубликовал ряд научно-педагогических работ: «Прямолинейная тригонометрия и начала теории гониометрических функций» (1908, 1913), «Педагогика математики» (1910), «Арифметика в прошлом и настоящем» (1912), «Три периода школьной физики» (1913), «Школьные математические кабинеты» (1913), «Панамский канал» (1914), «Мосты прежде и ныне» (1915), «Болезни металлов» (1915), «Материалы по реформе профессиональной школы» (1924), «Подготовка технико-педагогических кадров», «Техническая математика» (1931), «Возникновение и развитие теории вероятностей» (1934). Он написал свыше 50 статей в трудах съездов и научных журналах, перевёл и отредактировал учебники: Вентворт Г. и Рид Е. «Начальная арифметика» (1912), Лезан Ш. «Введение в математику» (1913), Гильом Ш. «Введение

в механику» (1913). Филипс Э. и Фишер И. «Элементы геометрии» (1913, 1918).

В области истории науки и техники Мрочека интересовали проблемы истории счисления и измерения, создания технических таблиц и справочников, взаимоотношения истории и техники в XVI–XVIII вв., зарождение исследований электрических и магнитных явлений, история электрического телеграфирования.

В архиве Н.А. Морозова сохранился протокол заседания областной комиссии по просвещению от 15 мая 1918 года под председательством А.В. Луначарского. Поводом для разбирательства стал инцидент, в котором участвовали В.Р. Мрочек (председатель педагогического музея), некий Ежов (завхоз музея) и П.К. Безсалько. Ежов отказался выполнить распоряжение Мрочека об освобождении пожароопасного помещения и арестовал Мрочека (как пролетарий и большевик). Прибывший комиссар Безсалько освободил Мрочека из-под ареста, но между ними произошёл конфликт, поскольку Мрочек не признавал подчинённость Музея Комиссии. Что вызвало взаимные нетактичные обвинения. В ходе разбирательства Луначарский охарактеризовал Безсалько как спокойного и уравновешенного человека, спровоцированного в данном случае недопустимым поведением Мрочека – «неприятного и неудобного сотрудника», отличающегося сложным характером. Усилиями Луначарского были приняты три резолюции: первая – об увольнении Ежова, вторая – о неоправданности резкостей, допущенных Безсалько и третья – о превышении полномочий Мрочеком с приказом строго их соблюдения. На деле стоит приписка Н.А. Морозова: «Причина по которой я воздержался от хлопот о Мрочеке, несмотря на его огромную эрудицию». Этой причиной, видимо, был трудный характер Мрочека и возникающие из этого проблемы.

В.Р. Мрочека арестовали 5 августа 1937 г. и осудили комиссией НКВД и прокуратуры СССР 25 августа 1937 г. по статье 58-10-11 УК РСФСР. Его расстреляли как «врага народа» 27 августа 1937 г.

Н.А. МОРОЗОВ И ЕГО ПРОЕКТ ПЕРОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ

С Морозовым Мрочека связывали долгое сотрудничество и общность интересов в области истории науки. Мрочек, по-видимому, разделял основные идеи Морозова о необходимости ревизии общепринятой хронологии, противоречащей логике законов истории, достоверно наблюдаемой в пять последних столетий и зафиксированной в достаточно большом количестве документов.

Николай Александрович Морозов (1854–1946) в молодые годы был членом исполкома и главным идеологом «Народной воли», а в последствии – учёным и писателем. Не окончив гимназии, он стал «Чайковцем» и вместе со С.М. Степняком-Кравчинским «ходил в народ» для социалистической пропаганды. В 1874 г. он эмигрировал в Швейцарию для издания революционного журнала. Здесь Морозов стал членом I Интернационала. В 1875 г. по возвращению в Россию он был арестован и во время 3-х летнего предварительного заключения по «процессу 193-х народников» самостоятельно прошёл университетский курс истории, выучил несколько иностранных языков и написал наброски двух работ: «Естественная история человеческого труда и его профессий» и «Естественная история богов и духов». Будучи освобождён под полицейский надзор, Морозов скрылся и вступил в революционную организацию «Земля и Воля».

Вскоре вместе с будущим ренегатом Л.А. Тихомировым Морозов стал организатором «Народной Воли», идеологом её террористического крыла. В 1880 г. он эмигрировал в Швейцарию для издания революционной литературы, где познакомился с П.А. Кропоткиным и К. Марксом. При нелегальном возвращении в Россию в 1881 г. Морозов был арестован под именем студента Женевского университета Лакьера (этот псевдоним он взял в честь английского астрофизика Дж.Н. Локьера, открывшего гелий). Морозова осудили в «Процессе 20-ти народовольцев» на пожизненное заключение в Алексеевском равелине Петропавловской крепости – бывшей тюрьме декабристов. С 1884 г. он отбывал заключение в одиночной камере №4 Шлиссельбургской крепости до своего освобождения по амнистии 1905 г. Н.А. Морозов покинул крепость с черновиками 26 томов сочинений по математике, физике, химии и истории.

За теоретические открытия в области химии вскоре после освобождения по рекомендации Д.И. Менделеева он получил степень почётного доктора наук Санкт-Петербургского университета, и стал профессором аналитической химии Высшей вольной школы П.Ф. Лесгафта. Н.А. Морозов состоял в Русском, Французском и Британском астрономических обществах. В 1911 г. его вновь осудили как «призывающего к учинению бунтовщического деяния и к ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя» на год заключения в Двинской крепости за переиздание «Звёздных песен», написанных в конце 1870–х. В этом заключении он написал воспоминания – «Повести моей жизни», выучил для занятий историей древнееврейский язык и написал книгу «Пророки». В тюрьмах он провёл, в общей сложности, около 29 лет.

Накануне революции 1917 г. Морозов вступил в партию кадетов, но политической деятельностью почти не занимался, отдав все силы науке. Морозов был энтузиастом воздухоплавания, – летал на первых аэростатах и самолётах, делая научные наблюдения за атмосферой.

В 1918 г. Морозов основал Ленинградский научный институт им. П.Ф. Лесгафта и стал его директором, в 1932 г. его избрали почётным членом АН СССР, от советского правительства он получил орден Трудового Красного Знамени (1939) и два ордена Ленина (1944, 1945). В 1944 г. в его честь были учреждены 7 стипендий по астрономии, химии и физике в Московском университете. В 1924–1932 гг. Морозов опубликовал 7 томов междисциплинарного исследования «История человеческой культуры в естественно-научном освещении», известного под коротким названием «Христос», – продолжение работы осталось в рукописях и было опубликовано в XXI веке. В этой работе он обосновал «теорию непрерывной преемственности человеческой культуры», построив новую реконструкцию мировой истории, крайне противоречащую традиционным историческим представлениям. У Морозова было особое отношение к истории науки¹, которую он считал ключом, открывающим тайны научного миропонимания в прошлом, тесно связанным с настоящим. Эпиграфом своей книги «В поисках философского камня» он использовал слова С. Пуассона: «Нельзя знать науки, не зная её истории... Мы беззаботно пользуемся работами наших предшественников, не думая об огромном количестве физического труда, потраченного ими, чтобы расчистить нам дорогу».

В реконструкции истории науки и культуры Морозов сочетал астрономический, геофизический, лингвистический, материально-культурный, психологический, статистический и этнопсихологический методы. Особенно важным он считал психологическое проникновение в мировоззрение эпохи. Исследование истории науки допечатного периода представляет серьёзные трудности. Морозов напоминал о целенаправленных искажениях средневековой патристической литературы и отсутствии оригинальных текстов древних классических авторов. Он доказывал легендарность многих авторов «герметического искусства» (алхимии) до нашей эры и первых веков христианства (Гермес Трисмегист, Демокрит, Зосима из Панополиса). Опираясь на исследование по истории химии П.Э.М. Бертло, Морозов утверждал, что достоверными историческими документами могут быть только трактаты авторов не ранее XIII века.

¹ *Шептунова З.И.* Историко-химические взгляды Н.А. Морозова // Николай Александрович Морозов учёный-энциклопедист. М.: Наука, 1982, с. 154-167.

Морозов исходил из того предположения, что только с появлением книгопечатания начинается время достоверной истории. Эти же методы Морозов применил для рассмотрения истории астрономии, сочетая их с методом исторической критики. Он анализировал описанные в Ветхом Завете астрологические указания и астрономические феномены: «Я подверг, прежде всего экономическому исследованию библейские пророчества, специально изучив для их понимания еврейский и халдейский языки... Я начал эту книгу с исторической характеристики умственной и религиозной жизни мессианцев в Вавилонии в V веке до н.э.»¹. Широкое и эффективное применение этих методов способствовали популярности его исторических трудов, которые он подытожил выпуском многотомного сочинения «История человеческой культуры в естественно-научном освещении. Христос» (1924–1932). Его выводы противоречили сложившейся со времён Средневековья хронологической системе, а также – высказываниям классиков марксизма, и тем самым вызвали нападки учёных-историков, не желавших пересмотра сложившихся в этой области взглядов².

ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

В 1928 г. по инициативе Н.А. Морозова было создано Историко-методологическое общество³, которое первоначально предполагалось назвать «Обществом истории и методологии точных наук и техники». Его членами-учредителями были:

1. Белоусов Вас. Вас.- проф., - Физиология труда, история труда, рефлексология.
2. Боровинский Андр. Фр. – Физика, техника, педагогика, доцент, инж.
3. Гиттис Влад. Юл. – Проф., инж. – теплотехника, автомобили.
4. Копьев Ник. Вас. – Проф., инж. – технология.
5. Лазарев Андр. Матв. – Физическая химия, - инж. препод.
6. Леонтьев Мих. Алекс. – Строительное дело, графика – инж., препод.
7. Лоссавский Людв. Дом. – Электротехника, Механика – инж., препод.
8. Мищенко Леонид Леон. – Военная техника – инженер., препод.
9. Мрочек Вацлав Ромульдович – математик, история – проф.
10. Морозов Ник. Алек. – астрономия, история – Дир. института Лестгафта.

¹ Морозов Н.А. Пророки: История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1914, с. 7-8.

² Никольский Н.К. Спор исторической критики с астрономией: По поводу книги Н. Морозова «Откровение в грозе и буре». М., 1908. 32 с.

³ Архив АН СССР. Ф. 543. О. 3. № 56.

11. Лица №№ 2, 3, 4, 6, 7, 9 читают лекции по истории науки и техники¹.

УСТАВ

1. Задачи общества.

§1. Задачами общества являются:

- а) Изучение проблем истории, методологии и педагогики точных наук и техники;
- б) Популяризация перечисленных в п.а. проблем путём лекционной и литературной деятельности;
- в) Объединение – на основе пунктов «а» и «б» - всех лиц, могущих и желающих активно осуществлять поставленные задачи;
- г) Установление связи с учреждениями, разрабатывающими вопросы марксистской методологии.

§2. Деятельность Общества распространяется на всю территорию СССР.

2. Личный состав.

§3. В состав Общества входят: члены учредители, действительные члены, почётные члены, член-корреспонденты.

§4. Членами-учредителями являются лица, поименованные в особом списке, приложенном к уставу и подписавшие протокол учредительного собрания Общества.

В Архиве сохранились планы общества по исследованию истории науки и разработанная методология анализа, которая отражена в приводимой ниже схеме.

Схема исследования эволюции науки /искусства/

Тип хозяйства	Тип техники	Тип государства	Правящие классы	Ось времени	Взаимодействие науки и техники	Принципы науки /искусства/	Цель науки	Объем	содержание	учёные	Научные методы и аппаратура	Научные учреждения
---------------	-------------	-----------------	-----------------	-------------	--------------------------------	----------------------------	------------	-------	------------	--------	-----------------------------	--------------------

¹ Мы сохранили текст Устава и списка учредителей, так как он был изложен.

Государственный капитализм	Финансовый капитализм	Промышленный капитализм	Торговый капитализм	Натуральное хозяйство	
					Орудия производства
					обработка
					Транспорт
демократическое		буржуазное	дворянское	феодалное	
Демократия и буржуазия	Буржуазия и демократия	Буржуазия и дворянство	Дворянство и буржуазия	Духовенство и дворянство	
1919	1871 1918	1870 XIX	XVI XVIII	XV XII	
					Социальный тип
					Лица

Продолжение таблицы

Подготовка научных работников	Связь с другими науками	Школьный курс			Преподаватели		учебники	школы	Подготовка учителей	Связь с другими учебными предметами
		Методы обучения	Объем	содержание	Социальный тип	лица				

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ТОЧНОГО ЗНАНИЯ (автор – профессор В.Р. Мрочек, 1928 год) (л. 10)

I. ДОНАУЧНЫЙ ПЕРИОД.

1. Развитие числовых представлений. 2. Числовые системы. 3. Измерение и масштаб. 4. График и письмо. 5. История цифр. Измерение времени.

II. МЕТОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАУК.

1. Хронологизация истории. 2. Ошибки и заблуждения: а) экстраполирование; б) документализм; в) теория катастроф. 3. Астрономический метод определения событий и эпох: труды Н.А. Морозова. 4. Проблемы истории науки и техники.

III. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТОЧНЫХ НАУК.

1. Экономика средневековья. 2. Борьба классов и школа в эпоху натурального хозяйства и торгового капитализма. 3. Университеты. 4. Подготовка коммерсантов; вычисления и «правила». 5. Решение задач в равенствах; начала алгебры. 6. Землемерие и геометрия. 7. Уравнения 2-ой, 3-ей и 4-ой степеней. 8. Астрология и астрономия. 9. Инженерное искусство и механика.

IV. ИСТОРИЯ МЕТОДОВ ИНТЕГРИРОВАНИЯ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАНИЯ.

1. Общий фон научной жизни XVII столетия. 2. Вычисление объемов: Кеплер, Кавалиери. 3. Лейбниц и Ньютон. 4. Бесконечно малые и дифференциалы. 5. Гюйгенс, Бернулли, Вольф, Тейлор, Мак-Лорин и др. 6. Изучение процессов и функций.

V. КЛАССИФИКАЦИЯ И ОТБОР.

1. Классификация наук, её история и принципы. 2. Взгляды на математику в историческом аспекте. 3. Математика и логика. 4. Школьная классификация материала в математике; признаки необходимости, об-

щедоступности, элементарности, педагогичности. 5. Пример: классификация учебников геометрии по Миленскому съезду 1911 г. 6. Отбор материала; принципы и примеры. 7. Разработка учебных программ в рамках типа школы.

VI. ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

1. Гносеология понятия: анимизм, идеализм, материализм. 2. Понятия постоянные и переменные, первичные и производные. 3. Определение, его происхождение и логическая конструкция. 4. Типы определений в науке и их значение в учебном предмете. 5. Ошибка в определении; примеры. 6. Основные понятия в учении о числе, форме, положении, процессе. 7. Отбор понятий в отдельных учпредметах. 8. Терминология. 9. Формулировка законов, правил, выводов. 10. Разбор литературы.

VII. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

1. Гносеология доказуемости и доказательства. 2. Диалектическая эволюция доказательств: примеры. 3. Логика и интуиция, их взаимоотношения. 4. Аксиомы, постулаты, теоремы. 5. Ошибки в доказательствах; примеры. 7. Метод «наложения» и его критика. 8. Что значит «доказать». 9. Роль доказательств в школьном курсе, примеры. 10. Обзор литературы.

VIII. МОДЕЛИ.

1. Постановка вопроса. 2. Сущность понятия «Аналитическая модель». 3. Модель числа в исторической эволюции. 4. Модели пространства неевклидовой геометрии. 5. Модели геометрии. 6. Модели материальные. 7. Модели механики. 8. Роль модели в науке и уч.предмете.

IX. ЗАДАЧИ.

1. Откуда произошли наши школьные задачи. 2. История «типов» и «правил». 3. Содержание задач в исторической эволюции. 4. Классификация задач в методологии. 5. Анализ данных и искомым. 6. Методы решения задач. 7. Принципы составления: а) задач, б) задачников. 9. Формуляр обследования учебной литературы.

ПИСЬМА МРОЧЕКА МОРОЗОВУ ОБ ИСТОРИИ НАУКИ

О степени реализации поставленной программы можно отчасти судить по сохранившейся переписке. Приведём сначала письмо Мрочека к Морозову от 10.VIII.1934 (Ф. 543. О. 4. № 1248. л. 1):

«Дорогой Николай Александрович,

Так как я бываю сейчас в Институте редко (числюсь в августе и сентябре в отпуску), то ваше письмо получил лишь 8-го. Конечно, я согласен выполнить предложенную работу, об этом вам и спрашивать не зачем!

По расчету моего времени и заданий откладываю её на октябрь; работы по-моему не так много. Я возьму за основу Conn. des Temps , а революционные годы перечислю, пользуясь Nant. Alm.

Теперь разрешите доложить, что здесь сделано в ваше отсутствие.

1) Глезер, Леонтьев, Николаев и я имели ещё одно заседание; уточнили программу действий, разделили темы и разошлись до осени.

2) Приехал Всеволод Георгиевич Сумаков – бывает у меня. Очень обещающий работник. Договорились с ним пока об одной теме: этнография Европы и Средиземноморья по данным Библии и другим источникам. Начало сделано вами, теперь можно это систематически развивать. Такая географо-этнографическая карта на VIII–X столетия будет (мы думаем) очень показательна.

Сумаков уже зачислен сверхштатным научным сотрудником Института и я ему устроил получение литературы в Публ. Библиотеке и в АН.

Просил передать вам сердечный привет. Повидимому – будет жить в Ленинграде.

3) Докончил работу о Марко Поло – материалов набралось столько, что она разрослась. Сейчас переписываю все начисто, но некоторыми итогами спешу поделиться.

а) Брезилия – от дерева bresil, найденного и в Америке. Здесь автор оправдан.

б) Мадейгаскар – повидимому так называли не теперешний остров, а африканское побережье около него, ниже Занзибара. Так как I-ое издание вышло в 1477 г., а остров открыт в 1507 г., то автор тоже как будто оправдан.

в) Но центр тяжести – не в этих деталях. Я сравнил концовки различных изданий – они все расходятся, так что наличие добавлений несомненно. С другой стороны установлена подложность книги Мандевилля (она написана в конце XIV ст., если не позже!), а между тем у «Мандевилля» описание фантастических людей, стран, животных точно по имеющимся документам конца XIII ст. Совсем по иному у Марко Поло: здесь спокойнее, без «чудес» описание географо-этнографическое Азии и Африки, как это представлялось накануне Колумба и Васко-да-Гама. Я считаю, что по характеру мышления и изложения книга «Мандевилля» лет на сто раньше книги «Поло». Как вы думаете?

г) В рукописи якобы XIV ст. на старофранцузском языке везде писано «martpol». Это очевидное сокращение, обычное в писанной, печатной литературе для часто встречающихся слов; впрочем такие сокращения, с титулами, перешли в печатные издания XV–XVI ст. Я расшифровываю эту запись так

Martinus Polonus

Так как первая и единственная биография Марко Поло написана в XVI ст. итальянцем Ramusio, то я сделал разведку, кто мог скрываться под таким названием в XV ст., около года издания книги. В истории имеется только один Мартин Поляк, якобы живший в XIII ст., но не подходит. Зато интересное указание в старых энциклопедиях XVIII ст.

Martinus Polonus sive Bohemus

Есть только одно лицо, жившее в Нюрнберге в конце XV ст., географ, путешественник, автор первого глобуса. Это Мартин Бехаим = Martinus Polonus sive Bohemus ... А I-ое издание книги в Нюрнберге!!

В 1477 г. Мартину было 18 лет...

Но ряд рукописей, очевидно, был и раньше, так что заманчивая расшифровка сомнительна....

Докладываю по начальству на его рассмотрение!

д) Оба снимка с рукописи вышли хорошо и дожидаются вашего приезда. Я нашёл ещё фотографию заглавного рисунка I-ого издания, с портретом «Marcho Polo» и надписью кругом; он там очень моложав... Если захотите можно будет переснять.

Вот пока все новости. Работаю сейчас по истории техники, подписал договор на книгу «Три канала» (Суэц – Панама – Беломорско-Балтийский водный путь). Попутно собираю материалы по истории феодальной науки и техники.

Сердечный привет, и Ксении Алексеевне – от меня и Ксении Александровны – ваш Мрочек».

Следующее письмо относится к 12.IX.1935 г.:

«Дорогой Николай Александрович,

вероятно вы удивляетесь, что до сих пор я молчал. Причина следующая: я собирал материалы, обдумывал большой проект и советовался с Сумаковым и Дмитриевским. Наконец обрисовались ясные комбинации – и я о них вам докладываю.

Работа по истории рыцарских орденов мною сделана – по ряду источников, о которых я вам говорил перед отъездом; к сожалению, никаких новых важных моментов вскрыть не удалось. Мне передавали, что просмотр вами армянских летописей вскрыл подтверждение основного вашего положения: монголы = крестоносцы. Так одно к другому подбираются доказательства. Вполне вероятно, что более подробное изучение источников по истории XII–XIII ст. дало бы очень ценные результаты, но для этой работы нужен специалист филолог, да и ряд источников здесь не достать.

Большое отношение к столетиям IX–XII имеют прекрасно развернувшиеся исследования Дмитриевского. Он просил передать вам сердечный привет и следующие новые итоги:

1) Названия всех Днепровских порогов – кельтские

2) Эридан = Зап. Двина, река впадающая в северное море, где живут кельты и венеты. После того, как оказалась Венеция в центре интересов Европы, историки перебрали к ней и Эридан – на реку По...

Могу к этому добавить, что в польских хрониках описаны: а) старинный город Винета, затопленный на берегах Балтики вместе с церквями и колоколами (не отсюда ли пошло «сказание о граде Китеже»?); б) легендарная героиня поляков – венедов Ванда; в) еще одна героиня той же эпохи «Lilla Veneda»...

3) Равнины средневековья в толкованиях к Библии указывали ряд слов «ханаанского языка». При расшифровке оказалось, что это – настоящие славянские слова: немец, перина, ягода, блажен, черви и т.п.

Я очень заинтересован работами Дмитриевского, так как они дают ценный материал для истории миграции в Европе и совершенно по-новому ставят вопросы истории Запада и Востока в VII–XI ст. Эти работы дали мне материал для разработки схемы средневековья VII–XI ст., которая меня давно уже мучает. Я к ней дальше вернусь в связи с большим проектом.

Я натолкнулся летом на следующее интересное соображение. В северном полушарии солнце «идет» по часовой стрелке, в южном – наоборот. Поэтому ясно, что и солнечные, и пружинные часы были сконструированы в северном полушарии.

Но Азия и Египет – тоже в сев. полушарии; поэтому у меня вопрос: до какой широты можно было делать подобные наблюдения отчетливо. Если окажется, что на широте Месопотамии и Египта такие наблюдения невозможны, то мы получим ещё одно доказательство. Жду вашего ответа....

Теперь перехожу к главному пункту. К 1 октября надо представить в Москву проблемы и темы на 1936 г. Ряд тем у Дмитриевского имеется.

Жду от Вас ответа – чем вы думаете в дальнейшем заняться и что дадите нам. Сейчас Москва требует «поменьше, но поглубже» (наконец!). По получении ответа от вас составлю план на 1936 и сдам Глезеру.

Мои замыслы очень велики и сводятся вот к чему: дать сводку разработок по истории религий, государств, техники и науки, базируясь на 8 томах «Христа» и ряде дополнительных материалов. Схема следующая.

I – Общая проблема: Всеобщая история. Средиземноморский период (III–XVI ст.).

II – Последовательные разработки проблемы:

1. Сводная таблица по столетиям (при сем прилагается схема такой таблицы)

2. Подбор материалов для развития клеток таблицы (многое накопилось, но нужна теперь система)

3. Составление новых исторических карт

4. Методика написания книги [она не должна превышать 20–30 листов; должна давать изложение исторического процесса без полемики; надо обдумать качество и количество фактов, дат, имен и т.п.]

III. Все вопросы исторического анализа, вместе с показом нашей «кухни-ведьмы», с подбором образцов источников и их расшифровки, и т.п. должны составить методологическую хрестоматию; это – коллективный труд всех нас под вашей батутой..... Но такая книга уже стала необходимой!

Если намеченная схема будет вами одобрена, то необходимы следующие мероприятия:

1, с осени немедленно устраиваются заседания (не менее 2 в месяц) всей нашей группы для заслушивания проделанного и дискуссии по отдельным вопросам – а сколько их набралось!!

2, уже после 15-го мы собираемся втроем для обсуждения схемы и таблицы, чтобы к вашему приезду подогнать работу.

3, кадры работников – самый острый вопрос. Мои комбинации таковы (на основе изучения за эти годы всех «христиан»). Есть группа «сочувствующих» и разговаривающих, но они на постоянную работу не пойдут. Из работников же можно рассчитывать только на троих: я, Дмитриевский, Сумаков. Я подсчитал свои силы и возможности и готов взяться за первую часть – всеобщую историю. Полагаю, что очень подошел бы к составлению хрестоматии Сумаков. Большую помощь окажет ему Дмитриевский.

Буду ждать вашего решения.

Передайте привет Ксении Алексеевне от меня, и от Ксении Александровны – вам обоим. Она сейчас заделалась в школу преподавательницей немецкого яз.; работает и готовится. Преданный вам Мрочек».

Некоторые из поставленных задач Мрочек успел выполнить. Он выступал с докладами на темы: «Проблема возраста Земли и жизни», «Наука и религия в их исторической борьбе», «Эпоха ремесла и мануфактуры», «Постулаты всемирной истории». Он опубликовал в трудах Института науки и техники Академии наук статью «Возникновение и раз-

витие теории вероятностей». Но он не успел сделать большего. Его размолола мельница ежовских репрессий, а труды его были забыты. Восстанавливая историческую справедливость и устраняя пробелы в отечественной истории науки, мы привлекаем внимание исследователей к деятельности энтузиастов, задавшихся осмыслением истории человечества и истории наук.

Работа поддержана грантом РГНФ № 12-33-01329.

К.В. ЕГОРОВА

КОНСТРУКТИВИЗМ А.А. МАРКОВА КАК АЛЬТЕРНАТИВА «КЛАССИЧЕСКОМУ» ПОНИМАНИЮ МАТЕМАТИКИ

Исследованиями взаимосвязи математической науки с философией занимались философы и ученые во все времена. Однако как самостоятельное научное направление «философия математики» оформилась не так давно – в начале XX века – и рассматривает проблемы оснований математического знания, место математики в системе знания, онтологический статус математических объектов, методы математики и т.д., в частности, философия математики уделяет пристальное внимание конструктивному направлению, которое претендует на ревизию классической математики.

Какова причина возникновения и распространения конструктивных идей в математике? Какую роль сыграли отечественные ученые и философы в развитии данного направления? Почему «классическая» математика не оправдала надежд ученых? Известно, что выдающийся вклад в развитие этой линии внесла отечественная школа ученых во главе с А.А. Марковым (младшим). По словам Н.М. Нагорного, Андрей Андреевич Марков был уникальной, многогранной личностью, «обладавая собственным научным опытом, он располагал обширными познаниями в самых разнообразных областях науки, его подход к математике был подходом естествоиспытателя, стремящегося придать развитию теории такое направление, при котором ее результаты имели бы возможно более реальный и осязаемый смысл. Его увлекала философская сторона науки. В одной из работ в начале 30-х годов он пишет: «Главная же цель всякой теории - сведение сложного к простому, а не наоборот»¹.

К проблемам конструктивного направления в математике Марков обратился в конце 40-х годов. На эти проблемы он обратил внимание не сразу. На его воззрения большое влияние оказали математические идеи

¹ *Марков А.А., Нагорный Н.М. Теория алгорифмов. М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1984, с.7.*

интуиционизма и ситуация, которая сложилась в то время среди математиков. Еще в начале XX столетия были высказаны Л.Э.Я. Брауэром и Г. Вейлем сомнения по поводу того, может ли теория множеств быть логической основой математики. «Брауэр и Вейль формулировали свои сомнения, апеллируя к требованию интуитивной ясности. По их мнению, представления об «актуально бесконечных множествах» и некоторые связанные с этими представлениями логические средства не соответствуют математической интуиции. Таким образом, математики в субъективистских терминах поставили сложную методологическую проблему, основное содержание которой Д. Гильберт сформулировал следующим образом: «Раньше мы уже выяснили, что какие бы опыты и наблюдения и какую бы отрасль науки мы ни рассматривали, нигде в действительности мы не находим бесконечности. Должны ли мысли о вещах быть столь непохожими на то, что происходит с вещами, должны ли они сами по себе идти другим путем, совершенно в стороне от действительности?»¹. Марков видел проблему так: в какой степени идеализации, на базе которых в сознании математика формируются основные понятия теории множеств, допустимы в качестве основы процессов мышления о явлениях природы и о практической деятельности человека; в какой степени математические теории, в основе которых лежат специфические акты воображения, возбуждающие представление об «актуально бесконечных множествах», допускают дешифровку на язык экспериментально «осознаваемых» понятий и отношений?

Брауэр и Вейль занимались исследованиями в данном направлении. Брауэр выдвинул идею построения математического анализа без использования абстракции актуальной бесконечности на основе идеи «становящейся бесконечности» и обозначил отдельные контуры логических средств, которые можно допустить при таком построении. «Л. Брауэр, который утверждал, что математические понятия – лишь конструкции на основе априорной интуиции времени: если бы человечество вымерло, писал он, то физические зависимости продолжали бы существовать, но не осталось бы никаких собственно математических законов»². Идею построения математического анализа, в котором в качестве объектов изучения фигурируют лишь конструктивно определяемые объекты, предложил Вейль. Но идеи двух математиков имели существенные недостатки: математический аппарат, необходимый для успешного претворения их в жизнь на тот момент не был создан, а появился позже, уже в работах А.

¹ *Нагорный Н.М., Шанин Н.А.* Андрей Андреевич Маков (к шестидесятилетию со дня рождения)// *Успехи математических наук*, 19:3(117), 1964, с. 209.

² *Перминов В.Я.* Реальность математики// *Вопросы философии*, №2, 2012, с.24.

Гейтинга. Поэтому данная концепция подверглась критике и не была принята большинством математиков. В условиях, когда теоретико-множественному построению математики фактически не было противопоставлено какое-либо другое удовлетворительное построение, всякая критика в адрес абстракции актуальной бесконечности легко отвергалась, например, следующим аргументом: «Да, эта абстракция является далеко идущей идеализацией; но никто не предложил удовлетворительной математической теории, основанной на более «осторожных» идеализациях и способной не хуже, чем, например, классический математический анализ, служить орудием исследования природы и практической деятельности людей; а классический математический анализ, по крайней мере, в некоторых своих частях и при некотором искусстве его применения, этим целям служит»¹.

В 30-х годах прошлого века было выработано несколько эквивалентных друг другу уточнений общего понятия алгоритма, также были обозначены контуры новых принципов и методов построения математических теорий, начало складываться на современной основе конструктивное направление в математике. В противовес интуиционистам, конструктивное направление подчеркивает связь математики с конструктивной деятельностью, как в математическом творчестве, так и в связи с другими науками. Приверженцы конструктивизма, в том числе и Андрей Андреевич Марков отказываются от абстракции актуальной бесконечности и использования закона исключенного третьего по отношению к бесконечным множествам. «При этом они применяют более слабую абстракцию потенциальной осуществимости, в которой отвлекаются от практических ограничений построения конструктивных объектов. К примеру, представим число «один» из натурального ряда вертикальной черточкой, «два» - двумя черточками и так далее, то данная абстракция отвлекается от практических ограничений, которые могут встретиться при написании большого натурального числа (ограниченность в средствах, бумаги и т.п.). Но возможен другой вариант построения после натурального числа n следующего $n+1$, но в отличие от актуальной бесконечности, не разрешает рассматривать все бесконечное множество таких чисел как построенное»².

Марков представляет абстракцию как отвлечение «от реальных границ наших конструктивных возможностей, обусловленных ограничен-

¹ *Нагорный Н.М., Шанин Н.А.* Андрей Андреевич Марков (к шестидесятилетию со дня рождения)//Успехи математических наук, 19:3(117), 1964, с.210.

²Касавин И.Т. Конструктивизм// Энциклопедия эпистемологии и философии науки, 2009//http://enc-dic.com/enc_epist/Konstruktivizm-239.html, 26.02.2013.

ностью нашей жизни в пространстве и времени»¹. Данная абстракция является некой идеализацией. Ученый обратился к конструктивному направлению в математике как к возможной альтернативе классической математики, в которой нивелируются возражения, возникающие против математики «актуально бесконечных множеств». Он быстро включился в разработку конкретных теорий этого направления.

Конструктивное направление в математике А. А. Марков характеризует следующими словами: «В последнее время в математике получило значительное развитие конструктивное направление. Его суть состоит в том, что исследование ограничивается конструктивными объектами и проводится в рамках абстракции потенциальной осуществимости без привлечения абстракции актуальной бесконечности; при этом отвергаются так называемые чистые теоремы существования, поскольку существование объекта с данными свойствами лишь тогда считается доказанным, когда указывается способ потенциально осуществимого построения объекта с этими свойствами... Таким образом, конструктивисты и «классики» по-разному понимают самый термин «существование» в связи с математическими объектами. Впрочем, есть все основания думать, что «классики» вообще не вкладывают в этот термин смысла, поскольку они никогда не поясняют его. Конструктивному пониманию существования математического объекта соответствует конструктивное понимание дизъюнкций - предложений вида « P или Q ». Такое предложение тогда считается установленным, когда хотя бы одно из предложений P , Q установлено как верное. Это понимание дизъюнкции не дает оснований считать верным закон исключенного третьего: « P или не верно, что P »². Разница между конструктивистским и классическим суждениями существования в том, что из доказательства классического суждения не редко может следовать истинность конструктивного: первое может быть истинным, а второе ложным. Абстракция потенциальной осуществимости как раз и допускает потенциально осуществимое построение.

Также огромная заслуга А.А. Маркова в развитии математики и конструктивного направления философии математики заключается в разработке понятия «нормального алгорифма». Сам автор определял его так: «Алгорифм есть общепонятное предписание, однозначно определя-

¹ *Нагорный Н.М., Шанин Н.А.* Андрей Андреевич Марков (к шестидесятилетию со дня рождения)//Успехи математических наук, 19:3(117), 1964, с.212.

² *Марков А.А.* О конструктивной математике, Сборник работ, Тр. МИАН СССР, 67, Изд-во АН СССР, М.-Л., 1962, с.8-9

ющее ход некоторых конструктивных процессов»¹. Оно удобно для определенных целей конструктивной математики:

«Использование точного понятия алгорифма дает возможность строить конструктивную математику как науку;

На основе теории алгорифмов может быть определено понятие конструктивной последовательности точек. Для всякой конструктивной последовательности точек оказывается возможным построить точку, не равную ни одному члену этой последовательности;

Разработан существенный для построения конкретных теорий конструктивной математики (в частности, конструктивной топологии) специальный аппарат теории алгорифмов, связанный с оперированием над системами слов»².

Таким образом, алгорифм должен обладать определенными критериями, а именно, он должен быть понятным для всех людей, также его можно применять для всех однотипных задач, и он должен иметь конечный результат, т.е. иметь в итоге построенное слово.

Роль А. А. Маркова в разработке конструктивного направления в математике и соответствующей философии математики велика. Его первые работы в этом направлении относятся к 1946 г., когда математик излагает свои идеи еще с точки зрения классической математики, но уже присутствуют абстракции конструктивной математики; в дальнейшем же, в своих работах он излагает свои мысли на строго конструктивной основе. Он создал научную школу по конструктивной математике и логики в нашей стране. Так достаточно четко придерживался конструктивной позиции в математике ученик А.А. Маркова Николай Александрович Шанин. Он не только продолжил дело своего учителя, но и активно его развивал.

РАЗДЕЛ 2.

ЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ РЕФЛЕКСИИ ЭПИСТЕМОЛОГОВ

А.А.ТИХОНОВ

¹ *Нагорный Н.М.* Вместо предисловия ко второму изданию// Марков А.А., Нагорный Н.М. Теория алгорифмов, М.: ФАЗИС, 1996, с.10-11

² *Марков А.А.* О конструктивной математике, Сборник работ, Тр. МИАН СССР, 67, Изд-во АН СССР, М.-Л., 1962, с.10-14

ПРОБЛЕМА «МЕМПЛЕКСОВ» В СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Ты обратил глаза зрачками в душу,
А там – сплошные пятна черноты...

У. Шекспир

В современной эпистемологии и когнитологии существует и достаточно активно обсуждается проблема *мемов и мемплексов* как особых «когнитивных вирусов» и комплексов идей и представлений, обладающих способностью к распространению и воспроизводству самих себя. Термин «мем» ввел в научный оборот в 1976 году Ричард Докинз в своей книге «Расширенный фенотип». Этот термин в английском языке – “*meme*” происходит от греческого слова «мимема». Он связан с привычным понятием «мим» и означает в буквальном смысле – подражание, подобие. В настоящее время существует множество различных определений мемов и мемплексов. Так, Р.Докинз считал, что мем – это основная единица передачи культурной информации, аналогичная гену в клетках организма. Мемы, по его мнению, распространяются как вирусы – от одного человека к другому посредством коммуникации, научения, имитации и т.п. В 1995 году Бретт Томас написал книгу «Руководство по мемам: путеводитель пользователя по вирусам сознания», в которой он попытался изложить основы новой науки – *миметики*¹. В этой небольшой по объему брошюре приведено несколько важных и распространенных определений мемов и мемплексов. В самом общем плане под мемплексом обычно понимают комплекс или совокупность мемов, которые, в свою очередь, истолковываются в качестве вирусов сознания, культургенов, заразных информационных паттернов, фундаментальных воспроизводящихся единиц культурной эволюции и т.п. В когнитивном плане наиболее удачное определение мема предложил известный американский философ–когнитивист Д. Деннет. По его мнению, мем – это сложная идея, которая самоорганизуется в отдельную запоминаемую единицу (гештальт, паттерн, схему и т.п.), напоминающую вирус, который распространяется и разворачивается посредством внешних проявлений. В качестве различных примеров мемов, (поскольку этот термин еще не устоялся и не приобрел четкого и общепринятого значения), целый ряд авторов рассматривает широкий спектр идей и воззрений – от отдельных лозунгов (партия – наш рулевой), анекдотов, слоганов («Спартак» –

¹ Бретт Т. Руководство по мемам: путеводитель пользователя по вирусам сознания
URL: [http:// asocial.narod.ru/material/memes.htm](http://asocial.narod.ru/material/memes.htm)

чемпион), этнических стереотипов (загадочная русская душа), поговорок, заклинаний и брендов – до музыкальных мелодий, идей спиритизма, алхимии и т.п. В рамках широко распространенной «компьютерной метафоры» мемы и мемплексы обычно описываются и истолковываются в качестве своеобразных информационных вирусов, паразитических программ, которые передаются в процессах коммуникации между людьми и неуклонно размножаются, но не столько в контенте и программном обеспечении компьютеров, сколько в психике людей и сообществ. По мнению некоторых авторов, мемы «обладают особыми качественными свойствами, такими как необычная психическая составляющая. Широкое распространение спиритуализма и спиритизма в XIX в. – превосходный пример вспышки и распространения вирусообразного мема».¹ В качестве носителей и переносчиков более сложных воззрений, таких как мифология, идеи пантеизма, демократии, гуманизма и т.п., рассматриваются мемплексы как социокультурно обусловленные комплексы мемов. В социальной эпистемологии часто подчеркивается особая роль мистических школ, тайных сообществ, эзотерических течений, в которых происходит некая и своеобразная «инкубация» мемов, их «кристаллизация» в мемплексах и дальнейшая популяризация, ведущая к «инфицированию и зомбированию» психики отдельных людей и сообществ.

При всех различиях и своеобразии общественного и индивидуального сознания, социальной психологии и психики отдельного человека их объединяет целый ряд общих свойств и подобий. Функционирование мемов в сфере социальной психологии в принципе не может быть изолированным от психики множества людей. В общественной жизни процессы коммуникации не снабжены надежной «антивирусной программой», и поэтому способны обеспечивать прямое и агрессивное внедрение мемов в психику людей, которые не всегда обладают критическим мышлением и соответствующей психологической защитой. Особая роль в распространении мемов принадлежит средствам массовой информации и, прежде всего, телевидению. Роль телевидения в манипуляции и деформации психики не случайно осознается многими людьми в самых негативных понятиях и определениях. Телевидение за последние полвека именовали не только «голубым экраном» и «окном в мир», но и «ящиком для идиотов», «иконой сатаны», «зомбо-ящиком» и т.л. Психофизиологические исследования, по мнению ряда ученых, показали, что визуальное восприятие человеком прямого излучения от телеэкра-

¹ Вайднер Д., Бриджес В. Тайны соборов и пророчество великого Андайского креста. – М.: Эксмо, 2005, С. 71.

нов способно оказывать почти гипнотическое воздействие на психику, поскольку ни сетчатка глаза, ни мозг, ни сознание человека не могут отфильтровать негативную или паразитарную информацию от массы разнородных сигналов. Соотношение перцепции, т.е. воспринимаемой и значимой для человека информации к субцепции, т.е. информации, неявно содержащейся в сенсорном потоке, но не воспринимаемой и не осознаваемой человеком, составляет по приводимым в литературе сведениям, – 1 : 10. К этим приблизительным цифрам следует относиться критически, но они вполне достоверно показывают, что даже в чувственном восприятии многие стороны, механизмы и процессы относятся к неосознаваемым компонентам, к своеобразному «когнитивному зазеркалью».

Проблема существования, роли и степени влияния мемов и мемплексов на сознание, психику и деятельность отдельных индивидов и сообществ тесно связана с традиционной философской и особенно эпистемологической проблематикой. Известно, что одной из фундаментальных и многоаспектных проблем теории познания и философии в целом является проблема обусловленности человеческого сознания и познания многообразными факторами и предпосылками. В философской литературе данная проблема описывается и определяется как «проблема предпосылок познания»¹. В современной эпистемологии данная проблематика выступает в качестве недостаточно изученной предметной области. Её исследование представляет определенный интерес не только для гносеологии, эволюционной и социальной эпистемологии, но и для всего комплекса социально-гуманитарных дисциплин, особенно для психологии и педагогики. Так, широко используемое в современном образовании смутное понятие «компетентность» производно от латинского слова, обозначающего соответствие, пригодность, и выражает наличие знаний и опыта у отдельного человека или сообщества. В свою очередь знание и опыт опираются на определенные предпосылки, значительная часть которых не осознаются субъектом познания и зачастую воспринимаются и усваиваются им в качестве мемом и мемплексов.

Исследование предпосылок познания имеет длительную историю. Так еще великий Платон определял человека как «куклу богов» и считал, что душа человека (т.е. его психика и сознание) обладает бессмертием, способна к реинкарнациям (метемпсихозу) и к прямому созерцанию мира идей до рождения и после смерти конкретного индивида. В

широко известном «мифе о пещере»¹. и в ряде своих диалогов Платон дает детальное описание способов и «механизмов» обусловленности сознания и познавательной деятельности человека. Учение Платона об анамнезисе выражает обусловленность человеческого познания миром «чистых идей», усвоенных еще до рождения душой человека. Эти воззрения, как известно, оказали огромное влияние на развитие религии, философии, науки и остаются вполне актуальными для современной теории познания, хотя и требуют, по нашему мнению, более корректных и рациональных формулировок. Наряду с предлагаемым Платоном разделением бытия на мир умопостигаемый и мир видимый, наш внутренний мир, субъективную реальность следует разделить на две сферы: явную и осознанную, а также неявную, неосознаваемую, в метафорическом плане – «зазеркальную».

Как во Вселенной наряду с видимой и осознаваемой нами физической реальностью имеются огромные объемы «темной материи» и «темной энергии», так и в психике человека одновременно сосуществуют явные и неявные компоненты, отображение и его зазеркалье. Современная меметика как наука о мемах показывает, что мемы и мемплексы в определенном смысле аналогичны идеям Платона, но их существование и влияние носит не трансцендентный характер, но, напротив, оно вполне обыденно, обусловлено, в конечном счете, социокультурными факторами и процессами.

В истории философии и науки было выдвинуто множество идей и концепций, описывающих и объясняющих дихотомичность человеческого познания, которая зачастую проявляется в динамическом взаимодействии осознаваемых и неосознаваемых компонентов психики. Даже в сенсуализме Дж. Локка, чрезвычайно упрощающем процессы познания и содержание сознания, имеется представление о «*tabula rasa*» – «чистой доске», которая дана человеку от рождения и предшествует любому акту познания, оставаясь при этом неявной, скрытой от его сознания. «Врожденные идеи» Р.Декарта, «априорные формы познания» И. Канта, «полагающее Я» И. Фихте, «Абсолютная идея» Гегеля, «бессознательное» З. Фрейда, «архетипы коллективного бессознательного» К.Г. Юнга, «модусы экзистенции» Ж.П. Сартра и К. Ясперса, «базовые перинатальные матрицы» С. Грофа, «личностное знание» М. Полани, «жизненный мир» Э. Гуссерля и множество иных идей и концепций не только показывают «многоликость» проблем мемов и мемплексов как особых компо-

¹ Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. М.: Прогресс–Традиция, 2005, с.317.

нентов или «контента» когнитивного зазеркалья, но и убедительно показывают необходимость исследования этой проблематики в научном и философском аспектах.

Одним из первых ученых, приступивших к научному, эволюционному исследованию факторов становления когнитивных структур и способностей человека, был знаменитый австрийский этолог К. Лоренц. Многие ученые считают его родоначальником эволюционной эпистемологии. В своей классической работе «Оборотная сторона зеркала (опыт естественной истории человеческого познания)» он дает глубокий анализ природных предпосылок и факторов когитоге­неза. «Когнитивные процессы, по его мнению, ...и данный нам а priori аппарат, с помощью которого только и возможно индивидуальное приобретение опыта, имеют своей предпосылкой огромную массу информации, полученной в ходе эволюции и хранящейся в геноме»¹.

Меметика как «теория мемов» базируется на неявно выраженном представлении о том, что современное человечество в своем развитии выходит из стадии генетической и социальной эволюции и переходит к принципиально новому этапу становления – «меметической эволюции». При этом часто высказываются утверждения о том, что процессы когито­ге­неза, формирования интеллектуальных способностей и когнитивных структур человека могут резко ускориться и привести к появлению исторически новых типов личности, к своеобразной «антропологической революции». Подобные взгляды и упования в истории человечества возникали неоднократно. Разум человека стремится к прогнозированию и часто использует для получения желаемых предсказаний мощный и зачастую некорректный инструмент экстраполяции. Однако следует учитывать, что вера в чудеса и упование на скорейшее их осуществление неоднократно приводили к катастрофическим последствиям. Вместо чуда, к сожалению, зачастую приходят чудовища. Известный политический деятель Индира Ганди однажды очень метко и справедливо отметила, что история – самый лучший учитель, у которого самые плохие ученики. В этом контексте современная меметика как «наука о мемах» вполне может быть рассмотрена в качестве своеобразного мемплекса или информационного вируса, стремящегося к распространению своего влияния на сознание и психику людей. Данное соображение позволяет достаточно критично проанализировать и оценить претензии этой «неонауки» на научный статус и социокультурную новизну и значение.

¹ Лоренц К. Оборотная сторона зеркала (опыт естественной истории человеческого познания). Так называемое зло. М.: Культурная революция, 2008, С.309-386.

Для этого необходимо провести сравнительный анализ и сопоставление отдельных идей меметики и современных направлений в эпистемологии.

Эволюционная эпистемология обращает свое внимание на развитие структур и способностей познавательной деятельности человека и высших животных, но ее потенциал существенно глубже и эвристичнее. Жизнь как особый способ бытия, характеризующийся самоорганизацией, развитием, наследственностью, адаптацией, экспансией и другими фундаментальными способностями, есть в существенной мере эволюционно-информационный процесс, усваивающий, аккумулирующий и «воплощающей» информацию в структурах и функциях организмов, в системах «программного обеспечения» и в не осознаваемых нами алгоритмах переработки информации нервной системой, психикой и совокупностью когнитивных способностей.

В самом общем плане можно отметить, что для когнитивной деятельности характерно наличие сложных диалектических связей и взаимодействий между осознаваемыми, неосознаваемыми и непознаваемыми компонентами и факторами. Но поскольку на протяжении нескольких последних столетий философия и наука развивались преимущественно в рамках так называемой «философии сознания», данная диалектика не проблематизировалась в должной мере. Специфика эпистемологии и философии в целом как теоретической формы общественного сознания и рационализованного мировоззрения зачастую приводила к определенной абсолютизации знаний, Логоса, сознания, разума, интеллекта и других форм и способов познания мира. При этом господствующий в философии и науке длительное время «наивный реализм» приводил многих людей к простому отождествлению «слов и вещей» (М.Фуко), к идее рациональной, логичной организации природы. Знаменитый афоризм Гегеля прямо выражает эти идеи: «Всё действительное – разумно, а всё разумное – действительно». Иллюзия всемогущества разума приводила не только к мысли о возможности познания мира в целом, к идее достижения «абсолютной истины», но и к пониманию человеческой психики как полностью осознаваемой реальности. И только З. Фрейд имел смелость провозгласить всему научному сообществу вполне очевидную и «неприятную» для большинства людей мысль о том, что «человек – не хозяин в собственном доме», что психические процессы не только не сводятся полностью к сознанию, но и не контролируются им в полной мере. Подъем известности и популярности иррационализма, идей А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, З. Фрейда, К.Г. Юнга и других представителей неклассической науки и философии можно объяснить как социокультурными факторами наступающей эпохи нестабильности в развитии цивилизации,

так и традиционным для гносеологии способом. Дело в том, что любое развитие знаний неизбежно приводит к возникновению новых проблем, новых горизонтов возможного познания. Так в психологии осознаваемой проблемой стало отрицаемое ранее бессознательное. И хотя многими учеными «открытие бессознательного» приписывается только З.Фрейду, это мнение ошибочно, поскольку у него были предтечи и предшественники. Многие идеи и работы Платона вполне достоверно указывают на реальность неосознаваемых компонентов психики, на «когнитивное зазеркалье» души. Августин Аврелий в самом начале V века писал о «темных безднах души». И. Кант глубоко исследовал трансцендентальные структуры и априорные формы познания. В XX веке проблему развития эпистем как «исторических априори» исследовал М.Фуко. Большой вклад в исследование неявных форм и контекстов познания внесли такие философские направления и учения как феноменология, герменевтика, структурализм и другие. Появление меметики как учения о мемплексах и их влиянии на психику человека в условиях «информационной цивилизации» показывает, что ныне формируются новые факторы, способы, пути и механизмы социокультурной обусловленности когнитивной деятельности человека. В рамках обобщенной когнитологии возникают связи меметики с традиционными разделами философии.

В современной эпистемологии, по мнению Л.А. Микешиной, «выясняется, что любой способ рассуждения, исследования, оперирования со знанием – от интуитивно-содержательного до формализованного, логически строгого – это еще и способ введения неявного знания». В каждой из «познавательных процедур... представлены интуитивные, неявные, невербализованные и не всегда осознаваемые элементы – как интеллектуальный и ценностный «фонд» субъекта научной деятельности»¹. Следует уточнить, что «когнитивное зазеркалье» как особый «интеллектуальный и ценностный фонд» субъекта познания в еще большей степени оказывает свое действие на процессы и результаты способов и форм познания, отличающихся от науки, таких как мифология, искусство, религия, мораль и т.п.

В большинстве работ по эпистемологии выделяют, как правило, два основных уровня в структуре предпосылочных факторов познания по «степени их возможной рационализированности»: а) концептуальный и б) доконцептуальный, тесно связанный с чувственными предпосылками познания² Концептуальные предпосылки вполне определенно и четко

¹ Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. М.: Прогресс–Традиция, 2005, с.321.

² Там же, с.319.

могут быть выявлены в виде знания, выраженного в знаках, текстах и имеющего определенные смыслы и значения. Поэтому концептуальные предпосылки познания, выступающие в виде мемплексов, могут быть неосознаваемыми для отдельного индивида формами и факторами познания, но в полной мере и в контексте деятельности научных сообществ они могут осознаваться, «расшифровываться» и выражаться в вербально-логических формах. В силу этого само понятие мемплексов как «предпосылок познания» приобретает не абсолютный и метафизический характер, а, напротив, выявляет конкретность знаний, показывает социокультурную «природу» познания, а также эволюционно-генетическую, психическую, историческую и личностную его обусловленность. Отсюда следует, что проблема мемплексов связана с процессами общения, опознания и усвоения информации как «контента коммуникации» – т.е. с проблематикой взаимной рецепции, особого и не вполне осознаваемого когнитивного подражания и обучения субъектов коммуникации.

Общее описание и первичную классификацию процессов и структур «когнитивного зазеркалья», в котором частично пребывают смысловые структуры мемплексов, можно провести на основе существования реальных субъектов познания: а) отдельного индивида, б) научного сообщества и в) человечества. Объем и задачи статьи не позволяют даже в схематическом виде охватить всю проблематику мемплексов и когнитивного зазеркалья и поэтому сосредоточим свое внимание только на отдельном субъекте – индивиде, не описывая специфики научных сообществ и человечества.

«Когнитивное зазеркалье» отдельного индивида следует разделить на два, как минимум, уровня: а) непознанное и б) неосознаваемое. Объемы знаний, не познанных индивидом, огромны, но если они не оказывают воздействия на когнитивные структуры, то и не могут считаться «зазеркальем». К нему можно отнести только неосознаваемые индивидом компоненты, но, тем не менее, оказывающие существенное воздействие на когнитивные процессы. Так, отдельный индивид не способен в принципе осознавать действие генетических программ и мемплексов как «вирусов сознания и особых культургенов», оказывающих влияние на психические процессы в целом и на содержание его сознания. Слабо осознаются архетипы коллективного бессознательного, описанные в аналитической психологии К.Г. Юнга. В качестве примера подобных форм индивидуального «когнитивного зазеркалья» можно сослаться

также на парадигмы, эпистемы, исследовательские программы и другие «познавательные функционалы» (В.М. Найдыш), о существовании которых большинство людей не знает, но это не мешает данным «функционалам» воздействовать на когнитивные процессы и определять их результаты. В данной совокупности факторов познания мемы и мемплексы занимают особое место, поскольку отдельным субъектом их смысловое содержание частично осознаётся, но процессы и механизмы их усвоения, как правило, субъектом не рефлексированы и в полной мере не осознаются. Агитация, пропаганда, реклама в средствах массовой информации осуществляется на основе эффективных технологий и средств распространения мемов и мемплексов. Эти технологии достаточно детально описаны и объяснены во множестве книг и пособий по нейролингвистическому программированию. Но задолго до появления НЛП эти технологии вполне успешно применялись в различных эзотерических учениях, оккультных сектах, процессах массовых индоктринаций и т.п. Достаточно почитать работы доктора философии и министра пропаганды Й. Геббельса, чтобы убедиться в этом.

На логическом и концептуальном уровне процессы осознания вполне очевидны, поскольку вербально-логическое мышление и его продукты могут быть объективированы и проанализированы. Совокупность знаний, наличие рассудка и разума, действие рациональных и ценностных факторов, а также «фильтров» критического отбора сведений, казалось бы, полностью должны обеспечить информационную защиту и когнитивную безопасность психики и сознания большинства образованных людей от негативного влияния мемов и мемплексов. Но, тем не менее, как показывает исторический опыт и философский анализ этой проблемы, «когнитивное зазеркалье» оказывает существенное влияние на сознание людей. Действенность мемов и мемплексов можно описывать и объяснять различными способами и соотносить с различными уровнями бытия человека как «существа многоэтажного» (Н.А. Бердяев). Известно, что в христианстве наличие и действие подобных мемов часто понималось как проявление бесовщины, как особая «одержимость» и вселение в человеческую душу «нечистых существ» – бесов. В марксистской идеологии есть знаменитая фраза о том, что «идеи овладевают массами и становятся материальной силой». В психоанализе З.Фрейда и в аналитической психологии К.Г. Юнга глубоко исследовались различные аспекты индивидуального и коллективного бессознательного. Учение З.Фрейда тяготеет к абсолютизации биологических факторов, определяющих жизнедеятельность человека, и само на протяжении целого столетия выступает в качестве особого мемплекса, ин-

фицирующего и деформирующего сознание людей, низводящего их до скотоподобия. К.Г. Юнг, обладающий философской эрудицией и глубокой интуицией, в отличие от З.Фрейда, уделял большее внимание социокультурным факторам и разработал корректную и гуманистическую концепцию коллективного бессознательного. Но как психолог в своем учении об архетипах он обращался преимущественно к глубинным структурам психики людей, не исследуя специально процессы коммуникации, механизмы трансляции опыта и другие информационные процессы и структуры общественной жизни. Наличие коллективного бессознательного опыта и совокупности архетипов им в большей мере постулировалось как интересубъективная данность, а не подвергалось специальному исследованию.

Современная стадия развития цивилизации, называемая часто и многими учеными «информационным обществом», порождает множество проблем и кризисных явлений, которые с явной необходимостью и с особой остротой актуализируют в новом обличье фундаментальные философские вопросы о соотношении бытия и мышления, реальности и знания, общественного и индивидуального сознания и т.п. Существующие концепции и учения об основных информационных процессах в общественной жизни создавались, как правило, в рамках господствующей «философии сознания» и явно не учитывали наличие, специфику и степень влияния когнитивного зазеркалья. У большинства современных людей не вызывает сомнений представление о наличии в психике отдельных индивидов и сообществ комплексов различных мемов, идей и мифологем, которые носят антигуманный и чрезвычайно негативный для их носителей характер. Достаточно вспомнить известную триаду идей, образующих всемирно известный мемплекс: «Свобода. Равенство. Братство». Этот триединый лозунг был выдвинут изначально масонами, далее широко использовался во французской буржуазной и в российской социалистической революциях. Каждая из идей в этом мемплексе по отдельности выглядит вполне гуманно и не вызывает каких-либо возражений, но, будучи соединенными в целостную систему, они образуют крайне зловещий смысл. Их буквальная и одновременная реализация возможна только в братской могиле. И это неявное, зазеркальное воздействие данного мемплекса, к сожалению, было реализовано с особой трагичностью в России XX века.

Граница между отдельным мемом и мемплексом достаточно условна и не поддается четкому определению, поскольку рациональные, образные и даже иррациональные компоненты в их содержании тесно переплетены. Так отдельный мем в результате определенной деконструк-

ции можно разделить на дробные кванты смысла или метафоры. В качестве примера можно привести название известного романа А. Платонова «Котлован», не случайно вызвавшего крайнее озлобление И. Сталина. В смысло-образе котлована сопряжены, как минимум, три основных значения. В буквальном смысле, котлован – это углубление в земле, место, где возводится фундамент под новое социалистическое общежитие. Одновременно, котлован – это своеобразный котёл, в котором соединяются и переплавляются судьбы героев, обычных людей, вовлеченных в постреволюционные преобразования. Но главное состоит в том, что этот котлован становится, в конечном счете, братской могилой. Поскольку И. Сталин держал под контролем современный ему «литературный процесс» и лично выявлял благонадежность отдельных авторов, то вполне убедительной представляется версия о том, что гонения на А. Платонова и его ранняя смерть были обычным проявлением «классовой борьбы» того времени.

В самом общем плане проблемы мемплексов и их места в когнитивном зазеркалье можно описать и классифицировать на основе выделения основных способов связи человека как «существа многоэтажного» с миром в целом, с обществом, духовной культурой и т.п. Онтологические связи человека с миром в принципе не могут быть поставлены под полный контроль сознания. Физические, химические и множество биологических процессов в нашем организме совершаются на уровнях, исключающих их полное осознание не только человеком – носителем этих процессов, но другим человеком – специалистом, профессионально исследующим эти процессы, в силу их сложности, неопределенности и самоорганизованности. Поэтому образное восприятие онтологических связей человека с миром выражается зачастую в виде мифологем, которые можно определить как частично осознаваемые мемы и мемплексы. Мифологемы «мирового древа» с вариациями «древа жизни» и «древа познания», мем дихотомии или бинарной оппозиционности бытия, мемплекс «метафизики света», по сих пор представленный в религии, философии, науке, обыденном сознании и выполняющий ценностно-ориентирующую функцию в сознании людей, – всё это в целом выступает в качестве своеобразных когнитивных матриц, действующих как в поле сознания, так и в неявных компонентах психики.

Праксеологические связи и отношения человека с миром, в отличие от онтологических, носят более осознанный характер, поскольку предметно-орудийная деятельность, как правило, осуществляется под контролем и под управлением со стороны сознания, рассудка, разума и других когнитивных способностей. Однако и здесь не следует обольщаться

и уповать на достижение полной осознанности целей, процессов, условий и результатов практической деятельности. Общеизвестно, что «благими намерениями вымощена дорога в ад», что суммирование усилий различных людей не всегда увеличивает их возможности, что любая совместная деятельность ведет не только к успехам, но и к поражениям и катастрофам.

Исходя из вышеизложенного, становится ясно, что основной сферой существования и распространения мемплексов является совокупность социокультурных связей и когнитивных отношений человека к миру в целом. В последние десятилетия в когнитивной психологии и философии широко используется «компьютерная метафора», в которой проводится аналогия между интеллектуальными формами деятельности человека и работой компьютера. С помощью данной метафоры невозможно доказать, но легко проиллюстрировать существование мемплексов в когнитивном зазеркалье. Обычно сознание в «компьютерной метафоре» отождествляется с дисплеем, с экраном монитора, на который выводятся четкие и определенные результаты работы компьютера. Мышление часто сравнивается с работой системного блока, в котором собственно и преобразуется информация, но эти процессы преобразования и их программы не выводятся на дисплей, не осознаются субъектом-пользователем. В плане понимания природы и специфики функционирования мемов и мемплексов наибольший интерес представляет теория фреймов, развиваемая в современных когнитивных науках. Понятие «фрейм» в буквальном переводе с английского означает «рамку, каркас» чего либо, в данном случае это – каркас и рамка мемплексов, знаний или информации. В целом теория фреймов основана на гипотезе о том, что «знания о мире складываются по определенным сценариям с фиксированным набором схем и стереотипных ситуаций»¹. Само понятие «фрейм» истолковывается в очень широком диапазоне смыслов: как «унифицированные конструкции знаний», как «связные схематизации опыта», как «ситуационно-смысловая структура представления знаний, используемая для хранения, передачи и переработки информации».

Вполне естественно, что проектирование и создание «искусственного интеллекта» не может обходиться без теории фреймов и их разработки. Однако в психике и сознании отдельных людей (даже при наличии когнитивных матриц и фреймов) их реальное присутствие и процессы их «опредмечивания» в получаемых индивидом знаниях, как правило,

¹ Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. М.: Прогресс–Традиция, 2005, с.367-371.

не осознаются. При этом контентом фрейма могут выступать как отдельные мемы, так и мемплексы, представляющие собой «набор схем», «сценарии стереотипных действий и ситуаций» и т.п.

Эволюционный подход и современная эволюционная эпистемология позволяют поставить целый ряд новых проблем теории познания и выдвинуть некоторые гипотезы, на основе которых можно достаточно детально исследовать проблематику мемплексов и когнитивного зазеркалья в контексте традиционной гносеологии и современной эпистемологии.

В теории познания, как известно, обычно выделяют два основных дихотомических уровня познания: чувственный и рациональный (для всех видов познания) и эмпирический и теоретический (для научного познания). Но это деление носит упрощенный характер, поскольку оно абстрактно и статично. В реальном процессе познания – сложном, взаимосвязанном и динамическом – необходимо выявлять темпоральные и эволюционные характеристики и соответствующие формы познания. В самом общем виде эти формы познания организованы в сетевые структуры, главными «ячейками» или хронотопами которых являются перцепция, концепция, апперцепция и антиципация. Данные термины приведены здесь в самом широком смысле и обозначают качественно особые сферы, комплексы способностей или хронотопы человеческой психики, обеспечивающие получение, преобразование и выработку необходимой информации.

Базовым и исходным когнитивным хронотопом большинство философов и ученых считают перцепцию – т.е. сферу чувственного восприятия, которое в существенной степени определяется природными – биологическими и психическими задатками. В плане выявления когнитивного зазеркалья, характерного для перцепции, следует указать на существование особого рода психических «данных», называемых рядом ученых субцепцией. «Имеющие глаза да не видят» – этим библейским суждением хорошо описывается сущность субцепции, информационные объемы которой на порядок больше перцепции, т.е. осознаваемого содержания восприятия. К когнитивному зазеркалью перцепции следует отнести и психофизиологические автоматизмы, неосознаваемые паттерны, программы и алгоритмы извлечения или построения чувственных образов воспринимаемых объектов. При этом следует учитывать, что социокультурные факторы, вносящие в содержание психики комплексы новых мемов и мемплексов способны изменять целый ряд алгоритмов перцепции – так, например, известно, что восприятие перспективы и «глубины изображения» на картинах и фотографиях есть результат целенаправ-

ленного обучения. Даже простые фонемы, отдельные слова, начертания букв, при всей их видимой привычности, обладают условной, конвенциональной «природой», которая нами не воспринимается и не осознается.

Можно провести аналогию между усвоением мемплексов и хорошо исследованным и описанным в этологии феноменом импринтинга – особого механизма восприятия и психического запечатления значимой для отдельной особи информации. Но поскольку этот процесс обусловлен, в конечном счете, генетическими программами, то его осознание и какое-либо регулирование в принципе затруднено и зачастую невозможно. На ранних стадиях развития ребенка многие когнитивные процессы и соответствующие им структуры также обусловлены врожденными факторами и генетическими программами, но при этом они интенционально открыты социокультурному воздействию и преобразованию, в том числе и посредством мемплексов.

Осознание и концептуализация перцептивной информации в значительной мере происходит уже на уровне использования языка и «личностного знания» (М. Полани) для описания и категоризации объектов. По мнению известного ученого-лингвиста Н. Хомского, психические задатки и способности человека к усвоению «порождающей грамматики» и к использованию языка определяются генетической информацией, которая, естественно, «впрямую» не осознается человеком и также выступает в качестве когнитивного зазеркалья. Языки естественные и искусственные представляют собой сложнейшие семиотические системы, которые их носителями и субъектами применения осознаются далеко не в полном объеме. Для большинства грамотных людей – носителей языка совокупность лингвистических знаний – это область господства мемплексов, к которой можно отнести также эпистемы, парадигмы и другие когнитивные матрицы.

Большое влияние на хронотоп концепций оказывают множество архетипов, установок, ценностей и другого «контента» когнитивного зазеркалья. Так, по мнению К.Лоренца, бинарная оппозиционность, «разделение мира явлений на пары противоположностей есть врожденный принцип упорядочения, априорный принудительный стереотип мышления, изначально свойственный человеку»¹. К подобным неявным и «принудительным стереотипам» следует отнести упомянутые мифологемы «мирового древа», «метафизики света», множество современных мемов и их комплексов как своеобразных когнитивных вирусов и др.

¹ Лоренц К. Обратная сторона зеркала (опыт естественной истории человеческого познания). Так называемое зло. М.: Культурная революция, 2008, С.502.

Концепции и перцепции синтезируются, конструируются из исходных данных как особого рода информационного сырья. И. Кант был прав, утверждая, что в основе мышления лежит категориальный синтез. Из этого следует, что когнитивное зазеркалье есть не осознаваемые нами в полном объеме механизмы этого синтеза – как категориального, так и перцептивного, концептуального, апперцептивного и прогнозирующе-антиципативного.

Хронотоп апперцепции базируется на синтезе абстрактно-теоретических и вербально-формулируемых знаний с комплексом «личностных знаний», «аппетенций» (К. Лоренц), индивидуальных умений, мемов, представлений и т.п. «неявных», зазеркальных компонентов когнитивной деятельности. Область апперцепции не случайно, начиная с XIX века, как бы выпала из сферы интересов и исследований психологов, педагогов и даже философов, поскольку господствующие позитивистские и материалистические «концепции и теории познания» в существенной мере элиминируют субъективную реальность. Однако эта проблематика неизбежно «воскрешается» и актуализируется в современной культуре, в информационном обществе. «Зазеркалье» сферы апперцепции носит принципиально новый характер, оно формируется на основе биологических и психических предпосылок, тесно переплетенных с динамически изменяющимися социокультурными условиями и факторами. Хорошим примером механизмов усвоения мемплексов и других зазеркальных компонентов может служить перечень основных «идолов разума», описанных еще Ф. Бэконом. «Идолы разума» или в иной более близкой нам по смыслу формулировке «призраки познания» включают в свой состав «идолы рода, пещеры, рынка и театра». Неосознаваемый характер «идолов разума» неизбежно порождает ошибки и заблуждения. Реально в виде «идолов» Ф.Бэкон дает описание и первичную классификацию основных факторов, определяющих неявные «программы и контенты» когнитивных установок – «аппетенций», определяющих синтез перцепций и концептуальных знаний на уровне апперцепции.

Хронотоп (или точнее – хронотроп) антиципаций также базируется на неявной совокупности «личностного знания», мемплексов, установок и других компонентов когнитивного зазеркалья. Эволюционный подход в анализе этой высшей формы когнитивной активности, присущей прежде всего человеку и социальным группам, может быть применен как минимум в двух основных аспектах: глобальном и локально-эволюционном. В глобальном аспекте проблема происхождения задатков и способностей к целеполаганию и прогнозированию у предков человека и их развития в онтогенезе тесно связана с проблемой становления сознания человека.

В локальном аспекте – переходы с первичного уровня перцепции к концепции, апперцепции и далее – к антиципации неизбежно показывают наличие качественных преобразований – «фульгураций» (К. Лоренц) и эволюционного развития даже на самых элементарных ступенях когнитивной деятельности. Элиминация избыточной информации, селективные функции каждого когнитивного хронотопа, мемплексы как конструктивно-синтетические программы построения системы знаний – все это в целом выступает в качестве «неявной и зазеркальной» сферы когнитивной активности. Высшим «продуктом» и наиболее значимым выражением антиципации является, по нашему мнению, идея, т.е. мысль или замысел человека, ориентированные на реализацию, на свое воплощение и, в конечном счете, на преобразование объективной и субъективной реальности.

С.В. БОРИСОВ

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НОМОЛОГИЧЕСКОЙ И ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Во многих трактовках науки скрыта внутренняя полемика. Несмотря на огромное значение науки в жизни общества, ее воздействие на уклад современной жизни весьма неоднозначно, что требует переоценки многих научных ценностей, пересмотра многих научных проблем, которые традиционно считались ключевыми. Многие противоречия и конфликты, с которыми сталкивается современное общество, явились порождением слепой веры в научный прогресс, да и сама наука, как социальный институт, давно начала превращаться в набор ритуальных действий, которым следуют некритически, преклоняясь перед былыми заслугами признанных научных авторитетов, повинуюсь парадигмам их научных школ. Все это порождает многочисленные иллюзии по поводу науки и ее актуальных проблем, формирует некритичное отношение к процессу и результатам научного поиска. Нам бы хотелось перевести «внутреннюю» полемику трактовок науки в полемику «внешнюю». Этот прием позволит «вскрыть» многие противоречивые и драматичные моменты развития науки, увидеть ее «изнанку», тщательно скрываемую за красивым и претенциозным фасадом.

Doctor: Выбирая оптимальный предмет и метод научного поиска в рамках той или иной научной проблемы, необходимо помнить, что важно найти и правильное *объяснение* проблемы, и добиться ее глубокого *понимания*.

Ignorant: А в чем специфика объяснения и понимания в науке? Разве одно не предполагает другое?

Doctor: Видишь ли, долгое время объяснение и понимание рассматривали как своего рода водоразделы между естественными и социально-гуманитарными науками. У истоков этого водораздела находится известная дуалистическая установка немецкого философа *Канта*, который противопоставил природу как царство необходимых законов человеку как источнику нравственной свободы. Именно это положение лежит в основе системы рассуждений *неокантианцев*. Природа, с их точки зрения, – это то, что существует до и независимо от человека по своим собственным необходимым, вечным и универсальным законам, а культура – продукт деятельности человека, преследующего всегда определенные цели и ориентирующегося в этой своей деятельности на определенные нормы, идеалы и ценности. Отсюда и принципиальное различие, как в целях, так и в методах гуманитарных наук в их сопоставлении с науками естественными.

Вильгельм Виндельбанд: Делением наук на естественные и гуманитарные мы обязаны позитивизму. Еще *Д.С. Милль* выдвинул положение, согласно которому, не задаваясь вопросом о том, что такое материя и дух сами по себе, нужно исходить из того факта, что телесные и духовные состояния представляют собой две совершенно различные области опыта.¹ Соответственно этому Милль выделяет сферу «наук о духе» как противостоящих сфере естественных наук.

Генрих Риккерт: Однако, на мой взгляд, одна простая противоположность природы и духа вообще не в состоянии дать исчерпывающего деления всего многообразия отдельных наук, ибо проблемы, встречающиеся здесь, гораздо сложнее, нежели полагают обычно.

Ignorant: С чем это связано?

Генрих Риккерт: Видите ли, материальная противоположность объектов может быть лишь постольку положена в основу деления наук, поскольку из целого действительности выделяется некоторое количество предметов и явлений, представляющих для нас особенное значение или важность, в которых мы вследствие этого видим еще кое-что иное, кроме простой природы. По отношению к ним естественно-научное исследование является само по себе недостаточным; мы можем относительно них поставить еще целый ряд совсем иных вопросов, причем вопросы эти касаются преимущественно объектов, которые лучше всего обнять термином «культура».

¹ *Виндельбанд В.* История новой философии. М., 2000, т. 2, с. 400.

Doctor: И что вы предлагаете?

Генрих Риккерт: Я предлагаю осуществлять деление наук на *науки о природе* и *науки о культуре*. Именно это деление лучше всего выражает противоположность интересов, разделяющую ученых на два лагеря, и потому различие это кажется мне пригодным заменить традиционное деление на естественные науки и науки о духе.

Doctor: Однако слова «природа» и «культура» далеко не однозначны.

Генрих Риккерт: Однако эти понятия, в особенности же понятие природы, может быть точнее определено лишь через понятие, которому его в данном случае противопоставляют. Мы лучше всего избежим кажущейся произвольности в употреблении слова «природа», если будем сразу придерживаться первоначального его значения.

Ignorant: По-моему все просто. Продукты природы, например, – это то, что свободно произрастает из земли. Продукты же культуры производит поле, которое человек ранее вспахал и засеял.

Генрих Риккерт: Согласен. Следовательно, природа есть совокупность всего того, что возникло само собой, само родилось и предоставлено собственному росту. Противоположностью природе в этом смысле является культура как то, что или непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям, или, если оно уже существовало раньше, по крайней мере, сознательно взлелеяно им ради связанной с ним ценности.¹

Ignorant: То есть, по вашему мнению, как бы широко мы ни понимали эту противоположность, сущность ее останется неизменной: во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком; и наоборот, все, что возникло и выросло само по себе, может быть рассматриваемо вне всякого отношения к ценностям.

Генрих Риккерт: Все верно. В объектах культуры, следовательно, заложены *ценности*. Мы назовем их благами, для того чтобы таким образом отличить их как ценные части действительности от самих ценностей, как таковых, которые не представляют собой действительности и от которых мы здесь можем отвлечься. Явления природы мыслятся не как блага, а вне связи с ценностями, и если поэтому от объекта отнять всякую ценность, то он точно так же станет частью простой природы.

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998, с. 55-56.

Ignorant: Что же собой представляет этот род ценности, превращающей части действительности в объекты культуры и выделяющей их этим самым из природы?

Генрих Риккерт: Видите ли, о ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только что они значат или не имеют значимости. Культурная ценность или фактически признается общезначимой, или же ее значимость постулируется по крайней мере хотя бы одним культурным человеком. При этом, если иметь в виду культуру в высшем смысле этого слова, речь здесь должна идти не об объектах простого желания, но о благах, к оценке которых или к работе над которыми мы чувствуем себя более или менее нравственно обязанными в интересах того общественного целого, в котором мы живем. Этим самым мы отделяем объекты культуры как от того, что оценивается и желается только инстинктивно, так и от того, что имеет ценность блага, если и не на основании одного только инстинкта, то благодаря прихотям настроения.

Вильгельм Виндельбанд: Еще одним аспектом, принципиально важным для деления наук, является характер используемых методов исследования. Естествознание *номотетично*; оно исследует всеобщие законы; наука же о духе или о культуре *идиографична* – она исследует данные частные факты, прежде всего исторические.¹

Генрих Риккерт: Противоположность логическому понятию природы как бытию вещей, поскольку оно определяется общими законами, может быть намечена тоже только чисто логическим понятием. Последним же, как я думаю, является понятие *истории* в самом широком смысле этого слова, т.е. понятие единичного бытия во всей его особенности и индивидуальности, которое и образует противоположность понятию общего закона. Мы должны поэтому говорить о различии между *естественнонаучным* и *историческим методом*. Все понятия о науках суть понятия задач, и логически понять науки возможно, лишь проникнув в цель, которую они себе ставят, а отсюда – в логическую структуру их метода.

Doctor: В чем специфика этого методологического отличия?

Генрих Риккерт: Тот, кто занимается естественными науками, находит в настоящее время не только общепризнанную терминологию, но в большинстве случаев и определенное место для своей специальной деятельности в связной системе более или менее отделенных друг от друга задач. Науки о культуре, напротив, должны еще искать подобную прочную систему. Мало того, отсутствие прочной основы в этой области еще

¹ Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995, с. 666.

столь велико, что им даже приходится защищать свою самостоятельность от натурализма, провозглашающего естественнонаучный метод единственно правомерным.

Вильгельм Дильтей: На мой взгляд, науки о духе отличаются от естественных наук тем, что изучают действительность, порожденную самим человеком, т.е. в них дух занимается творением самого же духа. Потому различны и методы познания: природу мы *объясняем*, дух – *понимаем*. Общественные и творческие достижения людей являются выражением внутренних процессов, *душевной жизни*. Их можно постичь лишь путем вживания в целостность душевной жизни. Поэтому основы теории познания наук о духе – не абстрактный субъект познания, а целостный человек, т.е. волящее, чувствующее, понимающее существо.

Doctor: Какими же методами вы предлагаете изучать человека?

Вильгельм Дильтей: Методы изучения человека должны быть основаны на взаимосвязи *переживания, выражения и понимания*. Переживания – это структурные единицы, из которых строится душевная жизнь. В них актуализирована взаимосвязь сознания и его содержаний. Выражение есть концентрация переживаний во внешних формах (например, в жестах, языке, искусстве и т.д.). Следовательно, все эти формы суть объективации душевной жизни. Понимание есть постижение внутренней жизни на основе ее внешних проявлений. Понимание объективаций чужой душевной жизни есть повторное переживание на основе опыта собственной душевной жизни.¹

Doctor: Хочу отметить, что учение о понимании называется *герменевтикой*.

Ignorant: А почему такое странное название? Мне на ум сразу приходит греческий бог Гермес, который выполнял на Олимпе разные посреднические функции.

Doctor: Интересная интерпретация. Действительно, по-гречески *hermeneutikos* – разъясняющий, истолковывающий. Собственно же разработкой методов герменевтики всерьез занялись немецкие философы XIX века.

Фридрих Шлейермахер: Герменевтика – это учение об искусстве, или технике понимания, исследующее условия, при которых возможно взаимное постижение людьми друг друга в их жизненных проявлениях. Поскольку всякий текст в одно и то же время и является индивидуальным проявлением автора, и принадлежит к общей сфере языка, его тол-

¹ *Дильтей В.* Понимание. Герменевтическая теория наук о духе // Дильтей В. Введение в науки о духе. – М., 2000, с. 214-221.

кование идет прежде всего по двум путям. *Объективный* (грамматический) метод понимает текст исходя из языка как целого, *субъективный* – из индивидуальности автора, привносимой им в процесс творчества. Затем следует второе подразделение – на *компаративный* метод, выводящий смысл из сравнения высказываний в их языковом и историческом контекстах, и *дивинационный* (угадывающий), ухватывающий смысл интуитивно, путем вчувствования. Эти методы должны взаимодействовать, постоянно дополняя друг друга в процессе понимания.¹

Освальд Шпенглер: А как же быть с невербальными формами проявления культуры?

Ignorant: Что вы имеете в виду?

Освальд Шпенглер: Скульптуру, архитектуру, музыку, живопись, парковую культуру и т.п. По-моему, только эти формы проявления культуры отвечают ее сущности – *душе культуры*, и поэтому именно они должны быть или поняты – в пространстве одной культуры, или проинтерпретированы – в межкультурном пространстве, так как поняты они быть не могут.

Doctor: В чем же, по-вашему, суть герменевтической проблемы понимания?

Освальд Шпенглер: Я считаю, что нужно суметь найти, выделить смыслообразующие исходные невербальные символы, с помощью которых можно научиться «читать» другую культуру. Невербальная коммуникация, на мой взгляд, гораздо предпочтительнее вербальной в силу ложности слова, его идеологической и прочей «культурной» деформации: слово умирает быстро и не может стать объектом коммуникации, особенно в пространстве времени. Невербальная коммуникация внутри одной культуры возможна именно через «стилевое» единство всех ее феноменов, когда они, отражая «душу культуры», прочитываются один через другой. Трудности начинаются, если «общение-понимание» возникает между сосуществующими в одном временном пространстве, но разными культурами. В этом случае необходимо решить проблему «универсального переводчика».²

Ханс-Георг Гадамер: Я согласен с вами, потому что для меня герменевтическая проблема понимания – это не только проблема метода. Понимание – это универсальный способ бытия самого человека, откры-

¹ *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М., 1988, с. 232-244.

² *Карулина Т.Б.* Коммуникация в «межкультурном пространстве» – историко-гносеологический аспект // Коммуникативные стратегии информационного общества. – СПб., 2012, с. 155-156.

вающий ему мир. Процесс понимания идет по *герменевтическому кругу*, в котором частное должно объясняться, исходя из целого, а целое – исходя из частного. Поэтому необходимы нацеленные на смысловое целое «*проективные суждения*», которые должны быть, однако, осознанными и поддающимися исправлению. Понимание традиции подобно *диалогу*, ибо ее свидетельства выдвигают притязания на истинность, которые интерпретатор должен заново актуализировать как возможный ответ на свой вопрос. Так в этой встрече меняется его собственный горизонт, как и произведение, оказывая воздействия, приобретает новый смысл по мере роста отделяющей нас от него дистанции.¹

Doctor: Таким образом, кроме естественнонаучного метода должен еще существовать другой принципиально отличный от него способ образования понятий, но его нельзя основывать только на особенностях духовной или психической жизни.

Генрих Риккерт: Правильно, ибо есть науки, целью которых является не установление естественных законов и даже вообще не образование общих понятий; это исторические науки в самом широком смысле этого слова. Они хотят излагать действительность, которая никогда не бывает общей, но всегда индивидуальной. Естественнонаучное понятие оказывается бессильным, так как значение его основывается именно на исключении им всего индивидуального как несущественного. Метод есть путь, ведущий к цели. История не хочет генерализировать так, как это делают естественные науки. И обстоятельство это является для логики решающим.²

Курт Хюбнер: Не могу согласиться с вами в полной мере. В исторических науках немало всеобщего. Во-первых, под этим всеобщим подразумеваются определенные правила. Все попытки «философов понимания» представить всеобщее в виде органической и неопределенной целостности, взаимосвязи смыслов и т.п. я считаю мистификацией. Во-вторых, эти правила являются достоянием прошлого, и действие их исторически ограничено.³

Генрих Риккерт: Разумеется, историк тоже прибегает к всеобщим законам; но тогда он это делает и в той мере, в какой он это делает, он выступает скорее как психолог, биолог, физик и т.д.; и наоборот, историком он является лишь в той мере, в какой занимается историческим всеобщим.

¹ Гадамер Х-Г. Истина и метод..., с. 317-320.

² Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре..., с. 74-75.

³ Хюбнер К. Критика научного разума. М., 1994, с. 246.

Карл Гемпель: Уважаемые коллеги! В своей статье «Функция общих законов в истории»¹ я предлагаю свою *дедуктивно-номологическую модель* процедуры научного объяснения и привожу аргументы в пользу ее универсальной пригодности для любых наук – и естественных (например, физики), и гуманитарных (например, истории).

Ignorant: Что это за модель? Опишите ее.

Карл Гемпель: Итак, пусть E будет событием, имеющим место и нуждающимся в объяснении. Почему произошло E ? Чтобы ответить на этот вопрос, мы указываем на некоторые другие события или положения дел $E_1, \dots, E_n$ и на одно или несколько общих суждений или законов $L_1, \dots, L_n$, таких, что из этих законов и того факта, что имеют место (существуют) другие события (положения дел), логически следует E .

Ignorant: Так. Что же дальше?

Карл Гемпель: Во-первых, мы можем рассматривать множество событий как причину данного события только в том случае, если можно указать общие законы, связывающие «причины» и «следствие» указанным выше способом. Во-вторых, эти законы должны носить эмпирический характер, то есть допускать опытную проверку. И, в-третьих, использование именно эмпирических законов в структуре объяснения отличает подлинное объяснение от псевдообъяснения, такого, как, например, «объяснение» достижений определенного человека посредством его «исторической миссии», «предопределенной судьбы» и т.п.

Вильгельм Виндельбанд: Однако в отличие от естествоиспытателей, историки, объясняя исторические события, не ссылаются на какие-либо общие исторические законы, и даже более того, иногда прямо отрицают существование подобных законов в истории.

Карл Гемпель: На мой взгляд, это – недоразумение, которое легко устраняется при внимательном анализе. Дело в том, что историки часто просто не замечают, на какие хорошо всем известные закономерности они опираются в своих объяснениях. Эти закономерности относятся к индивидуальной или социальной психологии, которые знакомы каждому благодаря ежедневному опыту и считаются само собой разумеющимися. Например: люди, имеющие работу, не хотят ее потерять; те, кто обладает определенными властными полномочиями, хотели бы их расширить и т.д.

Генрих Риккерт: Возможно, особенность исторических объяснений заключается в том, что они представляют собой не настоящие объяснения, а лишь наброски таких объяснений, которые не разворачиваются в

¹ Гемпель К.Г. Логика объяснения. М., 1998, с. 16-31.

полные объяснения из-за того, что очень трудно с достаточной точностью сформулировать универсальные утверждения, лежащие в основе схематических объяснений так, чтобы они согласовывались со всеми имеющимися эмпирическими данными.

Карл Гемпель: Тем не менее, уже само наличие в таких объяснениях выражений «поэтому», «следовательно», «таким образом», «естественно», «потому что», «очевидно» и т.п. являются указанием скрытых предположений некоторых общих законов. Так, если конкретная революция объясняется с помощью ссылки на возрастающее недовольство со стороны большей части населения определенными условиями жизни, то в этом объяснении предполагается общая регулярность. Однако с трудом можно сформулировать то, какая степень и какая форма недовольства предполагается, и какими должны быть условия жизни, чтобы произошла революция.

Doctor: В таком случае возникает принципиальный вопрос о правомерности самого противопоставления строгого детерминизма естествознания и вероятностного характера эмпирических закономерностей, обнаруживаемых в истории. Законы естествознания также могут иметь вероятностную природу.

Карл Гемпель: В том то и дело. Схема объяснения, которая была дана выше, легко модифицируется для этого случая. Хотя она перестает быть дедуктивно строгой, это не меняет ее номологического характера.

Вильгельм Виндельбанд: Однако настаивание на включение общих законов в структуру исторического объяснения требует обнаружения специфических законов истории, но именно этого и не удастся сделать уже многим поколениям историков. История, прежде всего, описательная дисциплина, и добросовестное собирание исторических фактов, реконструкция последовательности исторических событий показывает, что существование таких законов маловероятно.

Карл Гемпель: Тем не менее, в отсутствие специфических исторических законов историки в своих объяснительных схемах с успехом пользуются законами других наук, и речь идет не только о законах психологии, экономики и социологии. Так, объяснение поражения армии с помощью ссылок на отсутствие пищи, болезни, изменения погоды и т.п. есть объяснение, в котором неявно используются законы физики, химии и биологии. Более того, использование годичных колец деревьев для определения дат в истории, различные методы эмпирической проверки подлинности документов, монет, картин практически напрямую применяют естественнонаучные теории для объяснения получаемых результатов.

Вильгельм Дильтей: А как же метод понимания?

Карл Гемпель: Это, по сути, эвристический метод, который сам по себе не составляет объяснения. Его функция состоит в выдвижении некоторых психологических гипотез, которые могли бы сыграть роль общих законов при объяснении интересующего нас события. Историк как бы ставит себя на место исторического лица, и пытается представить, что он сам бы думал и чувствовал в подобных обстоятельствах.

Ignorant: Вы считаете, что использование такого способа проникновения в суть произошедших событий не гарантирует правильности получаемых объяснений?

Карл Гемпель: Конечно. Более того, историк может быть неспособным почувствовать себя в роли исторической личности, страдающей тем или иным психическим заболеванием, но, тем не менее, это не мешает ему получить объяснение ее поступков с помощью ссылки на принципы психологии девиантного поведения. Таким образом, правильность исторического объяснения не зависит от того, получено оно с помощью «метода понимания» или нет. Критерием его правильности является не то, обращается ли оно к нашему воображению, представлено ли оно в наводящих на мысль аналогиях или каким-то образом сделано правдоподобным – все это может проявляться и в псевдообъяснениях, а исключительно то, основывается ли оно на эмпирически хорошо подтверждаемых допущениях, касающихся исходных условий и общих законов.

Уильям Дрей: По-моему, коллега, вы чересчур категоричны в своей критике. Исторические объяснения не ссылаются на законы просто потому, что опираются вовсе не на них.

Ignorant: А на что же?

Уильям Дрей: Возьмем, к примеру, следующее утверждение: «Людовик XIV умер непопулярным, так как проводил политику, наносящую ущерб национальным интересам Франции». Какой закон мог бы использоваться в этом объяснении? Очевидно, он должен иметь форму «все правители, которые ..., умерли непопулярными». Однако если мы начнем уточнять этот закон, то мы столкнемся с необходимостью введения такого количества ограничивающих и поясняющих условий, что в итоге наш закон станет эквивалентным утверждению: «все правители, которые проводили точно такую же политику, что и Людовик XIV, при точно таких же условиях, которые существовали во Франции и в других странах, вовлеченных в политику Людовика, становились непопулярными».

Doctor: В итоге перед нами встает следующая дилемма: если точное сходство политических действий и их важнейших условий нельзя

выразить в общих терминах, то полученное утверждение вовсе не является законом. Если же это сходство можно выразить, то тогда это будет подлинный закон, но единственным примером проявления его действия в истории будет именно тот случай, для объяснения которого он и был сформулирован.

Уильям Дрей: Совершенно верно. Следовательно, использование этого «закона» в объяснении будет фактически сводиться лишь к повторению уже известного ранее – того, что причиной непопулярности Людовика XIV была его неудачная политика.

Ignorant: В чем же тогда состоит объяснение исторического действия?

Уильям Дрей: Оно состоит в демонстрации того, что оно при данных условиях было соответствующим или рациональным. Рациональность же понимается здесь как направленность действий на достижение желаемых целей. Такое объяснение имеет собственные логические характеристики, не совпадающие с характеристиками гемпелевской модели.

Ignorant: Какие?

Элизабет Энском: Логической моделью подобных телеологических объяснений может служить так называемый практический силлогизм. Структура практического силлогизма может быть представлена так: большая посылка говорит о некоей желаемой вещи, или цели действия; в меньшей посылке некоторое действие связывается с этим желаемым результатом как средство его достижения; в заключении говорится об использовании средства для достижения цели. Если в теоретическом выводе истинность посылок с необходимостью влечет истинность заключения, то в практическом выводе согласие с посылками влечет за собой соответствующее им действие.

Doctor: Покажите это, пожалуйста, на примере какой-нибудь логической схемы.

Элизабет Энском: Пожалуйста. Одна из простейших схем практического вывода, на примере которой удобно рассмотреть его специфические черты, выглядит так:

А намеревается осуществить p .

А считает, что он не сможет осуществить p , если он не совершит q .

Следовательно, А принимается за совершение q .

Ignorant: Честно говоря, мне не совсем понятно...

Уильям Дрей: Поясню это тебе следующим примером. Пусть я намереваюсь позвонить в дверной звонок. Чтобы это сделать, я очевидно, должен нажать на кнопку звонка. Следовательно, я нажимаю на

кнопку, чтобы осуществить свое намерение. Каким образом можно верифицировать утверждения, входящие в это рассуждение?

Ignorant: Все просто. Нужно смотреть на результат. Если состоялось соответствующее физическое действие, т.е. нажатие на кнопку, то ваше заключение истинно, если же нет – то ложно.

Уильям Дрей: Однако на самом деле ситуация оказывается несколько сложнее. Нам требуется убедиться в том, что действие нажатия было именно намеренным, то есть что я не нажал кнопку случайно, не проверял таким образом гладкость ее поверхности, глубину ее хода и т.п. Иначе говоря, описание действия («я нажал на кнопку») уже неявно включает в себя интерпретацию намерения субъекта, производящего действие.

Ignorant: Но как мы можем знать о его намерениях?

Уильям Дрей: Очевидно, только интерпретируя его действия. Следовательно, верификация заключения практического силлогизма не является процедурой, независимой от верификации его посылок. А это и означает, что связь между событиями, выраженными в посылках и событием, утверждаемым в заключении, является связью не причинного, но логического типа. Этот тип связи отличает телеологические объяснения, которые встречаются в исторических исследованиях, от дедуктивно-номологических объяснений естествознания: посылки и заключения объяснений последнего типа могут верифицироваться независимо друг от друга.¹

Doctor: Таким образом, вопреки мнению К.Г. Гемпеля, в исторических исследованиях можно считать допустимыми как дедуктивно-номологические, так и телеологические объяснения.

В.О. БОГДАНОВА

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ «ЗНАНИЯ О РЕАЛЬНОСТИ»

В философии науки продолжает господствовать эпистемологическая установка, предполагающая веру в возможность истинного знания субъекта как «знания о реальности». Например, согласно К. Попперу, через гипотезы и их опровержения наука способна двигаться к постижению все более глубоких структур реальности. Веру в реальность нельзя ни доказать и ни опровергнуть, однако именно она является опорой

¹ *Дрей У.* Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М., 1977, с. 37-71.

здорового смысла. А здравый смысл, по мысли философа, безусловно, стоит на стороне реализма. Здравый смысл подсказывает нам, что человек познает *этот* мир и его картина соответствует действительности. Эта мысль кажется настолько очевидной, что не нуждается ни в каком дальнейшем обосновании. Однако понятно, что ссылка на *очевидность* является только «психологическим аргументом», который никак не обосновывается логически.

По мысли Поппера и его многочисленных сторонников, почти все физические, химические или биологические теории подразумевают реализм. Если эти теории признаются истинными, то и реализм тоже должен быть истинным. Однако если само описание действительности осуществляется с помощью этих теорий, то как в таком случае преодолеть возникающий логический круг? Видимо, следует предположить, что наше «знание о реальности», даже на уровне восприятий, представляет собой набор предрасположенностей, «рабочих гипотез», обеспечивающих необходимое приспособление к действительности, а потому жизненно необходимых для нас. Однако тоже ясно, что у самого познающего субъекта нет никаких гарантий от ошибок¹, «рабочие гипотезы» могут не срабатывать, не получать подтверждения. Таким образом, проблема истинности, а, следовательно, и проблема «знания о реальности» остается открытой.

В.А. Лекторский в своей статье «Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии» отмечает, что развитие современной науки в целом и исследование когнитивных процессов в особенности дают все больше аргументов в пользу реалистической интерпретации познания. Реализм не только лучше объясняет факты познавательной деятельности, но и дает обоснование конкретным исследовательским программам в науках о природе и обществе, невозможным в рамках анти-реалистической эпистемологии.

Рассмотрим аргументы В.А. Лекторского в пользу реализма. По мысли философа, реализм, на который опираются исследования когнитивных наук, предполагает, что субъект включен в мир через процесс познания, благодаря чему получает информацию о мире, которая позволяет успешно ориентироваться в нем. Развитие современных когнитивных наук исходит из того, что познание может и должно быть понято как совокупность процессов переработки информации, поступающей из внешнего мира. Поэтому для того чтобы понять, как возможно познание,

¹ Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход М.: Эдиториал УРСС, 2002, с. 49

нужно исследовать сам мир, посылающий информацию познающему субъекту, изучать способы взаимодействия познающего – будет ли это насекомое, летучая мышь, шимпанзе или человек – с миром и способы переработки информации¹. Однако на наш взгляд, данный аргумент во все не убеждает в состоятельности реализма, так как включенность субъекта в мир вовсе не говорит о том, что его картина мира будет соответствовать действительности, поскольку между внешним миром и нашими теоретическими знаниями о нем нельзя установить четких причинных связей. То, что та или иная теория подтверждается опытом, говорит не о ее истинности, а о том, что она укладывается в пределы допустимого, которые определяет взаимодействие субъекта с действительностью. Теория жизнеспособна и не более того. Со временем, когда изменятся условия ее «истинности», она может быть отвергнута, что и происходит со многими теориями на протяжении истории развития науки.

Далее в своей статье В.А. Лекторский разбирает проблему референции. Некоторые представители аналитической философии рассматривают язык как способ конструирования реальности. Постструктуралисты пошли еще дальше, утверждая, что текст – это и есть единственная реальность для субъекта. Действительно, структурализм и постструктурализм согласно этим заявлениям можно отнести к анти-реализму. Язык не способен быть «чистым» проводником «знания о реальности», он неразрывно связан с когнитивными и социальными установками-предпочтениями познающего субъекта. Язык не репрезентативен, он представляет собой сложную систему «взаимной каузации». Конечно, внешние факторы играют существенную роль в определении ментальных состояний, но они являются результатом коррекционных согласований (сцеплений) между средой и организмом. В этом суть отношений «взаимной каузации»². Высокая степень организации субъекта предполагает структурное сопряжение не только с окружающей средой, но и с самим собой, поэтому «знание о реальности» становится синтезом внешнего и внутреннего миров.

По мысли У. Матураны, сам язык никогда никем не «изобретался» только для того, чтобы воспринять внешний мир, скорее, именно с помощью «оязычивания» акт познания порождает мир в той поведенче-

¹ Лекторский В.А. Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии // Познание, понимание, конструирование. М.: ИФ РАН, 2007, с. 16

² Коули С.Д., Кравченко А.В. Динамика когнитивных процессов и науки о языке // Вопросы языкознания. 2006, №6, с. 140.

ской координации, которая есть язык. Человек существует во взаимной лингвистической сопряженности с миром не потому, что язык позволяет раскрыть этот мир или самого человека. Сам человек находится в непрерывном языковом становлении вместе с другими носителями языка¹. Человек сообщая с другими творит свою версию мира, но в силу того, что в рамках одного вида нет существенных отличий в когнитивном аппарате, наши миры обладают более или менее схожей структурой. Таким образом, Матурана подвергает сомнению возможность передачи информации в процессе коммуникации, поскольку в процессе общения ничего никому не «передается» в прямом смысле. Передача информации – всего лишь неудачная метафора совместной деятельности, в результате которой возникает сходный отклик: более или менее близкое взаимное понимание чего-то иного. Язык всегда предстает как миф, в который нам выгодно верить, а не как вещь, живущая по законам и правилам физического мира. Человек в коммуникации всегда видит то, во что он верит².

В.А. Лекторский в области философии языка разделяет позицию Н. Хомского заключающуюся в том, что язык может быть понят только в контексте эволюции и в качестве способа взаимодействия с окружающим миром. В этой натуралистической версии философии языка познание есть форма приспособления к среде в процессе биологической эволюции и одновременно – важный фактор самих эволюционных процессов. Необходимо отметить, что данное представление разделяют и конструктивисты, к которым можно отнести У. Матурану и Ф. Варелу.

Таким образом, представление о том, что язык выполняет пассивную дескриптивную роль в процессе познания, которая сводится только к описанию реальности, какая она есть «сама по себе», является наивным. Однако не стоит впадать и в крайности анти-реализма. Видимо, истина находится где-то посередине. К этой срединной позиции можно отнести «гипотетический реализм» Г. Фоллмера. С одной стороны, наши понятия определяются структурами реального мира. С другой стороны, язык значительно влияет на способ нашего видения и описания мира, (хотя и не определяет его полностью)³.

¹ Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания – М.: Прогресс-Традиция, 2001, с. 207.

² Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995, с. 95-142.

³ Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. – М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/library/vollmer/vollmer.html> (дата обращения 10.06.2012).

Многие ненаблюдаемые научные объекты, такие как атомы, электроны, кварки и т.п., представляют собой конструкты, базирующиеся на весьма неопределенной онтологии. Конечно, не все, что нельзя наблюдать, не существует. Само различие между наблюдаемым и ненаблюдаемым исторически подвижно. Вирусы и гены стало возможным наблюдать только с помощью специально сконструированной аппаратуры. До возникновения аппаратуры высказывались гипотезы о существовании этих объектов. Однако именно с помощью этих гипотез и ряда других теоретических допущений появилась возможность сконструировать саму аппаратуру и истолковать результаты полученных с ее помощью наблюдений. По мысли В.А. Лекторского, этот пример является свидетельством того, что именно реалистическая эпистемологическая установка ориентирует на выход за пределы данности, на формирование новых экспериментальных ситуаций и новых лабораторных процедур.

Однако большинство научных теорий, в которых содержатся суждения о ненаблюдаемых сущностях, вовсе не стремятся говорить о них как о чем-то реально существующем. Не нужно постулировать, что существуют элементы реальности, соответствующие тем или иным моделям. Достаточно, что теория эмпирически адекватна хотя бы части того, что мы называем реальностью. По мысли Б. Фраасена, такие теории могут «спасти» лишь часть наблюдаемых фактов¹.

Доводы в пользу анти-реализма можно свести к тому, что в эксперименте создается искусственная ситуация. Эта ситуация не может возникнуть сама по себе в изучаемой предметной области. Однако, и это отмечает В.А. Лекторский, сама цель эксперимента всегда является реалистичной. Она заключается в том, чтобы выявить те зависимости, которые на самом деле существуют и это можно сделать в условиях эксперимента. Если бы экспериментатор имел дело только с собственными действиями, тогда не имело бы смысла заботиться о различении тех результатов, которые выражают процессы, имеющие место в изучаемой предметной области, от тех, которые возникли как следствие искусственного вмешательства экспериментатора².

Однако нельзя отрицать, что эксперимент и наблюдение изначально нагружены теорией, поскольку не существует эмпирических способов постижения реальности, которые предшествовали бы теории. Эта мысль достаточно полно представлена в концепции научных парадигм Т. Куна.

¹ Fraassen B. C. van. Empiricism in the Philosophy of Science // Images of Science – Chicago: University of Chicago Press, 1985, p. 276.

² Лекторский В.А. Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии // Познание, понимание, конструирование. – М.: ИФ РАН, 2007, с. 17.

Экспериментирование не выходит за границы той или иной парадигмы, наоборот оно направляется ею.

Успешная методология определяет успешную научную деятельность, а не наоборот. Например, М.А. Розов сравнивает труд исследователя как на практическом (постановка эксперимента) так и на теоретическом уровне с работой инженера-конструктора. Подобно инженерной деятельности исследование ученого будет опираться на уже имеющиеся знания (конструкты) или на образцы конструкторской деятельности. Следовательно, любая научная теория представляет собой конструктор с образцами конструирования. Так одним из мощных «конструкторов» в естествознании является атомистика, с помощью данной теории объясняются свойства газов, жидкостей и твердых тел¹. Конечно же, теоретические конструкции не оторваны от реальности, так как они, так или иначе, работают, но область их применения не безгранична. Эта область, как правило, задается конкретными и достаточно ситуативными соображениями практики, когда нужно решить определенную задачу. Сама точность задана ситуацией. Поэтому в науке вовсе не идет речь о постижении действительности «самой по себе», так как «познаем мы не мир как таковой, а нашу деятельность с этим миром»².

Таким образом, анализ аргументов в пользу «знания о реальности» показывает, что, как правило, они опираются на упрощенную репрезентативную модель мира, со ссылками на «очевидность» или онтологическую «предопределенность» объекта. Однако между «знанием о реальности» и реальностью «самой по себе» невозможно обнаружить прямого соответствия, поскольку само понятие объекта интерпретируется как производное не столько от внешнего мира, сколько от активной деятельности субъекта. Однако в таком случае эпистемология оказывается перед угрозой тотального релятивизма, что ставит под сомнение базовые философские понятия такие как «истина», «опыт», «эмпирическое и теоретическое» и т.д. Возникает проблема: либо пересмотреть эти понятия с позиций анти-реализма, либо найти новое онтологическое основание знанию и тем самым расширить представление о реальности.

Видимо, ни одну эпистемологическую концепцию нельзя назвать реалистичной или анти-реалистичной в «чистом» виде, поскольку «чистый реализм» представляет собой весьма наивную позицию даже для здравого смысла, а «чистый анти-реализм» ведет к полному агностицизму. Следовательно, речь может идти только о множестве разнообразно-

¹ Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке: материалы «круглого стола» // Вопросы философии, 2008, № 3, с. 10.

² Там же.

стей реализма, представленного либо в «сильной», либо в «слабой» форме. Способом решения проблемы противостояния реализма и антиреализма в эпистемологии является, на наш взгляд, *конструктивистский реализм*, который можно отнести к слабой версии реализма (гипотетическому реализму). Однако обоснование этого выходит за рамки данной статьи и может служить предметом специального исследования.

Н.И. МАРТИШИНА

ОБРАЗ И ИМИДЖ НАУКИ

В опубликованной в сборнике предыдущей конференции статье Е.А. Терпиловской обозначена проблема и выделен термин, представляющийся весьма значимым для анализа социального функционирования науки – «образ науки». Вслед за И. Элкана автор данной статьи определяет образ науки как «представления ученых и широкой общественности о природе и целях науки, о ее социальной роли, о месте среди других культурных форм...»¹, справедливо указывая, что образ науки чаще всего отличен от ее объективного состояния и формируется под воздействием ряда факторов, лишь частью которых является действительное положение дел. Применительно к современной социальной реальности мы считаем возможным дополнить данный концепт смежным и говорить также об *имидже* науки в контексте определенной культуры как совокупности *распространяемых* в коммуникационных потоках представлений о науке. Мы отталкиваемся при этом от базового определения имиджа как мнения об объекте, сформированного на основе его образа в результате восприятия как самого объекта, так и его уже сделанных кем-то другим оценок² и считаем ключевым моментом разграничения образа и имиджа значимость более или менее направленного конструирования последнего средствами рекламы, пропаганды, PR и т.п., а в случае науки – средствами массовой коммуникации. Имидж науки в массовом сознании конкретного общества выступает в результате несколько отличным как от реального бытия науки, так и от уже существующего ее образа, хотя, безусловно, связан и с тем, и с другим.

¹ Терпиловская Е.А. Образ науки как концепт в отечественной философии // История и философия науки: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции. – Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2012, с. 130.

²² Панасюк А.И. Имидж: определение центрального понятия имиджологии // http://academim.org/art/pan1_2.html

К особенностям имиджа науки в современном российском обществе можно отнести, на наш взгляд, прежде всего следующие.

Во-первых, существует явная двойственность восприятия науки как необходимого и перспективного средства экономических и социальных преобразований и как потенциально опасного, разрушительного фактора. Первая (сциентистская) линия наиболее выражена сейчас в официальной риторике и связанных с ней коммуникационных потоках; вторая (антисциентистская) широко представлена в массовой культуре (одной из распространенных мифологем которой остается образ ученого, чья неосторожная или злонамеренная деятельность порождает опасность планетарного масштаба). В результате транслирующийся имидж науки также оказывается амбивалентным. С одной стороны, сохраняющаяся в массовом сознании вера в науку как основание социального прогресса, в ее необходимость и способность совершенствовать нашу жизнь постоянно подпитывается информацией о научных открытиях, масштабных проектах и достижениях, новых возможностях науки в решении практических и социальных проблем. Но, с другой стороны, с той же регулярностью воспроизводится в СМИ и спектр разнообразных опасений, нареканий и разоблачений, обращенных к науке (среди последних информационных волн такого плана – кампания по поводу плагиата в диссертационных работах и незаслуженного присвоения ученых степеней, порождающая в общественном мнении представление об иллюзорности научных результатов большинства российских ученых). Достаточно распространена и внешне более благожелательная к науке трансляция представлений о ней как сфере вложения (а не создания) экономических ресурсов, нуждающейся в первую очередь в постоянной финансовой поддержке, своеобразном «поглотителе» национального достояния. В частности, именно к такому восприятию ведут высказывания в СМИ о необходимости роста капиталовложений в науку, направления определенной части госбюджета (не меньшей, чем в других государствах) на ее развитие, *если при этом не акцентируются перспективы реальной отдачи от науки*. Обратной стороной того же принципа является риторика с позиций неадаптированной рыночной идеологии, оценивающая любые научные разработки, для которых не находится заинтересованного спонсора, как ненужные, неэффективные, невостребованные в принципе. Таким образом, противоречивость образа науки в массовом сознании поддерживается и усиливается переплетением сциентистских и антисциентистских компонентов ее имиджа, формируемого в массовых коммуникациях. По мнению А.В. Юревича, именно формам подачи информации о науке в современных российских СМИ мы обязаны тем, что 40 % россиян счита-

ют полезной исключительно прикладную науку, и только 15 % признают ценность фундаментальных исследований¹.

Вторая особенность в долгосрочном масштабе связана с проблемами интегрированности науки в историческое развитие российской культуры. На имидж российской науки накладывает отпечаток традиция ее восприятия как западного, европейского способа мышления. Эта традиция нашла свое отражение в русской философии: можно вспомнить, в частности, позиции П.А. Флоренского, указывавшего, что взгляд европейской науки способен воспринять лишь «кожу вещей», а для русского склада ума доступно чувство единения с природой, позволяющее проникнуть вглубь, и Н. Ф. Федорова, противопоставлявшего «городской науке» европейского типа крестьянско-христианскую традицию познания, которая не получила развития в Византии, но имеет перспективы в России. В более краткосрочной ретроспективе тенденция разграничения российской и западной науки была трансформирована реальностью последних десятилетий: если Флоренский и Федоров видели в специфике русского менталитета новые возможности развития познания, то массовое сознание современного российского общества скорее акцентирует внимание на разрыве между уровнем жизни в России и на западе, одним из инструментов которого является наука. В сфере транслируемого посредством СМИ имиджа науки в последние годы прочно занял свое место следующий мотив: за рубежом достижения ученых ценятся, подхватываются, находят применение, в России же перспективные идеи далеко не всегда находят своевременную поддержку (и потом кто-то другой получает Нобелевскую премию или патент на изобретение). Даже публикации о приоритете российских ученых в разработке того или иного научного направления зачастую на этом фоне воспринимаются массовым сознанием негативно. В результате возникает разрыв в представлениях россиян о «науке вообще» и «русской науке»: как было показано, в частности, в исследованиях Е.А. Володарской и М.В. Шматко, российская наука оценивается ниже по многим параметрам².

На наш взгляд, ситуация требует не только объективного преодоления ряда проблем роста науки, но и целенаправленной работы по формированию адекватных представлений о ней в массовом сознании. Сейчас стихийно формирующийся образ науки нередко оказывается бо-

¹ Юревич А.В. Наука при медиакратии // Наукоеведение, 2002, № 1, с. 69 – 85.

² См.: Володарская Е.А. Представления об ученых в современном российском обществе (опыт социально-психологического исследования) // - Наукоеведение, 2001, № 2, с. 121 – 131; Шматко М. В. Образ науки в массовом сознании современного российского общества: Автореф. дис. ... к.ф.н. - Омск, 2007.

лее негативным, чем реально существующее положение дел в науке. Но в современном мире не только реальное состояние науки, но и бытующий в общественном сознании образ оказывает существенное воздействие на отношение общества к образованию, принятие властных решений и т.д. Поэтому оказывается необходимым противодействие негативным (причем часто нецеленаправленно даже негативным) мотивам – можно назвать это мерами по формированию позитивного имиджа науки в современном российском обществе.

Деятельность по направленному формированию имиджа науки изначально предполагает ряд существенных трудностей. Во-первых, отчасти ей оказывает сопротивление сама природа науки. Наука по определению не демонстративна – это интеллектуальная деятельность, в которой основные события происходят в сфере мышления, это «драма идей», а не «драма людей». Наука является рискованной формой деятельности: она по своей сути вступает в область неизвестного, и, следовательно, идеи, не получающие развития, неперспективные, ошибочные ходы в ней должны возникать с неизбежностью. В каждой науке на любом этапе развития обязательно противоборствуют различные методологические подходы и концепции, и это многообразие также делает намного более проблематичным ее внешнее представление. Наконец, реальное содержание научного открытия на современном этапе все чаще оказывается слишком сложным для хотя бы отчасти адекватного популярного его изложения. Кроме того, существует личностный фактор. Активно взаимодействовать со СМИ, эффектно представлять достижения науки и свои собственные разработки способна лишь некоторая часть научного сообщества, причем не обязательно это наиболее компетентная и реально результативная часть. Традиционному стилю поведения и образу жизни ученого активная самопрезентация скорее противоречит; быстро реагирующий и лояльный эксперт, высказывающийся в СМИ от лица науки, в глазах научного сообщества находится как минимум на грани маргинальности.

Тем не менее позитивный имидж науки востребован. Основу его, по нашему мнению, могут составить следующие положения:

- наука результативна, это экономически эффективное предприятие, хотя, возможно, не в ближайшей, а в более долгосрочной перспективе. Даже те научные разработки, которые выглядят сегодня неприменимыми к жизни, могут найти неожиданное применение на следующем витке развития человечества;

- наука – это область постоянного роста, развития, причем в ней есть объективные определители прогресса и результативности (более

определенные, чем, скажем, в искусстве). Наука будет развиваться в обществе в приоритетном режиме, поскольку возможности развития самого общества зависят в первую очередь от науки;

- наука реально добивается результатов, решая теоретические и практические проблемы. Работа в науке – это интересное занятие, «интеллектуальное приключение», предполагающее поиски, находки, возможность достижения победного результата;

- наконец, в современном обществе наука – это эффективный «социальный лифт», человек, обладающий способностями и не боящийся трудностей, может достичь в ней жизненного успеха.

В научной деятельности огромное значение имеют ценностные ориентации и мотивация людей, которые в нее включаются. Поэтому перспективы развития российской науки на современном этапе зависят, кроме всего прочего, и от того, насколько эффективно будет решаться задача создания ее достойного имиджа в сознании общества.

М.А. СОЛОНЕНКО

***ЭВОЛЮЦИОННО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ
АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ
В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ***

В последние годы в отечественной и зарубежной науке и философии особенно остро актуализировались эволюционно-эпистемологические и когнитивные исследования по проблеме восприятия времени в связи с изучением проблемы научного творчества и когнитивных механизмов по активизации творческого потенциала современных ученых. В связи с этим возникла необходимость в философском осмыслении новых подходов по изучению восприятия времени и в раскрытии роли фактора времени в научном творчестве. Ведь любой творческий акт в науке протекает во времени, а потому важно то, как ученые воспринимают время в процессе научного творчества и как восприятие времени влияет на творческую активность ученых. Общая закономерность по данной проблеме современными исследователями отмечается такая: как правило, творческая активность ученых максимально повышается в результате внезапных творческих озарений (инсайтов), возникающих в состоянии цейтнота (наиболее острой нехватки времени).

Современными нейробиологами и эволюционными психологами установлено, что творческая активность человека зависит от биоритмов головного мозга и от скорости восприятия человеком времени. В связи с

этим возникает необходимость в научном изучении и философском осмыслении того, как человек науки воспринимает время в процессе научного творчества и как фактор времени влияет на творческую активность современных ученых.

Одной из важнейших современных концепций для научного изучения и более глубокого философского осмысления проблемы восприятия времени применительно к научному творчеству, на наш взгляд, могла бы стать появившаяся в последние годы в когнитивной науке концепция чилийского нейробиолога и философа Франсиско Варелы о кадрированном восприятии человеком окружающего мира и течения времени, известная в современной науке под названием концепции нейрофизиологических кадров восприятия. Именно эта научная концепция, по мнению отечественных и зарубежных философов и ученых, является сегодня одной из наиболее методологически продуктивных, и получила в науке достаточно прочное экспериментальное подтверждение и теоретическое обоснование. Подробный анализ концепции Ф. Варелы и широкие возможности ее применения к изучению проблемы восприятия времени и проблемы повышения когнитивной активности человека в процессе инновационного творчества, зависящего от изменения шкалы времени и от скорости протекания различных темпомиров, впервые были предприняты и показаны в современной научной и философской литературе Е.Н. Князевой в творческом соавторстве с С.П. Курдюмовым, А.Л. Алюшиным и В.А. Белавиным¹.

Опираясь на этих известных отечественных авторов и на новейшие научные и философские разработки Ф. Варелы по проблеме восприятия времени, сегодня представляется возможным не только по-новому взглянуть на проблему восприятия времени, но и показать, как меняется творческая активность ученых-исследователей в зависимости от скорости восприятия окружающего мира и течения времени.

Прежде всего, следует отметить, что концепция Франсиско Варелы о нейрофизиологических кадрах восприятия мира и течения времени позволяет представить научное творчество и познавательную деятель-

¹ Подробнее см.: *Князева Е.Н.* Творческий путь Франсиско Варелы: от теории автопоэзиса до новой концепции в когнитивной науке // *Вопросы философии.* 2005. № 7, с. 90–104;

Алюшин А.Л., Князева Е.Н., Темпомиры. Скорость восприятия и шкалы времени. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008, с. 93–147; *Белавин В.А., Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Новые типы связи пространства и времени в сложных структурах // *Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика* М., 1999, с.38–40.

ность в науке как дискретно-континуальный (прерывисто-непрерывный) когнитивный процесс, протекающий во времени. С точки зрения современной когнитивной науки это означает, что любой завершённый творческий акт ученого, как кино, состоит из отдельных кадров когнитивной активности, сменяющих друг друга в зависимости от скорости изменения происходящих событий и от скорости восприятия этих событий во времени.

В подтверждение кадрированного восприятия времени в научном творчестве и его влияния на активизацию творческого процесса в науке проанализируем важнейшие особенности научного творчества в ряде творческих ситуаций, способных ускорить (или замедлить) восприятие учеными-исследователями течения времени. И, прежде всего, рассмотрим особенности естественнонаучного творчества – творчества физиков, биологов и т. д., чья творческая деятельность чаще всего связана с изучением отдельных явлений окружающего внешнего мира и постоянно сопряжена с наблюдениями, с детальным анализом и, вследствие этого, с кадрированным восприятием изучаемых явлений, окружающего мира и течения времени.

Одним из общеизвестных классических примеров научного творчества, произошедшего в результате кадрированного восприятия изучаемых природных явлений и физического времени, является открытие английским физиком Исааком Ньютоном закона всемирного тяготения. Произошло это, как известно из биографии великого английского ученого, в момент восприятия Ньютоном падающего яблока. В данном случае падающее яблоко стало тем кадром восприятия и тем неожиданным случайным событием, которое вызвало сознании Ньютона интуитивное творческое озарение (инсайт) и привело к научному открытию. Обобщив и экстраполировав этот общеизвестный научный факт (и ряд других подобных фактов) на творчество ученых, можно утверждать, что практически все великие открытия в науке чаще всего происходят в результате неожиданных научных открытий и внезапно возникающих у ученых интуитивных творческих озарений, которые наступают вследствие ускорения времени после многолетних размышлений и длительного решения еще не решенных в науке научных проблем¹.

Важнейшим научным достижением в изучении проблемы восприятия времени стало в последние годы установление прямой связи творче-

¹ Подробный анализ научного творчества и его методологии см., например, в работах М.Г. Ярошевского, А.С. Майданова, А.Х. Маслоу и ряда других отечественных и зарубежных авторов. См., в частности: Майданов А.С. Методология научного творчества. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

ства и восприятия времени с природными биоритмами и с биоритмами человеческого мозга¹. Под биоритмами мозга в современных нейронауках понимается один из видов фоновой электрической активности головного мозга человека и высших животных. По данным современных биофизических исследований, биоритмы головного мозга, как и все другие биоритмы живой природы, направлены на биологическое приспособление человека и всех живых организмов к временной структуре окружающего мира и к изменчивой внешней среде.

Современными нейробиологами и учеными-биофизиками установлено, что по своей физической и биологической природе биоритмы головного мозга представляют собой ритмически повторяющиеся электрические импульсы, которые обеспечивают непрерывную связь живых организмов с врожденными и приобретенными в ходе индивидуальной жизни временными программами. Эмпирическим подтверждением существования биоритмов в живой природе и в головном мозге человека и высших животных являются энцефалограммы. Так, например, в энцефалограмме человека различаются пять основных биоритмов: альфа, бета, гамма, дельта и тета. По данным современных экспериментальных исследований, творческая деятельность человека и восприятие человеком времени являются не только взаимосвязанными между собой, но и чаще всего протекают на фоне трех основных биоритмов – альфа, бета и гамма².

Все эти научные результаты послужили весомым аргументом и дополнительным стимулом к тому, что в биофизике, в космической биологии и в когнитивной науке возник в последние годы целый ряд новых научных направлений под общим названием «ритмологии», «хроноритмологии» и «биоритмологии», изучающих время как функцию природных и космических биоритмов³. При этом современными американскими учеными высказано предположение, что самую высокую степень творческой активности человек проявляет в момент наиболее острого дефицита времени и когда алгоритм его творческой деятельности совпадает с биоритмами головного мозга⁴. На наш взгляд, именно эта научная концепция (условно назовем ее «концепцией творческих биоритмов») как

¹ Блум Ф., Лезерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение /Пер. с англ. – М.: Мир, 2006,

² Ритм, жизнь и творчество. Материалы экспериментальных исследований. – СПб.: СПбГУ, 2001.

³ Время в зеркале науки // Материалы Международной междисциплинарной научной конференции по ритмологии. – Киев, 2011.

⁴ Блум Ф., Лезерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение /Пер. с англ. – М.: Мир, 2006, с 70–71.

нельзя лучше подтверждает и обосновывает концепцию современного чилийского нейробиолога Франсиско Варелы о кадрированном восприятии человеком окружающего внешнего мира и течения времени¹.

Объяснить, прочему человек воспринимает окружающий внешний мир и течение времени дискретно (в виде непрерывного потока отдельных кадров), на наш взгляд, можно тем, что их продуцируют биоритмы головного мозга. Различие между восприятием обычного человека и человека творческого, по мнению современных ученых, состоит в том, что у творческого человека кадрированное восприятие окружающего мира и течения времени происходит в условиях цейтнота (постоянной острой нехватки времени). А это значит, что в процессе творчества человек способен «прокручивать» в своем сознании когнитивные кадры туда и обратно и переживать в сокращенном виде и в ускоренном темпе все воспринимаемые события и все времена сразу (не разделяя их на прошлое, настоящее и будущее). Можно предположить, что именно в этой уникальной когнитивной способности – способности схватывать и вмещать в процессе творчества в отдельно воспринятом кадре все пережитые события и все времена сразу – и заключен неиссякаемый внутренний источник творческого вдохновения человека и активизации человеческих творческих способностей.

В конце XX – начале XXI веков в отечественной и зарубежной интегративной и трансперсональной психологии были получены весьма интересные экспериментальные результаты, согласно которым в творческой деятельности человека и в различных состояниях сознания креативной индивидуальности, как правило, преобладает трансцендентное и виртуальное восприятие времени. В ходе экспериментальных исследований было показано, что практически во всех видах творчества происходит частичное или полное искажение времени. А это значит, что в процессе творчества человек часто теряет «чувство времени», утрачивает чувственную и когнитивную связь с объективной реальностью и с реальным течением объективного времени. Так, например, по результатам научных исследований создателя интегративной психологии, профессора Ярославского государственного университета В.В. Козлова, в творчестве «в основном возникает феномен искажения временных промежутков в сторону их сокращения (час как несколько минут, день как час) или возникает аутизация такого уровня, когда восприятие времени полностью

¹ Князева Е.Н. Творческий путь Франсиско Варелы: от теории автопоэзиса до новой концепции в когнитивной науке // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 91–104.

исчезает и личность «обнаруживает себя» в другом временном промежутке – уже утро оказывается»¹.

С точки зрения синергетики и современной когнитивной науки, объяснить парадоксальный «псифеномен», связанный с потерей креативной индивидуальностью «чувства времени» можно тем, что сознание творчески одаренной личности способно к абстрагированию от внешнего мира и к нелинейному восприятию времени (времени, не разделенному на прошлое, настоящее и будущее). Экспериментальное подтверждение такому выводу можно найти, например, в книге современного английского психолога, создателя трансперсональной психологии Стива Тейлора «Покорение времени. Как время воздействует на нас, а мы на время», где традиционное линейное время (время с прошлым, настоящим и будущим) характеризуется автором как «психологическая иллюзия»². Поэтому что с помощью изменения способов восприятия времени, как показывает Стив Тейлор, «можно не только ускорить или замедлить, но и расширить время, выйти за его пределы, или на какой-то миг полностью остановить неумолимый бег времени»³.

По данным экспериментальных исследований интегративной психологии, искажение восприятия длительности временных периодов существенно зависит от «поглощенности» человека творческой деятельностью». Объясняется это главным образом тем, что интеграция в творческом процессе внутреннего мира человека с внешним миром, в котором он находится и действует, «приводит к такой ситуации, когда привычные способы восприятия времени подавляются». Именно подавление привычных механизмов структурирования времени и приводит к искажению его восприятия. Во-вторых, в творческом акте «нивелируется граница между объектом и субъектом, между тем, что есть (предметная среда), и тем, что есть для субъекта (индивидуальное психосемантическое пространство)». В результате научное творчество (как и любое другое творчество) происходит как бы вне времени и вне пространства, в полном присутствии «здесь и сейчас», в растворении человека в творческом процессе. Такое искаженное состояние творческого сознания человека есть не что иное, как «некий аналог архаического восприятия реально-

¹ Козлов В.В. Трансценденция времени в творчестве // Козлов В.В. Психология творчества: свет, сумерки и темная ночь души. – М.: Изд-во «Гала», 2009. С. 45–48.

² Тейлор С. Покорение времени. Как время воздействует на нас, а мы на время / Пер. с англ. – М.: Альпина нон-Фикшн, 2010. С. 11–18.

³ Там же.

сти (презентизм первобытного мышления), когда мир распаковывается в ежесекундном присутствии»¹.

Таким образом, проведенный философский анализ позволяет заключить, что в творческом процессе происходит некое «выпадение» человека из континуума линейного времени. А это значит, что в творчестве человек из привычного линейного времени «прошлое-настоящее-будущее» попадает в нелинейное (круговое, циклическое и точечное) время, то есть попадает как бы в «полное присутствие» подлинного настоящего времени (времени как такового, времени «здесь и сейчас»). В переходе творчески одаренного человека от реального линейного времени к трансцендентному времени (времени как таковому, времени «здесь и сейчас») и заключена, на наш взгляд, «великая и непостижимая тайна» творчества и творческой активности человека.

Все это в полной мере относится ко всем видам современного инновационного творчества. И научное творчество не является в этом исключением.

Работа выполнена по грантам РГНФ (№ 11-13-73003 а/В) ФЦП Министерства образования и науки Российской Федерации.

А. П. Никитин

КВАНТИФИКАЦИЯ ЗНАНИЯ

Понятие квантификации используется для обозначения процессов, связанных с измерением и выражением в количественном виде качественных признаков и характеристик. О квантификации знания можно говорить в двух аспектах: во-первых, в контексте понимания знания как результата познания, совершённого через оперирование диалектическими категориями «качество – количество»; во-вторых, в контексте существования широко распространённой практики исчислимости (калькулируемости) знания в современном обществе.

Типичным примером квантификации знания в диалектическом аспекте этого явления может выступать представление об опасности. При оценке техногенного риска используется знание об опасном уровне радиации (то есть такого количественного показателя, который превышает меру качественного состояния «нормальный уровень радиации»), знание об опасном уровне шума, знание об опасном уровне запылённости воздуха и т. д.. В количественной информации мы выражаем знание об из-

¹ Козлов В.В. Трансценденция времени в творчестве // Козлов В.В. Психология творчества: свет, сумерки и темная ночь души. – М.: Изд-во «Гала», 2009. С. 45–48.

менении качества окружающей среды, оперируя двумя определёнными явлениями – «безопасно» и «опасно». Безусловно, что здесь мы сталкиваемся с действием диалектического закона взаимоперехода количественных и качественных изменений.

В этом виде замена качественных показателей количественными существовала на протяжении всей истории человеческого знания. Когда Геродот утверждал, что в Фермопильском сражении участвовало 2,5 млн. персов с одной стороны и 5200 греков с другой, то этим он подчёркивал невозможность благоприятного исхода битвы для последних, эти числа есть показатели силы тех и других, демонстрирующие нам безысходность ситуации для воинов из греческих полисов.

Другой аспект квантификации знания связан не со знанием как таковым, а, в большей степени, с его оценкой в социальном мире. Такого рода квантификация распространяется в обществе знания и имеет не столь давнюю историю, как в первом случае. Значение, которое приобрело знание в современной социокультурной ситуации, поставило само знание под удар различного рода манипуляций и спекуляций, для которых стало удобным исчислять образы и представления о реальности.

Приведём несколько примеров квантификации знания в виде его калькулируемости, чтобы продемонстрировать характер обозначаемых процессов. Качество и успешность деятельности того или иного учёного в современном научном сообществе во многом определяется не сущностью его открытий и их эвристической значимостью, а количественными показателями, сопровождающими сами результаты научного исследования. Эти исчисляемые параметры хорошо известны: количество публикаций, количество докладов на конференциях, количество полученных грантов и объём финансирования в них, количество объектов интеллектуальной собственности и т. п. При этом количественный результат может вовсе не отражать качество самой работы, более того, зачастую учёным приходится жертвовать содержательностью своих исследований ради достижения необходимых показателей.

Такая же тенденция, только в более явном виде, обнаруживается в системе образования на всех его уровнях. Проблемы количественной унификации в оценке знаний учащихся хорошо известны и широко обсуждены, - введение тестовой системы вызвало большой общественный резонанс и волну критики со стороны педагогического сообщества. Не касаясь всех нюансов данной критики, отметим следующее: пятибалльная система оценивания знаний учащихся являлась феноменом, в котором число должно было соответствовать качественному состоянию, при учёте всех субъективных моментов, связанных с взаимодействием уче-

ника и учителей. Получая оценку «3», ученик всё же понимал, что его знание оценивается как качественное состояние «удовлетворительно». Получая 50 баллов из 100 на едином государственном экзамене, он может сам себе сказать: «Я знаю эту дисциплину наполовину». Получая 75 баллов из 100, он может утверждать: «Я знаю этот предмет на три четверти». Когда учащийся А набирает за тест 80 баллов, а учащийся В набирает 40, у первого появляются все основания полагать, что он в два раза сообразительнее своего «соратника». Знание предмета, таким образом, оказывается разбитым на знание его единиц, которые не обладают синтетической цельностью.

В обществе знания, соответственно, возникает поворот от знания как такового к единицам, элементам, фрагментам знания. Эти единицы с особым масштабом и интенсивностью начинают продаваться и покупаться, они превращаются в товар и сравниваются, соответственно, по стоимости. Из синтеза образов и представлений знание трансформируется в сумму фрагментов, каждый из которых существует сам по себе (здесь можно вспомнить концепцию так называемого «клипового мышления»). Подмена качественных характеристик количественными становится, при этом, фундаментом этой трансформации.

Глобальная же тенденция такова, что количественные индикаторы начинают заменять абсолютно все существующие качества явлений и предметов, выражая их для нашего сознания. В экономической сфере унифицированное смыслообразующее поле, выраженное в числе, можно увидеть легче всего, «не вооружая глаз»; это поле – рынок, в котором участвуют все, и функционирование которого определяется количественным измерителем, а именно количеством денег. Реальных проявлений квантитативного экономического мышления можно назвать множество. Известно, к примеру, что при покупке какой-либо вещи человек измеряет возможность её приобретения сочетанием «цена-качество». Самообман такого критерия очевиден, поскольку для большинства людей, воспитанных в рамках современной культуры, совершенно естественно считать, что чем выше цена товара, тем лучше его качество. В ситуации, когда две идентичные, по своим качественным, функциональным характеристикам, вещи будут продаваться по разным ценам (например, в условиях ценовой дискриминации), рядовой покупатель, купив товар по низшей цене, всё равно будет считать, что альтернативный вариант был предпочтительнее в контексте его ценности, выраженной в стоимости.

Обратимся к сфере искусства. Обычного обывателя информация о том, что на аукционе Christie's в 2009 г. рисунок Эдгара Дега «Танцов-

щицы» был продан за 10 миллионов 722 тысячи 500 долларов, а картина Клода Моне «Ветёй в солнечном свете» ушла за 5,46 миллиона долларов, приведёт к очевидному выводу: Э. Дега рисовал лучше К. Моне, по крайней мере, в тот момент, когда первый создавал «Танцовщиц», а второй «Ветёя в солнечном свете». Так ли это на самом деле, - вопрос, который должен быть обращён к искусствоведам; не претендуя на то, чтобы соответствовать их профессионализму, отметим, что ответ, скорее всего, будет заключаться в том, что умение рисовать Э. Дега и К. Моне несравнимо, так как каждый из них нёс в изобразительное искусство свою оригинальную манеру художественного мастерства, а их картины по своей эстетической значимости не могут стоять в отношении друг друга по критерию «лучше - хуже». Но мы их в это отношение ставим! Они становятся лучше, или хуже, благодаря факту цены на них, в соответствии с принципом исчислимости.

Выявленные подмены качества количеством создают уникальную среду, которую, используя термин Ж. Бодрийяра, можно назвать «гиперреальность». Количественное обозначение какого-либо предмета или идеальных объектов становится самостоятельным по отношению к самой реальности, более того, сама реальность оказывается излишней. Число становится замкнутым на самом себе. К примеру, в образовательном процессе это выливается в то, что учеников и студентов готовят именно к тесту, на котором они должны набрать определенное количество баллов, а что будет стоять за полученным показателем, становится неважным, он не демонстрирует нам реальных знаний учащихся. То же самое касается и научной деятельности самих преподавателей, для которых значимым оказывается не столько содержание их исследований, сколько количественные индикаторы, формализующие результат научного поиска. Научное знание, сутью которого всегда было стремление к адекватному воспроизводству объективной реальности, оказалось в тисках квантификационных процессов, породив особый вид симуляции, коим является «пережевывание» уже открытых истин. Довольно распространённой практикой стала публикация одного содержания в двух и более формах (статьях, тезисах, главах коллективных монографий и т. д.), а само содержание зачастую оказывается эклектичным или синтетическим (в лучшем случае) суммированием наличествующих в научной традиции фрагментов знания. Квантификация знания, таким образом, оказывается не отражением качественного состояния реальности, а путём к созданию симуляционного поля, в котором происходит утрата ощущения реальности.

***В.Н. ИВАНОВСКИЙ СТАТУСЕ ЛОГИКИ КАК
НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ***

На рубеже XIX -XIX веков в профессиональном философском сообществе весьма горячо обсуждался вопрос о статусе логики и психологии, их предмете и методах. Эти дисциплины все больше специализировались, выходя из под «опеки» философии, так как требовали специальных знаний. В тоже время образовательная традиция их преподавания не поставила демаркационных линий и философы читали эти дисциплины в рамках либо общих курсов «Введения в философию» либо как дополнения к нему. Нам представляется важным проанализировать как в отечественном философском сообществе, ориентированном на европейскую философскую традицию, понималась эта проблема. В частности, показательна позиция Владимира Николаевича Ивановского (1867–1939), который был одним из первых русских философов, последовательно изучавших логику и методологию науки.

Интерес к проблемам философии науки у Ивановского сформировался ещё в студенческий период под влиянием идей М.М. Троицкого, на его лекциях по логике и психологии на историко-филологическом факультете Московского университета в 1888–1890 годах. Выбор темы научной работы был определён этим влиянием, также как рядом сочинений, прочитанных во время обучения и в первые годы после выпуска. В своей автобиографии Ивановский отметил «Систему логики» Д.С. Милля, «Основания психологии» Г. Спенсера и «Науку о духе» М.М. Троицкого. В 1896 году он редактировал перевод С.А. Котляревского «Дедуктивной и индуктивной логики» У. Минто, с 1897 по 1899 год переводил «Систему логики» Д.С. Милля. В связи с этой работой он ознакомился с некоторыми проблемами методологии и истории естественных наук. Кроме того, для укрепления его интереса к проблемам философии науки имели значение занятия, которые он посещал во время трехгодичной заграничной научной командировки у ведущих европейских философов (Ф. Паульсена, В. Дильтея, Г. Зиммеля, Э. Бутру, Т. Рибо и др.). В 1902–1903 годах Ивановский читал курс лекций и вёл практические занятия по истории науки и философии в парижской «Русской школе общественных наук». По возвращению в Москву осенью 1903 года он читал курс «Введение в философию» в Московском университете и на Высших Женских курсах. В январе 1904 года он перешёл в Казанский университет, где проработал в качестве приват-доцента до 1912 года, читая там курсы психологии,

введения в философию, истории новой философии, психологии, истории педагогических учений и дидактики.

Во «Введении в философию» (Казань, 1907) намечаются контуры концепции Ивановского, – в монографии уделяется внимание проблемам теории познания и методологии. Даже саму философию он рассматривает как всеобщую методологию, классифицируя её по разделам: теория познания, онтология (метафизика), логика, психология, этика, и соответственно рассматривая их предмет, значение и основные концептуальные позиции в этих пределах. Теория познания для него является центром всех философских наук. Структура философских наук исторически складывается из группы знаний, объединённых идеями субъекта познания, то есть, отношением субъекта и объекта, и расположенных в спектре от гносеологии к метафизике. Фундамент их всех – теория познания, изучающая отношения субъекта и объекта «относительно друг друга», далее идут: психология, которая «изучает субъективную жизнь как таковую»; логика – «изучает теоретические отношения между субъектом и объектом»; этика и философия истории – изучают практическое отношение между субъектом и объектом; и замыкает первый уровень философских наук метафизика, изучающая объект «сам по себе», схватывающая объект вне условий опыта, вне отношений его к познающему субъекту. Второй уровень философских наук образуют специальные дисциплины – философия религии, этика, эстетика, философия естествознания или натурфилософия.

Особенность логики в том, что она изучает область мышления и познания. В логике привыкли видеть науку практическую. В этом аспекте она есть система известных норм, требований, которые имеют значение в деле руководства мышлением и познанием. В практической логике Ивановский выделяет три направления: формальную, материальную и математическую. Кроме понимания логики в практическом смысле, её можно рассматривать и как теорию познания. Так, трансцендентальная логика Канта посвящена изучению априорных форм мышления.

Формальная логика была создана Аристотелем, это учение о готовом аргументе, теория о том как сделать ясным интеллектуальный процесс и выявить ошибки в нём. *Материальная логика* формировалась с развитием естественных наук. По определению, Ивановского, «это теория самого процесса мышления и познания». Её также называют индуктивной логикой, что не вполне точно, так как в действительности в ней оперируют так же и дедуктивным и аксиоматическим методами. *Математическая логика* считалась подотделом логики формальной, объясняющей мыслительные процессы при помощи математических символов.

В весьма сложной схеме классификации наук, приведенной во «Введении в философию», логика у Ивановского представлена в двух позициях¹. Во-первых, она входит в раздел наук практических, прикладных или нормативных (соответствуя блоку систематических, абстрактных наук – наукам о сознании). Во вторых, логика выносится как система практических навыков необходимых во всех научных дисциплинах в казуистику (указания и навыки для приложения общих правил к частным случаям).

Развивая в дальнейшем свою классификацию наук и анализируя основания для этой классификации, Ивановский использует идею о том, что в основании каждой группы наук лежит не только специфический предмет, требующий особых методов, но и особый способ рассуждений, своя логика. В зависимости от целей науки – теоретической либо практической, выделяют практические и теоретические науки. Причём, и те, и другие имеют дело с одним и тем же содержанием, а правила практических наук представляют собой комбинированные приложения законов теоретических наук. Существует внутреннее дифференцирование теоретических и практических наук. Поскольку изучаться может либо общее (общие понятия, группы сходных вещей и событий), либо частное (единичные представления и понятия, единичные предметы, однократные события), теоретические науки подразделяются на науки об общем и науки об индивидуальном. *Теоретические науки об общем*, или систематические науки, изучают свои объекты в системе, в группировке, в общих типах. Они вырабатывают разного рода общие положения, обобщения, единообразия. Логическая классификация наук указывает основные типы знания (в зависимости от его материала, методов и целей) и выявляет особенную структуру и методологию каждого типа. Науки также можно разделить по предмету и методам на математические, реально-математические и естественные науки, включающие как разновидности исторические, прикладные, технические и философские. Каждая из научных дисциплин входит в самостоятельную группу, базируясь на особой понятийно-категориальной системе сконструированного мира, требующего особых методов оперирования с его объектами.

Работа поддержана грантом РФФИ № 13-06-00005

А.А. АВЕРЬКОВА

¹ *Ивановский В.Н.* Введение в философию. Казань. 1907, с.14.

ОСОБЕННОСТИ КРИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНЫХ В ЕСТЕСТЕННО-НАУЧНЫХ И СОЦИО-ГУМАНИТАРНЫХ СООБЩЕСТВАХ¹.

Для проведения сравнения критической деятельности ученых из разных сообществ, необходимо классифицировать научные дисциплины. На наш взгляд целесообразно принять за основу следующую классификацию наук. К естественнонаучному блоку относятся физика, химия, биология и т.д. К формальным наукам следует отнести весь ряд математических дисциплин, информатику и логику. К социальным наукам: экономику, социологию, политологию. К гуманитарным: философию, историю, психологию, языкознание, культурологические и искусствоведческие дисциплины.

Критика базируется на нормах и идеалах принятых в том или ином сообществе и находится в непосредственной зависимости от специфики деятельности ученых. Для проведения сравнительного анализа критической деятельности ученых в естественно-научных и социо-гуманитарных сообществах требуется выделить ряд критериев, которые лягут в основу анализа.

Во-первых, необходимо выделить специфику изучаемого объекта и предмета как в естественнонаучном блоке, так и в социо-гуманитарном. Далее необходимо рассмотреть методологию исследуемых областей научного знания. Выделить критерии научности, нормы, стандарты и требования предъявляемые тем или иным сообществом к научному продукту. Необходимо отследить предмет критики, т.е. на что рецензент обращает внимание в первую очередь. Здесь может быть несколько вариантов: во-первых, концептуальная критика самого содержания представленной научной работы. Во-вторых, оценка используемой в работе для достижения определенного научного результата методологии. В-третьих, критика дискурсивных особенностей работы, стиля изложения и оформления результатов научного поиска. В-четвертых, в отдельные исторические периоды в отечественной традиции, работа проверялась на соответствие идеолого-политическому курсу государственной власти. Однако последний пункт является скорее аномалией, чем нормой для научного сообщества, оказывающей негативное влияние на развитие науки в целом.

Кроме того, представляется целесообразным проанализировать дискурс характерный для естественнонаучных и социо-гуманитарных со-

¹ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

обществ, оценить форму представления научного продукта и жанровые особенности критической деятельности.

В соответствии с перечисленными пунктами анализа мы сможем выявить общие и отличительные черты критической деятельности ученых в исследуемых научных сообществах.

Объектом исследования для естествознания является в первую очередь природа, тогда как для социальных и гуманитарных наук характерно изучение человека и общества. Исходя из объектов исследования и формируется специфика естествознания и социо-гуманитарного блока.

Специфика естественно-научного знания обусловлена объектом исследования и применяемыми методами. В эпистемологии принят ряд характеристик описывающих естественнонаучное знание: оно носит объективный характер, предмет познания типичен, знание имеет статус всеобщности.

В первую очередь, внимание критиков обращено к содержанию. Оценивается представленный результат научного поиска и соответствие его действительности, также то, насколько он «вписывается» в современную научную картину мира, соответствует традиции и представлениям научного сообщества. Затем анализируется и оценивается методология исследования, проверяется обоснованность и корректность используемых методов и приемов. И уже в последнюю очередь внимание критиков привлекает внешняя сторона представленной работы. Рецензенты оценивают качество изложения, аргументированность и систематизированность представленной работы.

Что же касается универсальной системы оценок, то на наш взгляд следует различать «официальную критику», исходящую от экспертов диссертационных советов, журналов, высшей аттестационной комиссии и т.д., и «неофициальную критику», исходящую от ученых-коллег. Критики-эксперты придерживаются следующей системы оценки научного продукта: оценивается соответствие содержания заявленной теме, новизна полученных результатов и используемых методов, актуальность темы исследования, теоретический вклад в ту или иную область научного знания, возможность практического применения полученных результатов. Как показывает анализ рецензий, критики-коллеги оценивают научный продукт, уже как правило прошедший официальную экспертизу перед публикацией, основываясь на идеалах и нормах научного исследования, в свободной форме, без каких-либо четких систем оценки. Следует выделить еще один, более узкий уровень критики. Речь идет об обсуждении как уже результатов научного исследования, так и проблем и трудностей возникших в процессе исследования. Такие обсуждения чаще

всего проводятся в рамках научных семинаров, личных беседах, на заседаниях «малых» коллективов (сотрудников кафедры, лаборатории). Этот уровень критики отличается узким кругом участников, нацеленностью на решение поставленной проблемы.

Идеалами научного творчества являются в первую очередь истинность, новизна и полезность получаемого знания. Г. Фоллмер полагает, что всё научное знание гипотетично и нет в абсолютном смысле доказуемых положений. Однако относительная доказательность имеет место в научном познании. Среди критериев научности Г.Фоллмер выделяет так называемые критерии внутренней и внешней «консистентности», т.е. непротиворечивости как внутри теории, так и ее соотнесенности с другими научными достижениями; проверяемость теории опытом; объясняющая и предсказательная сила теории. Примечательно, что такой критерий как простота, по мнению Г.Фоллмера не столь важен при оценке теорий.

Что касается методологии получения знания, то эмпирические методы предпочтительнее теоретических, а последнее, в свою очередь, ценится выше контекстуального обоснования. Соответственно объяснительные теории имеют гораздо больший вес в научном сообществе, чем описательные теории. Однако это утверждение справедливо не для всех современных исследований. С развитием науки, всё большие требования предъявляются к научному продукту. Выдвигаются требования эвристичности, информативности, полифундаментальности, непротиворечивости, простоты, полноты, когерентности (т.е. согласованности теории с существующей традицией, накопленным фундаментом), прагматичности, фальсифицируемости.

К формальным характеристикам научного текста относятся его структурные особенности – композиционная организация, стилистика речи, её лексико-фразеологические средства, а также соответствие выбранной формы изложения идей существующей в данной дисциплине традиции. В течение XX века установилась практика использования научного и научно-публицистического типов репрезентации результатов в качестве единственно приемлемых типов научного дискурса. Это в первую очередь связано с необходимостью скорейшего доведения результатов естественнонаучного исследования до представителей научного сообщества. Журнальные статьи и публикации докладов научных собраний выходят в течение 1,5 – 2 лет после выполненного исследования. Подтверждающие сообщения, обзоры периодики и обзоры научных собраний проводимых дисциплинарной ассоциацией ученых за какой-либо период времени выходят в течение 3-4 лет. Тематические сборни-

ки, монографические статьи, индивидуальные и коллективные монографии отражают результаты, полученные 5-7 лет назад. Учебники, учебные пособия, хрестоматии охватывают фундаментальные знания по дисциплине, и основываются на результатах, представленных в вышеназванных формах, поэтому они редко включают информацию, полученную менее, чем 7-10 лет назад.

Классификацию типов научных дискуссий предложил Б.М. Кедров¹, выделивший дискуссии в порядке усложнения. Во-первых, дискуссии на уточнение знания, где участвуют сторонники не завершённой гипотезы и её критики. Критика позволяет найти слабые места в новых, но ещё не достаточно разработанных и не уточнённых положениях и побуждает авторов и защитников этих положений устранить недостатки, развить гипотезу в подлинно научную теорию. Во-вторых, дискуссии, основанные на противоречии между общим и частным, законом и отдельным фактом, Здесь участвуют защитники общего закона и его противники, опирающиеся на отдельные факты как противоречащие этому закону и опровергающие его. В-третьих, дискуссии между провозвестниками новых идей и их противниками, отстаивающими привычные взгляды. В-четвертых, Дискуссии за подлинную научность против «лжеinovatorства». В-пятых, дискуссии за полноту и новизну знания. Спорящими сторонами в ней выступают защитники новых, более широких представлений и те, кто отвергает и отстаивает более узкие, ставшие классическими представления. В-шестых, дискуссия за одну из крайностей. Каждая из сторон защищает одну крайнюю позицию, отражающую абстрактно одну из сторон объекта в её полном противопоставлении другой стороне или при игнорировании последней.

В идеале естественнонаучный дискурс должен соответствовать принятым в сообществе нормам и стандартам. Научный продукт оценивается с точки зрения существующих критериев и идеалов научности. В первую очередь внимание критика направлено на концептуальную составляющую представленной публикации, на методологию исследования и на формальные критерии представления научного продукта сообществу. В таком случае, критика является конструктивной.

Несколько иначе дело обстоит в социо-гуманитарных сообществах. В первую очередь это обусловлено спецификой социо-гуманитарного знания. Объектом социо-гуманитарного исследования является человек и общество. Социально-гуманитарное знание раскрывает не только объ-

¹ Кедров Б.М. Объективная основа научных дискуссий// Роль дискуссии в развитии естествознания. М., 1986. С. 39-42

ективные закономерности общества и культуры, но и их субъективные формы проявления: интересы, цели, ценностные ориентации и т. д. В соответствии с этим здесь гораздо большее значение имеет и субъективная сторона самого познания.

Если естественные науки чаще всего имеют дело с эмпирическими фактами, явлениями и их свойствами, то социо-гуманитарные науки ориентируются на создание смыслов, понятий, образов, моделей и текстов.

Однако, здесь, на наш взгляд, необходимо произвести деление на гуманитарные и социальные науки. В таких науках как социология, экономика, политология и т.д. частично оправдана ориентация на естественнонаучные идеалы. В первую очередь, это связано с необходимостью применения экспериментальных и математических методов. Однако, по словам самих ученых, при использовании эмпирических методов нельзя исключать и ряда субъективных факторов. Например, в социологии невозможно провести эксперимент «в чистом виде», т.к. невозможно создать идеальные условия, невозможно повторить эксперимент без привязки к его участникам, историческому периоду, экономическим условиям и т.д.

Специфика гуманитарных наук заключается в познании объекта через текст. «Для эпистемологии текст, как первичная реальность и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины, концентрирует все особенности гуманитарного знания и познавательной деятельности – его коммуникативную, смыслополагающую, ценностную природу¹». По мнению, Л.А. Микешиной рефлексия является одной из главных когнитивных процедур в гуманитарном познании.

Говоря об универсальной системе оценки социо-гуманитарного продукта, следует отметить, что требования предъявляемые официальными научными организациями унифицированы. Это касается диссертационных исследований, публикаций в периодических изданиях и т.д. Предъявляемые к социо-гуманитарному продукту требования схожи с требованиями для естественнонаучных исследований. Однако, когда речь идет о неформальной критике со стороны представителей научного сообщества, коллег-ученых, то здесь не представлена в явном виде универсальная система оценок, основанная на идеалах научности.

Несмотря на тенденции сближения социо-гуманитарных наук и естествознания, на попытку «подогнать» социо-гуманитарное знание под идеалы и критерии естественнонаучного, первое сохраняет свою специ-

¹ Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007, с. 304

фику. Примером такого «подгона» может служить социальный позитивизм О. Конта и Э. Дюркгейма. «Символом веры «эмпирической социологии» стало убеждение в том, что все без исключения параметры социальной жизни поддаются калькуляции и цифровому учету, т.е. вполне исчерпываются количественными методами, если не в самой реальности, то уж, во всяком случае, на уровне теоретической модели¹». Представление о социо-гуманитарных науках изменилось в период «Антропологического переворота» в XX веке. В. Дильтей создает концепцию «Описательной психологии», основой которой становится интуитивистская герменевтика, а критерием истинности – понимание, основанное на личной интерпретации и со-переживании. Далее, «в неокантианском рационализме истинное знание предстает не как субъективная понятность, но как результат рациональной процедуры теоретической реконструкции с применением специфического метода наук о культуре²». Г. Риккерт предпринял попытку сочетания в методологии «наук о культуре» индивидуального и общезначимого. Г. Риккерт допускал возможность применения к социологии и экономике математических методов. Так же как и в естествознании, по его мнению, в ряде случаев мог применяться исторический метод. М. Вебер опираясь на понимание как основную познавательную процедуру гуманитарных наук, полагал, что «методология социальных наук должна создать теоретические средства реконструкции социально значимого смысла действия³». В феноменологической традиции истина социо-гуманитарного знания зависит от конвенционально принятых способов познания и интерпретации. Само же понятие истины представляется как модифицированная классическая концепция, т.е. соответствие научно-теоретического социального знания базисным структурам понимания жизненных миров⁴».

Итак, мы уже отмечали, что в естествознании идеалами научности являются истинность, новизна, полезность. Истинность является общенаучным идеалом, который не может быть игнорироваться в общественном знании. Однако, что из себя представляет истинное знание для гуманитария? Какие трудности возникают в оценке знания, в определении его истинности?

По нашему мнению корректнее будет заменить понятие «истина» на «достоверность» социо-гуманитарного знания. Специфика социо-

¹ Смирнова Н.М. Проблема истины в современном социальном познании // Понятие истины в социогуманитарном познании. М., 2008с. 97.

² Там же, с. 102

³ Там же, с. 106

⁴ Там же, с. 108

гуманитарного знания выражена в нескольких аспектах. Во-первых, индивидуализированный объект познания. Во-вторых, познание в большинстве случаев основано на текстуальных данных, которые в свою очередь, имеют субъективный характер. В-третьих, роль субъекта познания не ограничивается непосредственно добычей информации, фактов, исследователь интерпретирует, оценивает полученную информацию. В-четвертых, социо-гуманитарное знание исторично и не может быть оторвано от пространства и времени, от культурных, исторических, социальных, идеологических и др. конкретных, частных, субъективных факторов. Познание в социо-гуманитарных науках направлено не на объективную, а на субъективную реальность и всегда ценностно нагружено. В силу этого возникают трудности в определении истинности того или иного знания. К примеру в истории «Историк интересуется индивидуальными, неповторимыми фактами, поступками людей и результатами их социального поведения. Наряду с этим, предметом исторического исследования являются общие повторяющиеся во времени, типичные признаки длительных устойчивых во времени пространственно-временных тенденций, функционирующих как в рамках ограниченных локально-хронологических ареалов, так и образующих целые эпохи, цивилизации культуры. Однако и эти исследования осуществляются историком на основе изучения событийного выражения соответствующих тенденций, вычленения их типичных и индивидуальных проявлений¹». Истинность, а точнее достоверность в историческом знании определяется соответствием высказываний источникам (артефакты культуры прошлого, тексты прошлого и т.д.), а их достоверность обосновывается путем источникововедческого анализа.

Трудности социо-гуманитарного познания в вопросе определения истины обусловлены также разностью, плюралистичностью интерпретаций одних и тех же явлений, событий, источников и артефактов. Это в равной степени касается как социальных, так и гуманитарных наук, как имеющих в своем арсенале экспериментальные, эмпирические формы познания, так и науки чисто теоретические, основанные на понимании и интерпретации текстов. Различия в интерпретации обусловлены двумя аспектами: во-первых, это принадлежность ученого к определенной школе, имеющей свой подход, концепцию, с позиции которой рассматривается и интерпретируется то или иное общественное явление, текст или культурно-исторический артефакт. Во-вторых, в социо-гуманитарном

¹Хвостова К.В. Особенности истины и объективности в историческом знании//Вопросы философии, 2012. № 7, с. 28.

познании особую роль, в отличие от естествознания, играет ценностная компонента. Субъект в обществознании исследует и интерпретирует объект не в чистом виде, а в соответствии со своими ценностными установками, идеологическими, социальными, культурными и мировоззренческими потребностями.

Однако социо-гуманитарный продукт – это научный продукт. Но как же достигается объективность знания, его правдоподобие, стремление к истинности? Критерием научности в социо-гуманитарном знании принимается «глубина понимания». Показателем глубины понимания являются, во-первых, историзм, реалистичность оценки гуманитарного материала, во-вторых, эвристичность или на сколько эти оценки содействуют общему росту гуманитарного знания. Для обеспечения объективности и всеобщности социо-гуманитарного знания от исследователя требуется саморефлексия и критика как собственной исходной позиции, так и методов применяемых в процессе научного творчества. Необходимым условием для социо-гуманитарного знания является аргументированность, обоснованность смысла научных положений, высказываний и позиции исследователя, выбора методов изучения и интерпретации. Не менее важными являются требования системности и когерентности знания. Системность к примеру реализуется в интерпретации текстов, где необходимо учитывать текст, контекст и подтекст, или в исследовании общественных процессов, где необходимо всестороннее рассмотрение объекта, с учетом социальных, исторических, культурных, политических условий и предпосылок, а также мировоззренческих и идеологических установок, психологических особенностей. Требование когерентности знания подразумевает соотнесенность новых высказываний, положений с уже имеющимся научным базисом, вписанность теории в сложившиеся в научном сообществе представления о том или ином объекте.

Идеал новизны в социо-гуманитарном знании также трудно уловим. На наш взгляд более корректным и адекватным для обществознания является идеал оригинальности концепции. Оригинальность (а не новизна) социо-гуманитарного продукта проявляет себя в выборе ракурса исследования, в выявлении определенных аспектов уже известных объектов.

Идеал полезности в социо-гуманитарном знании также имеет неопределенный статус. Обществознание не приносит материальных плодов, удовлетворяющих потребностям производства. Однако социо-гуманитарные науки вносят немаловажный вклад в формирование мировоззренческих установок и ценностных ориентиров ученых, в осмысление научной деятельности и развитие научного прогресса, так и в рам-

ках социального, либо государственного заказа - в культуру, политические процессы, экономику и т.д.

Необходимо отметить особую роль философии. Философия, относясь к циклу гуманитарных наук, также занимает некоторое промежуточное отношение между естествознанием и социо-гуманитарным знанием, как бы объединяя два полюса.

В данный момент наиболее популярными способами репрезентации социо-гуманитарного знания являются монографии и статьи в периодических изданиях. Систему критериев оценки результатов исследования в социо-гуманитарном знании, в частности, в области философии, существенную в понимании членов философского сообщества можно структурировать, выделяя критерии, направленные на содержательную компоненту философского творчества (выявление репрезентативности философской концепции, оригинальности, качества аргументации, философской последовательности) и на формальную компоненту (композиционные особенности текста, стилистика речи, лексико-фразеологические средства или в целом эстетическое впечатление, соответствие принятой традиции изложения и оформления идей). Действие системы оценок зависит от развитости философского сообщества и осознанности этих критериев, то есть от этапа развития философии; от социального статуса оценивающих и их концептуальной позиции; от доминирующих в этой среде репутаций, авторитетов (от философской веры); от политики государства по отношению к философии и в целом от культурного контекста (религия и наука как господствующие формы мировоззрения формируют амбивалентные образцы знания и нормы).

Таким образом, несмотря на попытки современных ученых максимально приблизить социо-гуманитарное знание к естественнонаучному, экстраполировать идеалы и нормы научности естествознания на гуманитарные дисциплины, последние обладают определенной спецификой. В связи с этим критика в социо-гуманитарных сообществах носит специфический характер.

ЕРШОВА О.В.

О ПРИРОДЕ НАУЧНЫХ КОНВЕНЦИЙ

Формирование и принятие конвенций – это социальный и коммуникативный процесс достижения эпистемическим сообществом определенного консенсуса. С позиции исследователей эпистемологов суть конвенции состоит в том, чтобы иметь основания корреляции (взаимосвязи) концептуальных схем членов эпистемического сообщества, включающих

в себя условия доказуемости, истинности, уместности и т.д. [см. Лебедев, 1996, № 3]. Тем самым конвенции создают некую общую область intersубъективного соотношения, адекватности, верификации истин и тезисов. Если таковая область отсутствует, то, следовательно, члены общества отталкиваются от различных конвенций. Конвенции не всегда являются источником intersубъективной проверяемости, так как для этого необходимо не только нечто общее, но и должна быть возможность дальнейшего взаимного согласования концептуальных схем. В этом случае, чтобы приобщиться к конвенциям необходимы аргументы. «Конвенция создает условия взаимосвязи индивидуальных концептуальных схем, что означает координацию любых разногласий; с другой стороны, конвенция как таковая возможна лишь в результате подобной взаимной координации индивидуальных концептуальных схем. Поэтому процесс взаимной координации индивидуальных концептуальных схем находится в динамическом единстве корреляции с процессом порождения новых конвенций» [Лебедев, 1996, №3,]. Таким образом, функциональные границы конвенций находятся во взаимосвязи с intersубъективным согласованием полаганий.

Функционирование конвенции означает, что позиции участников коммуникации по отношению к предмету согласованы, так что они понимают друг друга и могут успешно взаимодействовать. Согласованным может быть представление или предложение, система представлений или система предложений. В случае, когда каждый из участников актуализирует свои предложения и в этой актуализации видно расхождение позиций, то это свидетельствует о расхождении межконвенционального характера. В этой ситуации возможно выработать новую конвенцию по поводу предмета или, по крайней мере, согласовать позиции, чтобы можно было вести диалог. Для участников согласование означает, что в их концептуальные схемы был внесен новый элемент. В целом достижение успешного или согласованного взаимодействия или коммуникации объясняется как становление конвенции [см. Лебедев, 1996, №3]. Становление и развитие конвенции имеет смысл в контексте intersубъективного взаимодействия, предполагающего согласование индивидуальных полаганий. Тем самым подчеркивается конвенциональный характер человеческого взаимодействия и коммуникации, интерпретируемый в терминах «согласования полаганий» и «концептуальных схем».

Социальная природа конвенций вскрывается М. Вебером в его «понимающей социологии». Различные виды соглашений присутствуют в базовых формах социального действия, в том числе и действий в познании. Для различных типов действия характерна смысловая ориентация

на ожидание определенного поведения других. Ожидание может быть основано на том, что действующий индивид приходит к соглашению с другими людьми, соблюдение которого он ожидает. «Договоренность» с другими людьми, по М. Веберу, лежит в основе ожидания от других (людей) субъективно осмысленного рационального поведения. Под этой договоренностью понимается некая рациональная конструкция (или идеальный тип) рационального действия в качестве ориентира поведения. На основе этой договоренности строится предпонимание, понимание другого, строятся проекции возможного действия. Достигнутая договоренность не обеспечивает полной реализации того в отношении чего достигнута договоренность, все это носит вероятностный характер. Это говорит о том, что некоторая часть субъектов действия будет ориентирована не на «компонент общностно ориентированного действия», а на субъективные автономные «правила». Но если субъекты действия не будут придерживаться в своих действиях общезначимого правила (договоренности), то это приведет к распаду данного объединения в обществе [см. Вебер, 1990, С.513]. Таким образом, по М. Веберу, эти установления являются системообразующими элементами для какого-либо сообщества, обеспечивающим взаимодействие субъектов.

М. Вебер вводит такие понятия как «молчаливо достигнутая договоренность», основанный на эксплицированной договоренности порядок, значимое согласие. Значимое согласие как чистый тип не содержит никаких установлений или специальной договоренности, это согласие является непреложной нормой. Например, дружба [см. Вебер, 1990, С.528]. По М. Веберу конвенциональность отличается от простого обычая, основанным на повторении привычных действий, согласием по поводу того, что является значимым, а, «от права - отсутствием аппарата принуждения» [Вебер, 1990, С.530].

Проблему конвенционального М. Вебер связывает с феноменом понимания или «рационального истолкования». Понимание достигается при решении мыслителем проблемы «нормативно правильным способом», который является реализацией «объективно значимого» [см. Вебер, 1990, С.591]. Но при этом М. Вебер подмечает, что очень часто понимание обусловлено не природой объекта (объективно значимым), а «конвенциональной привычкой» исследователя мыслить определенным образом. Под «конвенциональной привычкой» подразумеваются мышление посредством сложившихся стандартов, образцов, подходов к проблеме на основе негласного согласия с другими субъектами данного действия. Это обеспечивает им взаимопонимание и от каждого субъекта ожидается соответствующее стандарту поведение, действие. «Средством

понимающего объяснения является здесь не нормативная правильность, а, с одной стороны, конвенциональная привычка исследователя и педагога мыслить так, а не иначе: с другой - способность при необходимости, понимая, вчувствоваться в мышление, отклоняющееся от того, к которому он привык, и представляющееся ему поэтому нормативно «неправильным» [Вебер, 1990, С.591]. На конвенциональность определенного типа мышления, по М. Веберу, указывает то, что исследователю доступно понимание «правильного» и «неправильного» мышления, то есть «правильное» мышление предстает в форме некоего удобного, устоявшегося согласованного конструкта на основе которого происходит осмысление действительности (идентификация) [см. Вебер, 1990, С.591].

Индивид в своем поведении, по М. Веберу, может ориентироваться на несколько систем установлений, которые по принятому в них конвенциональному мышлению в смысловом отношении противоречат друг другу, но при этом сохраняют эмпирическую значимость [см. Вебер, 1990, С.513]. Одна из конвенций имеет официальный институционально признанный характер, а другая неофициальное (негласное) общественное признание. В отношении несоблюдения официальных норм-конвенций всегда может последовать санкция со стороны определенного института, а неофициальная в основном держится на личностных мировоззренческих представлениях, укорененных в общественных взглядах.

На социальную природу конвенций в своих исследованиях обращает внимание К. Поппер. Он вводит различие между естественными законами (законами природы) и нормативными законами или нормами (правила, которые запрещают или требуют определенного образа поведения). Отличие заключается в том, что законы природы неизменны, не могут быть нарушены или созданы, недоступны контролю со стороны человека, описывают жесткую неизменную регулярность. Нормы же как конвенциональные регулярности вводятся и изменяются человеком, обусловлены человеческим контролем, решениями и действиями, описывают ориентиры поведения человека [см. Поппер, 1992, С.92]. То есть нормы являются искусственными образованиями, результатом соглашения о них человека (субъекта деятельности). Трактовка К. Поппером конвенций как регулярностей сходна с позицией философа языка Д. Девидсоном, который интерпретирует конвенцию как «регулярность в действиях или убеждениях, причем включенными в эту регулярность должны быть минимум два человека» [Davidson, 1984, pp.13-17].

Важный аспект в понимании К. Поппером норм как конвенциональных регулярностей (образований) состоит в том, что нормы, будучи искусственными, не являются в тоже время «произвольными». Произвол в

отношении норм ограничивается «некой искусственностью» конвенциональной нормативной системы. Под искусственностью норм понимается «не то, что они были сознательно сконструированы, а то, что люди могут их оценивать и изменять, то есть нести за них моральную ответственность» [Поппер, 1992, С.100]. При этом моральная ответственность основана на сознательном принятии норм-конвенций, так как «...человек несет моральную ответственность: не за те нормы, которые он обнаруживает в обществе, только начиная размышлять над ними, а за нормы, которые он согласился соблюдать, когда у него были средства их изменения» [Поппер, 1992, С.95]. Нормы вводятся договором или решением соблюдать или изменять их. Сам по себе договор или соглашение предполагает, что все участники договора будут придерживаться этих норм, или соблюдать их, и, следовательно, они имеют право и вносить в них изменения, если они ограничивают творчество или приращение знания. Сам факт договора или решения соблюдать или изменять нормы, по К. Попперу, предполагает механизм моральной ответственности субъекта деятельности. Таким образом, аспект моральной ответственности субъекта за нормы является основополагающим для конвенций, в чем и выражается их социальность.

Социо-коммуникативная природа конвенций подмечается и в исследованиях Ю. Хабермаса. Ю. Хабермас, основываясь на социально-коммуникативном подходе, рассматривает общество как коммуникативное сообщество и проблему достижения консенсуса на основе понимания. Решение этих проблем Ю. Хабермас осуществляет в теории коммуникативного действия. Коммуникативное действие, по Ю. Хабермасу, это взаимодействие, в котором акторы согласуют и координируют планы своих действий, достигая определенного согласия. Это согласие измеряется intersubъективным признанием притязаний на значимость [см. Хабермас, 2006, с.91]. Согласно М. Соболевой, участник коммуникации, в концепции Ю. Хабермаса, ориентирован в своих речевых действиях на взаимопонимание, и, следовательно, заключение соглашения относительно предмета речи, при условии, что он приемлемым для других способом выдвигает три значимые претензии: на истину — для содержания пропозиции; на правильность — для норм, которые в данном контексте оправдывают устанавливаемые в перформативной части высказывания интерперсональные отношения; на правдивость — для выражаемых намерений [см. Соболева]. Смысл значимости этих претензий состоит в возможности их intersubъективного признания, на основе которого происходит заключение консенсуса, что является условием возможности коммуникации как таковой и целью коммуникативного дей-

ствия (в случае аргументации или дискурса) Ю. Хабермас пишет, что «Когда слушатель принимает речевой акт, соглашение [Einverstndnis] возникает, по крайней мере, между двумя действующими и говорящими субъектами. ... соглашение такого рода достигается одновременно на трех уровнях. ... Это относится к коммуникативному намерению говорящего, (а) он выполняет речевой акт, который является правильным в отношении данного нормативного контекста, таким образом, между ним и слушателем возникнет межсубъективное отношение и будет признано легитимным; (б), он делает истинное высказывание (или правильную экзистенциальную предпосылку), таким образом, слушатель будет принимать и разделять знания говорящего; и (с), он правдиво выражает свои убеждения, намерения, чувства, желания, и т.п., так, что слушатель будет верить тому, что сказано» [Habermas, p. 307-308]. Автор делает вывод, что межсубъективная общность коммуникативно-достигнутого соглашения существует на уровне нормативного согласия, общих пропозициональных знаний и взаимного доверия к субъективной искренности. При этом признание выдвигаемых значимых претензий означает, они удовлетворяют условиям адекватности, т.е. являются обоснованными в данном контексте речи. Обоснование протекает либо в форме апелляции к опыту или интуиции оппонента, либо в ходе аргументации. Аргументация рассматривается как механизм достижения консенсуса, а, следовательно, и соглашения, это означает возможность достижения рационально обоснованного соглашения о предмете.

Цель коммуникативного действия и аргументации, заключается в достижении соглашения относительно предмета коммуникации. Достигнутое соглашение можно охарактеризовать в терминах интерсубъективной общности понимания, разделяемого знания, взаимного доверия и согласия друг с другом по поводу действующих норм.

Таким образом, коммуникативно достигаемое соглашение, достигаемое на пути конструктивного рационального оправдания выдвигаемых утверждений, имеет коммуникативную природу. Коммуникация, как соглашение о предмете, может состояться только при достигнутом на уровне интерсубъективности взаимопонимании относительно определенного прагматического смысла речи. Конвенция является следствием социо-коммуникативного характера познания человека, что предполагает ее направленность на понимание и взаимопонимание субъектов познания и осуществлению эффективной коммуникации.

Список литературы:

1. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии//М. Вебер. Избранные произведения. М.:Прогресс.1990. Вебер М. Смысл свободы от оценки в социологической и экономической науке// М. Вебер.- Избранные произведения. М.: Прогресс.1990.
2. Лебедев М.В., Черняк А.З. Конвенция: опыт генетического анализа//Философские исследования. 1996. № 3.URL: <http://www.philosophy.ru/lebedev/texts/fbc. chtml> (дата обращения: 7.07.11)
3. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.I.: Чары Платона. М.: Феникс, 1992.
4. Поппер К. Чары Платона //Открытое общество и его враги. Т.I. /Под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
5. Поппер К. Открытое общество и враги. Т.II./ Под ред В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие/Ю. Хабермас. СПб.: Наука, 2006.
7. Habermas J. The theory of communicative action. vol. 1. Reason and the rationalization of society. Boston: Beacon Press, 1984. 562 p.- URL:<http://www. wehavephotoshop. com / PHILOSOPHY %20NOW/ PHILOSOPHY /Habermas /J% F Crgen %20Habermas, %20Theory% 20of%20communicative %20action% 20I.pdf> (дата обращения 9.09. 2011)

РАЗДЕЛ 3.

ТРАДИЦИЯ И ТРАНСЛЯЦИЯ ЗНАНИЯ

А.М. ДОРОЖКИН

КОММУНИКАЦИЯ ЖИВАЯ И ИСКУССТВЕННАЯ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Прежде чем обсуждать выбранную тему, поясним, что мы понимаем под живой и искусственной коммуникацией. Живой коммуникацией мы будем здесь называть прямой и непосредственный диалог учителя и ученика реализующийся в ходе обучения. Упрощенной и не во всех случаях оправданной формой живой коммуникации можно полагать монолог учителя для ученика. Наиболее распространенной формой такой коммуникации является лекция. Под искусственной коммуникацией мы будем полагать формы взаимодействия учителя и ученика не непосредственные, а с помощью раз-

личных средств, позволяющих опосредованно осуществить такое взаимодействие. При этом учитель и ученик могут быть разделены и расстоянием и временем. Наиболее распространенной формой такой коммуникации является чтение текстов, авторы которых либо совсем не известны ученику, либо отсутствуют при чтении.

Однако, такое довольно понятное толкование живой и искусственной коммуникации осложняются тем, что в литературе (по крайней мере, той, которая оказалась доступной нам в ходе рассмотрения данной темы), нет содержательного определения коммуникации. Если же пользоваться, так сказать, собирательным, то есть почерпнутым из целого ряда источников и дополненным собственной интерпретацией, косвенных и экспликативных определений этого понятия, то, отмеченные как наиболее распространенные формы коммуникации живой, а еще в большей мере искусственной, являются, по сути, не коммуникацией, а трансляцией знания. При этом, несмотря на то, что трансляция в целом считается конкретным типом коммуникации, между ними существуют весьма заметные различия. В основе процесса коммуникации лежит, так называемая обратная связь, в ходе которой постоянно осуществляется коррекция содержания информационных потоков, которыми обмениваются люди, участвующие в коммуникации. Коррекция реализуется чаще всего таким образом, что уход одной из сторон от их общего информационного поля тут же приводит в действие механизм этой обратной связи и для сохранения нормального режима коммуникации и происходит коррекция наличной информации сторон, в ходе которой исходное информационное поле восстанавливается в прежних границах. Хороший и более того – типичный пример коммуникации, понимаемой таким образом, это спор, - точнее, правильный спор. Уже давно разработаны правила спора, которые не позволяют изменять одной из сторон дискуссионного поля и правил выдвижения аргументов и контраргументов. Если кто-то из участников спора вводит в круг спорных вопросов новую информацию (чаще всего это новый вопрос), выходящую за заранее определенные границы, то его заставляют отказаться от этой внесенной в спор информации, ради сохранения чистоты и достоверности выводов. В отличие от коммуникации, в основе трансляции - передача информации, которая известна одной стороне и неизвестна другой. Именно поэтому коммуникацию считают синхронным средством общения, а трансляцию – диахронным. Попросту же говоря, коммуникация есть средство согласования деятельности *сотрудников*, а

трансляция - средство передачи информации от поколения к поколению, то есть *от учителя ученику*.

Если, учитывая такое весьма важное отличие, выделить трансляцию в качестве самостоятельного типа взаимоотношения, а не полагать ее частным случаем коммуникации, то необходимо считать, что основным средством обучения является трансляция, а не коммуникация. Действительно, обмен информацией и ее коррекция возможны лишь тогда, когда обе стороны общения ею владеют, причем, примерно в одинаковой мере, - это и позволяет считать взаимодействие этих сторон сотрудничеством. В случае же когда одна сторона не обладает информацией, - во всяком случае, в такой мере, чтобы «на равных» участвовать в сотрудничестве, возникает необходимость простой передачи этой информации и это есть трансляция. А ее передача есть не сотрудничество, а обучение.

Однако, и в такой ясной и простой схеме отличия сотрудничества и обучения далеко не все так уж ясно. Если говорить о коммуникации и сотрудничестве, то необходимо, по крайней мере, определить границы допустимых различий объемов информации у сотрудников. Дело в том, что если сотрудники будут наделены совершенно одинаковыми объемами информации, причем тождественность будет наблюдаться и в качестве и в количестве таковой, тогда нет необходимости и обмена. То есть если коммуникация и будет иметь место, то это будет бессодержательная, пустая коммуникация. Конечно, такую коммуникацию не совсем верно будет уподоблять «переливанием из пустого в порожнее», - в ходе такого обмена информация определенного типа все же появляется. Например, я сообщаю своему собеседнику информацию: «сейчас на улице идет дождь»; в ответ я получаю то же самое: «сейчас на улице идет дождь». Казалось бы, я получил то, что уже имел. Однако при таком обмене я получил информацию о том, что мой собеседник уже имел такие же знания, что и я. И это – новая для меня информация. И, тем не менее, это все же эрзац-коммуникация. На самом же деле, настоящая коммуникация как сотрудничество всегда есть обмен не тождественной, а в определенной мере различной информацией. В ходе такого обмена обе обменивающиеся стороны получают новую для себя информацию, не сводящуюся к сведению о том, что имеющаяся у меня информация есть и у моего сотрудника. То есть в ходе такой коммуникации происходит и трансляция определенных элементов информации. При этом могут быть случаи, когда трансляция будет осуществляться

лишь в одну сторону, и случаи, когда трансляция будет взаимной. А в таком случае становится непонятным как классифицировать такое взаимоотношение: коммуникация или трансляция? Согласно вышеприведенным определениям, если мы имеем дело с передачей информации от одного лица к другому, причем, такой информации, которая неизвестна этому другому лицу, - это трансляция. В то же время, мы наблюдаем и обратный поток информации такого же свойства. Нам, впрочем, остается возможность предположить, что коммуникация есть пара трансляций, - разнонаправленных трансляций. Но в таком случае, непонятно как можно говорить о коррекции исходной информации, которая (коррекция) является основной отличительной чертой коммуникации. Из этих довольно простых рассуждений следует, что коммуникация и трансляция, понимаемые, так как это приведено выше, довольно плохо уживаются друг с другом: или то, что мы называем коммуникацией, есть всего лишь два трансляционных потока, или трансляции, как самостоятельного и отличного от коммуникации вида общения, не существует. Однако этот вывод никак не вяжется с реальными процессами взаимодействия индивидов: ведь синхронное и диахронное взаимоотношение действительно имеют место, равно как и реальные сотрудничество, спор, обучение и другие виды общения, различающиеся между собой. И довольно приемлемым критерием их отличия явилось бы разделение их на трансляцию и коммуникацию. Более того, сделанный из полужурнальных соображений вывод о том, что образование есть не коммуникация, а трансляция информации, явно противоречит мнению на этот счет Сократа. Весь пафос его выступлений против софистической манеры обучения как раз направлен на доказательство того положения, что знание невозможно передать от учителя к ученику, ученик должен сам «родить» новое для себя знание. Созвучно с таким выводом и мнение крупнейшего отечественного ученого филолога А.Ф. Потебни, который отмечал, что знание не может быть передано, знанием можно только заразить. Наконец, если признать, что процесс обучения есть только процесс трансляции знания от учителя к ученику, и, следовательно, не содержит элементов спора или сотрудничества, то такая модель обучения не дает возможности осуществить интеллектуальный рост от поколения к поколению.

Действительно, если мы воспользуемся такой моделью образования, то объем знаний ученика не может превысить объема знаний учителя. Механизм трансляции не обеспечивает процесса при-

ращения совместного знания. Он обеспечивает лишь приращение знания ученика, причем строго в тех объемах, который был присущ учителю. При естественной смене поколений, тогда, когда объем знаний учителя исчезает вместе с ним, мы имеем простое воспроизведение этого же объема и не более. Напротив, при коммуникации, даже в эрзац ее форме, (то есть при обмене совершенно одинаковой информацией), как мы отмечали выше, приращение знания происходит, то есть появляется новая информация, не имеющаяся ранее ни у одной из сторон. Все это свидетельствует о том, что обучение ни в коей мере не должно представляться как простая трансляция знания, но есть именно коммуникация.

Процесс образования может проходить как в форме знакомства с книгой и при этом взаимодействие учителя и ученика носит диахронный характер, так и в процессе живого общения, когда взаимодействие синхронно. В последнем случае, правда, взаимодействие может быть различных типов. В форме лекции, как принято полагать, происходит лишь трансляция знания, на семинарском занятии должно реализоваться взаимодействие в ходе которого и осуществляется определенная коррекция исходной информации. Оставим, однако, анализ различий между результатами эффективности в освоении знаний на лекциях и семинарских занятиях на более позднее время и обсудим такие различия для случаев непосредственного взаимодействия учителя и ученика и, так сказать, через книгу.

На первый взгляд, в таком сравнении книжное образование явно проигрывает. Причем, даже в том случае, когда автор учебника сам читает лекции по той же дисциплине. Дело в том, что текст, - точнее, - его оформление, всегда обусловлено целым рядом дополнительных, по сравнению с живой лекцией, обстоятельств. Это - последовательность и обоснованность изложения; текст не допускает, например, такого обращения к аудитории: «я точно не помню где, но где-то я читал (видел по телевидению, слышал по радио), что...» Это, конечно, и не самый лучший лекторский прием, однако, мы им иногда грешим. В тексте невозможны логические разрывы в обсуждении такого либо вопроса. Разумеется, такие разрывы не украшают и лекцию, однако, довольно часто лектора пользуются и таким «приемом» ради удержания внимания аудитории. Иногда такие отступления от темы позволяют с успехом продолжить ее обсуждение. Кроме этого, для содержания учебника обязательным является то обстоятельство, что он пишется не только

для желающих обучиться, но и для рецензентов. Лекцию слушают студенты, не столь искушенные в тонкостях той или иной дисциплины, в существующих методах изложения того или иного положения или закона и т.п. А издатели и редакторы и прочие проверяющие предложенный автором к изданию учебник, наоборот, - искушены и весьма во всех перечисленных и не названных особенностях, - содержательных, формальных, методических и прочих. Автор не может не учитывать этого при подготовке материала к публикации, и как бы он ни старался приблизить текст к живой речи, определенную, скажем, осторожность в изложении он обязательно использует. Довольно легко обнаруживаются и другие признаки отличия между произносимой и написанной лекцией, однако, по нашему мнению и отмеченного достаточно для заключения о довольно значительном расхождении в содержаниях этих двух форм обучения.

Отметим еще одну интересную особенность. Человеку знающему общее содержание обсуждаемой темы (учебник может читать не только обучающийся, но и учитель), отмеченное выше расхождение не помеха для освоения материала. Ему часто достаточно лишь незначительного намёка в тексте для того, чтобы направить мысль в русло рассуждений, предлагаемых автором учебника. Иное дело - обучающийся, то есть тот, для кого получаемая информация является действительно новой. В таком случае мы можем заключить, что при прочтении текста учебника учителем (не автором учебника, а его коллегой) происходит определенная коррекция наличной информации знаний учителя. Коррекция, как мы отмечали ранее характеризует коммуникацию. А при прочтении книги обучающимся, совершенной не знакомым с ее содержанием, мы имеем трансляцию. Но ведь при прочтении книги учителем, то есть человеком, имеющим ужю определенные представления о предмете рассуждений, если и имеет место коррекция, то только для читателя. И это также как и для обучающегося, диахронное, а не синхронное общение. Следовательно, здесь мы также имеем дело с трансляцией, но не с коммуникацией.

Но в таком случае, получается, что если согласиться с мнением о том, что основной механизм образования есть не коммуникация, а трансляция, то не лекция, а учебник получает целый ряд дополнительных преимуществ по сравнению с «живой» лекцией. Расписание лекций, как известно, не учитывает ни желания ни настроения ни возможностей слушателя заниматься, то есть получать

ту или иную информацию. С книгой же обучающийся может «общаться» тогда, когда захочет, то есть выбрать более удобное для усвоения материала время. Конечно, нужно признать, что настроение почитать тот или иной учебник у школьника возникает чаще всего при подготовке к уроку да и то в том случае, если у него есть уверенность, что урок отвечать придется. А у студентов и того реже: соответствующее настроение появляется в сессию. Однако и в этом случае все же более удобным приемом усвоения знаний является учебник, а не беседа с преподавателем. Кроме этого, воспринимая информацию из учебника, обучающийся может, в определенной мере, быть уверен в качестве получаемой информации. Правда, сейчас распространена практика издания учебников без соответствующих министерских грифов и, к сожалению, не все они обладают надлежащим качеством. Однако, во-первых, и они все же проходят в обязательном порядке этап рецензирования, а во-вторых есть и учебники заказанные министерством. Разумеется, министерство при этом доверяет писать учебники не всем, но лишь лучшим ученым и преподавателям и оно несет при этом ответственность за качество издаваемого материала. При этом, с одной стороны, это обстоятельство должно быть отмечено как положительно характеризующее искусственную коммуникацию, - с другой же стороны, необходимо учитывать, что заказанный министерством учебник должен обладать большей долей универсализма, нежели живая лекция, предназначенная для конкретной аудитории.

Подводя некий промежуточный итог проведенным рассуждениям, мы должны сделать вывод о том, что практически ни в одном из видов приобретения знания, - то есть ни в процессе обучения, ни в процессах коррекции уже имеющегося знания, мы не сталкиваемся с коммуникацией, а имеем лишь трансляцию. Коммуникация в полном смысле этого слова будет иметь место лишь тогда, когда, допустим, двое коллег при личной встрече будут обмениваться мнениями по поводу известного им предмета, причем, известного обоим в достаточной и равной степени.

Однако, нельзя забывать о том, что основной целью образования является не простое приобретение знания, а умение это знание самостоятельно производить. И это как раз то, что требовал от образования Сократ. Предложенный им метод обучения - майевтика - был направлен не столько на приобретение знаний, - это было вторичным, - сколько на выработку умений знания производить. По форме майевтика представляла собой диалог сотрудников,

вначале имеющих различные объемы информации по обсуждаемой теме, но постепенно эти объемы уравнивались. Однако, с самого начала диалога между учителем и учеником строилось именно как отношение сотрудничества, а не обучения в традиционном, несократовском, понимании. Более того, такое сотрудничество предполагало не только обогащение информационного багажа ученика, но и по прошествии определенного времени общения, - обогащение объема информации учителя. Перспективная же цель такой манеры обучения видится в том, чтобы ученик превзошел своего учителя и в плане содержательном, и в плане методологическом. Совершенно ясно, что такой прием обучения не ограничивается трансляцией информации, - более того, - по Сократу это просто невозможно, а предполагает задействовать коммуникацию. В настоящих наиболее распространенных формах обучения, в определенной мере коммуникативный процесс, в рассмотренном выше понимании, реализуется только на семинарском занятии. Означает ли это, что на лекциях, а тем более при прочтении учебника, достигается лишь передача информации но никак не обучение навыкам самостоятельной ее выработки? Формально говоря – да. Однако, реальная практика заочного образования, самообразования показывают нам примеры того, как работа с учебником приводит к способности некоторых (к сожалению, лишь некоторых) учеников добиться способности к самостоятельному производству нового знания. Каковы же механизмы воздействия текста, способствующего возникновению таких навыков? Ответы на этот вопрос сегодня есть, но они довольно неопределенны. Так, разрабатывая концепцию неявного знания, М. Полани отмечает возможности существования невербальной информации и, следовательно, аналогичных путей ее распространения. Он же отмечает возможность передачи навыков изложения мысли не напрямую, то есть посредством обучению конкретным правилам построения, но, так сказать, через примеры такого изложения. В свою очередь, мы можем добавить, что стиль изложения какой-либо идеи, воспринятый, понятый пусть даже интуитивно, может привести к формированию и стиля мышления. Главное здесь, чтобы предлагаемый стиль изложения не стал бы отторгаться читателем. Мы склонны считать, что многое при этом зависит от непосредственных конкретных целей, поставленных перед читателем учебника. Если это цель - сдать экзамен, или того хуже - пройти тестирование, то и отношение к воспринимаемой информации будет соответствующее: необходимо запомнить содержание и не более

того. Манера изложения, манера мышления автора учебника при этом не воспринимаются вовсе. Они просто не нужны, более того, - такая информация, будучи лишней, отнимает внимание, время, просто мешает. Ведь не секрет, (и мы это уже отмечали выше), что специалист, допустим, преподаватель, читающий новый для него учебник, воспринимает его более полно. И это не только потому, что специалист уже знаком с содержательной частью учебника. Он освобожден от экзамена. На это, конечно может последовать возражение: каждая лекция, каждое семинарское занятие для преподавателя - это экзамен. С этим возражением нельзя согласиться. Дело в том, что на экзамене, поставленные перед экзаменуемым вопросы, определяются не им самим. Лектор же относительно свободен в таком выборе. Конечно, обсуждаемые им вопросы задаются темой, однако, преподавателя беспокоит не проблема усвоения содержания этой темы, а проблемы поиска наиболее эффективных путей изложения этого содержания. При этом настоящий преподаватель, по нашему мнению, буде озабочен также и проблемой формирования у своих учеников навыков не только усвоения материала, но и его производства. Собственно, для этого и нужна «живая» лекция и «живое» общение на семинарском занятии. Пока это наиболее эффективный путь коммуникации в образовании.

В.А. БАЖАНОВ, А.Г. КРАЕВА

КОНСТРУКЦИИ СИММЕТРИИ И ЛАБИРИНТА В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

КАК ФОРМА ЕГО ИНТЕГРАТИВНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ С НАУКОЙ

Из всех видов искусства музыкальное как наиболее философско-символическое существует посредством чистых категорий звуковых закономерностей, и прежде всего – структурных симметрий. Динамические симметрии на различных уровнях организации звука присущи музыке по природе и в наиболее «чистом», абстрагированном виде обусловлены колебаниями музыкальных звуков, то есть физическими свойствами гармонических колебаний, имеющих в основных своих параметрах точные и соразмерные числовые значения. Сама функция симметрии, состоящая в упорядочивании целого, воплощается в архитектонике музыкальных композиций. Неодинаковы лишь формы симметрии в произведениях разных эпох, которые, наряду с другими аспектами, определяют

их стилистические регулятивы. Поэтому великие музыканты, по известному выражению западноевропейского композитора XX века П. Хиндемита, обладают «высокоразвитым чувством пропорции», а нередко и выдающимся математическим интеллектом (например, И.С. Бах, В.А. Моцарт).

Ярким примером этого являются стили, где символически значимы сами звуковые конструкции, а не образные ассоциации, например, каноны полифонии строгого стиля эпохи Средневековья. Правила многоголосной полифонии, с XVI в. ставшие общеевропейскими, являются совершеннейшей «игрой» симметрий в разномасштабных пропорциональных сопряжениях. Система изобразительных (практически бесконечных) контрапунктических сочетаний имитаций и инверсий основных мотивов представляет собой, в сущности, преобразования геометрической плоскостной трансляционной симметрии подобия. При этом объективный универсальный смысл симметричных преобразований полифонической композиции обнаруживает закономерную аналогию с открытой современной наукой «композицией» СРТ-симметрии мира (теорема Людерса-Паули, интерпретированная Ландау). В ней инверсионные отношения в сопоставлении мира и антимира, элементарных частиц и античастиц, их зеркальные обращения, обратные заряды и обратно направленные процессы, подобны комплексу инверсий и симметрий полифонической музыки.

Предположения о вероятном качественном значении числовых отношений, заключенных в природе звука, дают основания проводить аналогии, несомненно, рискованные, но весьма любопытные. И. Кеплер, обратившись к музыкальной теории при написании «Гармонии мира» в 1618 г., не интересовался эмпирическим восприятием звука, но, осмыслив музыкальный интервал как геометр, обнаружил, что гармоническими пропорциями консонансных интервалов, с помощью циркуля и линейки можно конструировать полигоны. Тогда же он заметил постоянное число 5 в пропорциях секст и терций: $3/5$, $5/8$, $4/5$, $5/6$ – связал их через пентагон, который, со времен Евклида строился пропорцией золотого сечения, и заключил, что в этих интервалах содержится идея продолжения создания, жизни, рода и т.д. В третьей книге того же труда, которая названа «Происхождение гармонических пропорций, а также природа и различия музыкальных интервалов», ученый обнаружил различные гармонические пропорции, подобные музыкальным, в угловых скоростях – поворотных точках траекторий планет, обуславливающих эллиптическую форму орбит, - их разные «музыкальные тона».

В познании волновых свойств микромира де Бройлю помогла аку-

стическая аналогия – закон колебаний и модель звучащей струны, свернутой в кольцо. Уравнение колеблющейся струны сходно с уравнением Э. Шрёдингера, определяющим внутриатомную волновую функцию электронов. А в конкретном решении уравнения Э. Шрёдингера для атома водорода волновая функция нумеруется целым числом, соответствующим целому числу узлов при колебании звучащей струны, то есть числу гармоник ее основного тона. Оно оказалось главным квантовым числом, которым нумеруются орбиты электронов в модели атома Н. Бора. Статистическая интерпретация волновой функции в исследованиях М. Борна представляет собой волны в квантовых объектах как волны вероятности – процесса вероятности «распределения частиц», абсолютно точно пульсирующего на уровне микромира, силы которого подчиняются особым, строгим законам квантовой механики. Тот же закон «волн вероятности» демонстрирует своим распространением и звук как физическое явление механических волн на структурном макроуровне.

Таким образом, природные закономерности звучания музыкального звука – натуральный акустический ряд гармоник и деление звукового диапазона на консонансные гармонические интервалы кварты-квинты или октавы (периоды звуковысотной симметрии, образуемые первыми сильнейшими тремя гармониками, причем кварты-квинты ближе к диапазону человеческой речи) соответствует спектрам и частотам электромагнитного излучения. Таким образом, структура акустического ряда, собранная и упорядоченная в музыкальном звукоряде по законам симметрии, наглядно – клавиатура рояля – служит основой для создания бесконечного числа форм и конструкций разного уровня в музыке подобна симметрии единообразной энергетической структурной основы, образующей качественное многообразие систем существования материи разного уровня.

Искусство XX века явилось адекватным ответом на переход культуры, тесно связанной с естественнонаучными открытиями, к культуре электронных коммуникаций, в основе которых лежат системы взаимодействия знаковых средств. Любое произведение искусства, в том числе и музыкальное, рассматривается как носитель информации, которая закодирована с помощью языковых средств, отражающих специфику конкретного вида искусства. Тенденция к информационной изоляции – шифровке смысла, не лежащего на поверхности, - в XX веке проявляется во всех видах искусства: музыке, живописи, поэзии, литературе.

Инновационность художественной культуры XX века во многом обусловлена демонстративным отказом от канонической системы мышления в культуре, благодаря чему художники получили исключительное право

на эксперимент. Если классическая музыка базировалась на тональном мышлении и существовала в мире, организованном по законам строгой упорядоченности, то современная музыка характеризуется индивидуализацией всех языковых средств – мелодии, гармонии, ритма, тембра, динамики, фактуры. Это порождает неограниченные возможности выбора информационного кода.

Повышенное внимание к формально-логической компоненте творчества обусловлено господством в современном искусстве таких художественных принципов и приемов как инверсия - принцип переворачивания, «перелицовывания», иронии, утверждающей плюралистичность мира и человека, знаковый характер, отказ от мимесиса и изобразительного начала, разрушение знаковой системы как обозначения торжества хаоса в реальности, поверхностного характера, отсутствие психологической и символической глубины. Поэтому метод самодовлеющего выявления концептуальных моделей художественного мышления часто приводит к прямолинейной изобразительности.

В целом, в современной классической музыке можно выделить два типа звуковысотных кодов – рациональные и эмоциональные. Первые характеризуются соблюдением принципов симметрии. Для них характерна заданность, повторность приемов, вплоть до математизации. Вторые строятся по принципу самодовлеющей изменчивости, иногда - спонтанности и представляют собой лабиринтообразную структуру.

Рациональные коды XX века базируются, как правило, на вариационности, которую отличает аналитический тип мышления. Эксперименты, в основе которых лежит принцип преобразования правил, находят наиболее яркое воплощение в серийной технике написания музыкальных произведений композиторов нововенской школы А. Шёнберга, А. Берга и М. Веберна. При этом в основе композиции лежит «серия» - количественно фиксированный набор звуков, на конструктивных преобразованиях с которой строится все музыкальное произведение. При этом каждый музыкальный элемент может качественно преобразовываться не только путем простых переносов, отражений или вращений, но видоизменяться комбинированно, что связано с изменениями основного конструкта не только по высотной оси – в композиционном пространстве, но и по временной путем переноса в другую систему координат.

Ко второй группе эмоциональных кодов можно отнести коды сонорной музыки или алеаторики, основанные на акцентировании «эмоционального времени». Его главное свойство – континуальность, и, в силу постоянного свертывания-развертывания горизонтали и вертикали, в нем акцентируется лабиринтообразная структура. Здесь ярко выразилось

стремление к расширению диапазона применимых в музыке звучаний. При этом происходит замена способности искусства «выражать» на «просто быть» пятнами краски или чистыми звуками, лишенными всякого символического значения. Начиная со второй половины XX в. происходит распад музыкального произведения как замкнутого целого, происходит концентрация на звуковом музыкальном мгновении. Метод его фиксации становится гораздо существеннее концептуального единства композиции. Превалирует электронная и «конкретная» музыка, связанная с записью различных «звуков действительности» и многообразным их видоизменением вплоть до полной их неузнаваемости, а также новые приемы игры на традиционных инструментах и новые способы вокального звукоизвлечения – выкрики, шепот, звукоподражание, использование фортепиано в качестве щипкового инструмента, а струнных – в качестве ударных. Ярким примером этого искусства может быть пьеса для нескольких радио «Воображаемый пейзаж # 4» Дж. Кейджа или пьеса «Горящий рояль» А. Локквуд, в которой имитируется звук лопающихся струн рояля, для чего они натягиваются как можно туже. Если прежняя гармоническая структура музыки опиралась на рациональность, свойственную последовательному ряду эпох и стилей, то современная звукоорганизация – это бесконечный лабиринт, отражающий тип современного мышления – изменчивого и непостоянного.

Л. Витгенштейн очень метко определяет облик современного художественного языка как старинный город, представляющий собой лабиринт маленьких улочек и площадей, старых и новых домов, с пристройками в стиле разных эпох. И все это – в окружении множества районов с прямыми улицами регулярной планировки и стандартными домами.

Исследование механизма функционирования конструкций симметрии и лабиринта в области музыкальной культуры вносит вклад в эпистемологическое осмысление процессов, фундирующих художественную культуру, а также обеспечивает дальнейшее расширение сферы эпистемологии областью искусства в его интегративных взаимосвязях с наукой.

** Исследование выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., Соглашение №14.B37.21.0516.*

И.Г. КАЛАНТАРЯН

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ: ВАРИАТИВНОСТЬ ДЕФИНИЦИЙ

В современных отечественных социально-философских исследованиях феномен национальной идеи подвергся многостороннему, но не

вполне продуктивному анализу, всё ещё стоит проблема содержательной неопределённости понятия, обусловленная, в частности, вариативностью использования таких понятий как «нация» и «национализм». Концептуальная разрозненность последних приводит к пролиферации исследовательских подходов и к дефиниции «национальной идеи».

По мнению М. Хроха, «каждый автор, занимающийся национальной тематикой, должен сначала сказать что он понимает под нацией...»¹, как следствие, в процессе анализа теоретических построений какого-либо автора, исследующего феномен национальной идеи, в процессе конструирования ею картины социального мира целесообразно отталкиваться от используемой в контексте его рассуждений дефиниции нации.

Отметим, что, начиная с XIX века, в науке сложилось две концепции нации - гражданско-политическая и этнокультурная. Первая оформилась во Франции под действием либеральной идеологии, посредством которой утверждались принципы формирования гражданского общества. Вторая, восходящая к И. Гердеру и немецким романтикам XIX века, сформировалась в Германии, на тот момент раздробленной на экономически независимые друг от друга княжества и конфессионально неомогенной (разделенной на преимущественно протестантский юг и католический север). Она выступила консервативной реакцией на влияние французского просвещения, а так же имперские амбиции Наполеона, оккупацию и эксплуатацию немецких земель французами. В рамках этнокультурной концепции нации особый акцент делается на культурном наследии, в гражданско-политической – на политических принципах, лежащих в основе консолидации граждан.

Применительно к национальной идее, данные трактовки приводят либо к редукции национального к этническому и акценту на интересах конкретной этнической группы. Либо к интерпретации понятия «нация» в качестве гражданской категории, тем самым делается акцент на интересах всех граждан, проживающих в рамках данного политического образования, вне зависимости от их этнической принадлежности. Исходя из этого, национальная идея, в данном контексте, выступает в качестве синонима государственной идеологии.

Сведение национализма исключительно к экстремистским проявлениям нетерпимого шовинистического сознания, превалирующее в отече-

¹ Цит. по Белову, М.В. Формирование национальной идеологии: постановка проблемы. – С. 34. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990194_West_istor_2003_1\(2\)/B_2.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990194_West_istor_2003_1(2)/B_2.pdf) (Дата обращения: 07.07.2012).

ственных исследованиях, приводит, в частности, к трактовке национальной идеи, рассматриваемой в качестве теоретической базы националистических выступлений, как высшей степени проявления национального эгоизма.

Однако отсутствие строгой архитектоники и однозначного толкования основополагающих понятий является не единственной проблемой. Идеологическая предзаданность исследований, а также публицистический характер их изложения приводит к констатации отсутствия, за редким исключением, последовательных работ, посвященных целостному анализу национальной идеи. Превалирует исследование лишь частных случаев её проявления.

В рамках наиболее часто встречающихся дефиниций «национальной идеи» она выступает в качестве государственной идеологии, под которой «понимается базовая общественная идея, принимаемая всеми слоями социума, проявляющаяся в открытой или латентной форме во всех сферах социального функционирования».¹ Которая должна быть закреплена в государственных актах и распространяться посредством интенсивной идеологической политики, осуществляемой посредством СМИ и образовательных учреждений.

Из этого следует необходимость введения «правового понятия гражданской нации, как категории, выравнивающей все права и свободы гражданина»², вне зависимости от его этнической или конфессиональной принадлежности. В данном контексте «национальная идея» и «государственная идеология» сливаются в единое целое. Лежащая в основе национальной идеи концепция нации, тем самым, сводится к существованию гражданской нации, как её носителю, этнический компонент оказывается малосущественным.

Другая трактовка национальной идеи, но уже в качестве основы государственной идеологии, существенно отличается от предыдущей, ввиду несколько иного смысла, вкладываемого в понятие «нация». Данный подход, предполагает необходимость разграничения таких понятий как «национальная идея» и «государственная идеология». Первая трактуется в сугубо этнических категориях, сливаясь в единое целое с мессианской идеей мистического предназначения народа, вторая – предстает в форме «политических, юридических, социальных и экономических принципов, на которых основывается государство, где проживает дан-

¹ Якунин, В.И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход// Власть. № 3, 2007, С.4.

² Там же, С.7.

ный народ».¹ Как отмечает С. Фомин, не так важна форма государственного устройства, как её способность создать условия для исполнения миссии нации, поставленной перед ней божественным проведением. Тем самым национальная идея должна выступить в качестве основы государственной идеологии, фундаментом же для неё может стать лишь религия, в России в качестве таковой выступает православие. Автор предупреждает нацию от потери своей религиозной идентичности, в частности, вследствие религиозного плюрализма на Западе национальная идея претерпела существенные трансформации, выступив в качестве «обмирщенной народности», т.е. извращенной формы этнического национализма. В странах, с существенной долей проживания иммигрантов, как, например, в США, существует лишь государственная идея. Следует отметить, что в данном контексте национальная идея рассматривается излишне однобоко, принимая лишь мессианские очертания.

Так же распространенным является представление рассматриваемого нами феномена в качестве «устойчивого мифа национального самосознания». По мнению О.Д. Волкогоновой, национальная идея выступает как «средством первоначальной консолидации нации для преодоления кризисных процессов, с другой стороны – симптом болезни и ложным исходом из неё, направляющим поиски преодоления кризисных ситуаций в неэффективное русло национализма и изоляционизма...».²

Вышесказанное следует из узкого понимания феномена национализма, претерпевающего редукцию к шовинизму и ксенофобии. Рассматривая русскую идею в качестве разновидности национальной идеи, О.Д. Волкогонова представляет последнюю в форме этноцентрического самодовольства и самодовольства. По её мнению, необходимо избавиться от претенциозности и понять, что «дальнейшее движение возможно или как преодоление «русской идеи», т.е. перевод её в чисто этнокультурологические термины, в «наследство», ... или как движение назад – к национальной мифологии».³ При этом отказ от подобного заблуждения, тянущего страну в бездну изоляции, не может, по её мнению, нанести вред национальной культуре.

Следует отметить, что призывая к здоровому патриотизму и предполагая необходимость сведения «русской идеи» к этнокультурологической категории, анахронизму, который должен быть искоренен из политического и научного дискурса, О.Д. Волкогонова все же остаётся в про-

¹ *Фомин, С.О* русской национальной идее [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://stvaju.chat.ru/fomin.htm> (Дата обращения: 07.07.2012).

² *Волкогонова, О.Д.* Есть ли будущее у русской идеи? // Мир России. 2000, №2, С. 34.

³ *Там же*, С. 50.

странстве национальной идеи, поднимая проблематику, остающуюся прерогативой последней. Национальная идея в устах отечественных философов, не всегда тяготела к ксенофобии и изоляционизму. Трудно обвинить В. С. Соловьева или Н.А. Бердяева, в работах которых русская идея получила последовательное философское осмысление, в подобных пороках. А тяготение О.Д. Волкогоновой к умеренному западничеству, видя «историческую задачу страны в «догоняющей модернизации», хотя и «с обязательным учетом национальной специфики»¹ все также сохраняет её рассуждения в области компетенции русской идеи.

Следует отметить, что русская идея не во всех исследованиях рассматривается в качестве разновидности национальной идеи. В частности, в шеститомной научной монографии, в рамках которой отечественные исследователи разработали алгоритм возрождения России, присутствует так же разделение русской идеи, как сугубо мессианской, и национальной, базирующейся на представлениях о возможности построения гражданской нации. «Национальная идея – отмечают авторы, - обращена во внутрь страны, заботясь о её устройстве и благополучии, это внутренняя государственная идеология, идеологическое ядро, выступающее регулятором всех форм общественной жизни, а русская идея - заботится о внешних контактах и по своей сути ориентирована на мировое сообщество, это идея мессианская».² Первая не является этнической по своей природе, она не указывает на доминантное положение русского народа как государствообразующего, «это идея российскости, устойчивости русской (российской) цивилизации».³

В дальнейшем, авторы пытаются в принципе отойти от применения понятия «нация», вводя альтернативную категорию «народонаселения», как совокупности граждан России, без учета их этнической принадлежности. А использование понятия «национальной идеи» в рамках собственного исследования объясняют лишь его повсеместным распространением.

Совершенно иной точке зрения придерживается В.В. Кожин, который видит в национальной идее лишь проявление национального эгоизма. Русские никогда не имели склонность к национальной кичливости, их устремления всегда были направлены вовне с заботой о человечестве, граничащей с жертвенностью. «Русский народ никогда не двигался в русле национальной идеи в отличие от англичан, немцев, французов,

¹ Волкогонова, О.Д. Есть ли будущее у русской идеи? // Мир России. 2000, №2. С. 51.

² Национальная идея России. В 6 т. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2012, С. 16.

³ Там же, С. 27.

японцев или китайцев. Многочисленные разговоры о национальной идее — плод невежества, и на них, собственно, нет смысла ориентироваться. «России для русских» быть не может, - утверждает В.В. Кожин, - не должно...».¹ Таким образом, в контексте рассуждений В.В. Кожина, национальная идея есть лишь проявление национального эгоизма, в России, этой евразийской державе, подобных устремлений быть не может.

Из вышесказанного следует, что понятие «национальная идея», вбирающее в себя всю совокупность экзистенциальных проблем, с которыми сталкивается нация и альтернативных вариантов их решения, обладает неискоренимой способностью приспособления к любому социальному проекту. Вопрос состоит лишь в том, что понимается под «нацией», каковы её границы и в чем заключается национальный интерес. А в дальнейшем, берутся на вооружение уже существующие идеологические конструкты, которые преломляясь через национальную призму, становятся органическими элементами национальной идеологии. При этом национальная идея может вступать в союз с различными теориями, квазинаучными установками и идеями, в зависимости от тех задач, которые ставятся перед ней её создателями. Её невозможно свести исключительно к мессианизму, этноцентризму, империализму, хотя они все могут стать её составными элементами. Таким образом, национальная идея выступает как гибкая, склонная к мимикрии идеология, способная вместить любой социально-политический проект, преломлённый через национальную призму, в случае, если он отвечает интересам нации.

О.В. МЯСОУТОВ
**ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

Коренные изменения, наблюдающиеся во всех сферах общественно-политической жизни современной России на протяжении последних двадцати лет, влекут за собой все большую активизацию политической жизни общества. Изменяется способ бытия социальности, что связано с технологическими, аксиологическими и институциональными переменами. Все это приводит к формированию общества нового типа – инфор-

¹ *Кожин, В.В.* У России нет, и не может быть национальной идеи. Интервью Вадима Кожина «Российскому аналитическому обозрению» (1998, №7) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.patriotica.ru/religion/kozhinov_idea.html (Дата обращения: 07.07.2012).

мационного. Важной частью процесса трансформации становится политическое сознание.

Общество как объективно-субъективная реальность не может существовать без сознания. Под сознанием понимают способность идеального отражения окружающей действительности, превращения объективного содержания предмета в субъективное содержание духовной жизни человека. Сознание – это «...высший уровень психической активности человека как социального существа. Своеобразие этой активности заключается в том, что отражение реальности в форме чувственных и умственных образов предвосхищает практические действия человека, придавая им целенаправленный характер»¹.

В рамках заявленной темы следует выделить объект нашего исследования – политическое сознание. Оно выступает в качестве совокупности ментальных явлений, в которых субъект выражает свое восприятие мира политического.

При написании статьи мы поставили цель – исследовать специфику политического сознания через его зависимость от моделей мира, которые в свою очередь лежат в основе различных методологических традиций.

Основной задачей является исследование социально-философской методологии раскрытия сущности политического сознания как формы общественного сознания.

В данной статье политическое сознание исследуется с позиций концепции, основывающейся на признании существования двух моделей мира: «универсалистской» и «космической»². По мнению Н.М. Чуринова, при «универсалистской» модели мира мир предстает перед нами «как некий универсум, т.е. как нечто машинообразное, позволяющее переориентировать мир на пользу человеку», что «позволяет нацелить работу «мировой машины» на удовлетворение индивидуумом, социальным объектом своих эгоистических потребностей», а «космическая» модель мира «раскрывает мир как космос, как некоторую совокупность совершенств, благодаря которой человек предстает как его (мира) желанное дитя. При этом человеку позволена игра со своей матерью-природой, приемлемые пределы баловства. И задача познания состоит в том, чтобы разобраться в правилах этой игры и понять допустимые пределы, так сказать, широту размаха практики преобразований»³.

¹ Новейший философский словарь. М.: Книжный Дом, 2003. С. 622.

² Чуринов Н.М. Два проекта науки и их модели мира. // Информационная реальность и цивилизация. Сборник научных трудов. Вып. 2, Красноярск, 1998. С. 10-38.

³ Там же. С. 11-12.

Универсалистская и космическая модели мира лежат в основе двух систем теоретизирования: метафизической и диалектической. Метафизическая система основывается на представлении метафизики в качестве метода познания «отвлеченной, представленной свободными объектами неизменной основы мира»¹.

Зарождение метафизической системы имело место в философии софистов. Согласно ей постижение окружающей действительности осуществляется с помощью свободной воли и возможности перестраивать мир в соответствии с потребностями человека.

Философы давно обратили внимание, что человек с помощью органов чувств воспринимает лишь единичные вещи, тогда как в речи и мышлении большую роль играют общие понятия (универсалии). В западной философской традиции в ходе дискуссии о смысле и значении понятий общего и отдельного образовались две методологические традиции: номинализм и реализм.

В соответствии с номиналистской методологической традицией мир политический понимается в качестве суммы единичных сущностей, которые могут быть только описаны. Согласно номиналистской традиции реально существует лишь отдельное, любая вещь единична. Философия номинализма была разработана в трудах таких мыслителей, как Ж. Бурдиган, Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм. Традиция номинализма получила свое дальнейшее развитие в таком современном философском течении как, неонинализм, которое является теоретическим продолжением номиналистской методологической традиции.

Неониналисты продолжают традицию метафизической методологии и возводят принцип свободы в основу теоретизирования. В соответствии с этим принципом, исследователь познает истину не как образ действительности, а как «продукт» исследовательской свободы. Таким образом, неониналисты продолжают теоретическую линию античных софистов.

Неонинализм раскрывает политическое сознание как стихийное формирование представлений об окружающей политической действительности. Субъект занимает в данном процессе пассивное положение. Политическое сознание констатирует факты, различает те или иные феномены окружающей политической действительности.

Философия номинализма является методологической основой либерального типа политического сознания. Теоретической основой либе-

¹ Чуринов Н.М. Совершенство и свобода: философские очерки / Н.М. Чуринов. 2-е изд. доп. Красноярск: Изд-во СИБУП, 2003. С. 48.

рального типа политического сознания является философия неонеоминимализма.

Либеральное политическое сознание строится вокруг признания самоценности индивидуальной свободы. Принцип свободы раскрывается в идее первичности индивида по отношению к обществу и природе. Индивид понимается как свободная сущность, которая обладает подлинным бытием. Только подлинная сущность (индивид) может обладать свободой. Принцип свободы помещается в основание бытия. Дж. Уолдрон пишет: «...В политике либералы выступают за свободу мысли, слова, ассоциаций и за гражданские права вообще. В сфере частной жизни они ратуют за свободу вероисповедания, свободу образа жизни, свободу секса, брака, употребления наркотиков»¹. В соответствии с либерально-неонеоминималистским принципом свободы индивида, человек, как «подлинная сущность», противостоит «неподлинной» сущности – обществу.

Австрийский мыслитель Л. фон Мизес подразделяет либеральный тип политического сознания на два подтипа - «экономически либеральный» и «социал-либеральный»².

Для «экономически либерального» политического сознания равенство ценно постольку, поскольку оно выступает условием действительного существования свободы, понятой, прежде всего, как свобода собственности. И только такое равенство определяется в качестве либерального.

Равенство для «социал-либерального» политического сознания – не просто условие осуществления свободы. Ценность его состоит в том, что оно способствует расширению объема и обогащению содержания свободы. Если свобода действительна как свобода равных, то расширение сфер и увеличение оснований равенства людей есть в то же время рост сфер и оснований свободы.

В соответствии с реалистской методологической традицией наиболее значимыми являются универсалии, т.к. единичные вещи вторичны и производятся от общих понятий. Таким образом, мир политический отражается в политическом сознании в виде универсалий. Философия реализма нашла свое отражение в работах Фомы Аквинского, Роджера Бэкона, Ансельма Кентерберийского и др. Теоретическим продолжением реалистской философии является философия неореализма. В неореализме политическое сознание оперирует вечными понятиями, под которые тенденциозно подгоняется окружающая политическая действительность.

¹ Уолдрон Дж. Теоретические основания либерализма: пер. с англ. // Современный либерализм / Полз и др. М., 1998. С. 111.

² Mises L., von. Liberalism in the Classical Tradition. N.Y., 1985. P. 19.

Философия реализма является методологической основой консервативного типа политического сознания. Теоретической основой консервативного типа политического сознания является философия неореализма.

Консервативное политическое сознание строится вокруг принципа неизблемости традиционных устоев общественной жизни и противостоит радикальному обновлению и новациям. Содержание консервативного политического сознания распространяется от правого радикализма до либерального реформизма, что дает повод определить консервативное политическое сознание в качестве не цельного и не однородного. Б. Гудвин пишет: «Консерватизм – это своеобразный идеологический хамелеон, поскольку его облик зависит от природы его врага»¹.

В западной социально-философской мысли сложилась практика отождествления консервативного политического сознания с коллективистским. В рамках метафизической системы теоретизирования такое отождествление имеет обоснованность, поскольку теория познания имеет вероятностный характер знания. В рамках диалектической системы теоретизирования данное отождествление необоснованно. Оно предполагает эклектическое смешение проблематики исследования различных типов социальности (коллективистского и индивидуалистического).

Опираясь на учение Н.М. Чуринова, можно отметить, что политическое сознание в метафизической системе теоретизирования раскрывает мир политический как машину, функционирование которой направлено в основном на удовлетворение потребностей общества.

Параллельно метафизической системе теоретизирования прорабатывалась диалектическая система. Она нашла свое отражение в трудах древнерусских религиозных мыслителей, положивших в основу своих трудов наследие византийских мыслителей. В контексте данной системы можно представить политическое сознание в качестве отражения мира политического, исходя из отношения сущности и ее существования, которое в свою очередь опосредовано всеобщей связью. Основным принципом в познании становится принцип совершенства. Эта традиция была позже воспринята и проработана в трудах русских мыслителей XVIII века, а позднее – в работах славянофилов.

В советский период данная система опиралась на принципы теории отражения. Отражение представляет собой воспроизведение сущности сознанием в виде системы идеальных образов. Образ как продукт созна-

¹ Современный консерватизм / отв. ред. С.П. Перегудов, В.А. Скороходов. М.: Наука, 1992. С. 70.

ния согласно диалектической системе теоретизирования выступает в качестве отражения окружающей действительности. При этом образ подчиняется не собственным законам, независимым от внешнего мира, а законам, отражающим законы окружающей действительности.

Диалектическая традиция является методологической основой космического (коллективистского) типа политического сознания, поскольку базируется на космической модели мира.

Ю. Пермяков характеризует понятие «космос» как противопоставление хаосу. «Космос предполагает некий Порядок, Гармонию, по причине чего нечто стало существовать и не рассыпается»¹.

Опираясь на учение Н.М. Чуринова, можно отметить, что политическое сознание в диалектической системе теоретизирования раскрывает мир политический в терминах совершенства общественных отношений, которое обеспечивают разнообразные социальные нормы.

Аристотель писал: «Законченным, или совершенным (teleion) называется (1) то, вне чего нельзя найти хотя бы одну его часть...; (2) то, что по достоинству и ценности не может быть превзойдено в своей области; ... (3) законченным называется то, что достигло хорошего конца;...»².

Принцип совершенства космического (коллективистского) политического сознания означает, что нет ни одной лишней детали, которая могла бы дополнить объект, и в то же время нет ни одной детали, существующей вне его.

На современном этапе исследование политического сознания в рамках альтернативных систем теоретизирования отличается высоким уровнем его актуализации, т.к. постановка исследования в таком контексте основывается на многовековом опыте формирования философских традиций. В рамках нашего исследования можно выделить две основные традиции в интерпретации политического сознания, которые в свою очередь соответствуют двум моделям мира («универсалистской» и «космической») и двум системам теоретизирования (метафизической и диалектической): западная традиция и отечественная традиция.

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, политическое сознание изучается в рамках двух основных систем теоретического освоения мира (метафизической и диалектической). Таким образом в процессе своего развития оно приобретает соответствующие контексты. Во-вторых, в основе метафизической и диалектической систем теоретизирования лежат различные модели мира (уни-

¹ Пермяков Ю. Лекции по философии права. Самара: Самарский университет, 1995. С. 28.

² Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.1. М.: Мысль, 1981. С. 169.

версалистская и космическая). В-третьих, различные методологические традиции являются основой конкретных типов политического сознания. В-четвертых, политическое сознание в метафизической системе теоретизирования, основывается на принципе свободы. В-пятых, политическое сознание в диалектической системе теоретизирования, основывается на принципе совершенства общественных отношений.

И.М. ЛЕБЕДЯНЦЕВ

ПЕРЦЕПЦИЯ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И НАУЧНОЙ МЫСЛИ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В истории европейской мысли 4-5 века – время, когда христианство стало официальной религией, изменив навсегда духовный облик Римской державы, - стоят особняком. Это и конец античности, и начало новой религиозной эры, и вместе с тем отдельная, самобытная, ни на что не похожая эпоха. У многих исследователей из-за этого возникает желание «нацепить» на эти столетия клише «водораздела мысли», видеть в каждом значительном творении тех лет отправную точку, первый шаг, краеугольный камень какого-нибудь феномена зарождавшейся средневековой культуры. Подобная ситуация сложилась и в освещении раннехристианской философии и науки, и, в частности, вопроса о появлении новых, специфических, характерных уже только для Средневековья, форм изложения научного материала.

Начиная с Ренессанса среди исследователей древней философии неоднократно делались попытки поставить границу между средневековой и античной интеллектуальными культурами. Такой подход, безусловно, имеет под собой значительное основание. Христианская метафизика кардинально отличалась от античной: во-первых, представлением о Боге (идея трансцендентности Бога миру), во-вторых, своей космогонией (*creatio ex nihilo*). Этика и духовные идеалы первых христиан стояли на более высоком уровне, чем греко-римские. И, конечно, различие мировоззренческих оснований не могло не породить изменений и в форме научного знания. Однако никакого существенного разрыва между языческой и христианской наукой не существовало. Раннесредневековые ученые никогда не считали свои изыскания чем-то новым, идущим вразрез с древней традицией. Наоборот, и в гуманитарном, и в естественнонаучном знании средневековые ученые следовали античным образцам, которые сохраняли свое значение и авторитет на протяжении целого тысячелетия.

Распространенный в Новое время миф о том, что средневековым ученым и философам были не известны труды древних авторов, справедлив лишь отчасти. На латинском Западе действительно в 6-7 веках произошла потеря значительной части античного интеллектуального наследия, но не вследствие фанатичного уничтожения книг христианами, как это часто пытаются представить, а по объективным политическим причинам. Великое переселение народов Италии коснулось намного больше, чем Балкан. Непрерывающаяся череда нашествий и смена завоевателей просто уничтожили все значительные очаги культуры в Западной Европе. Но в восточной половине империи научное знание античности сохранялось и приумножалось на протяжении всего существования Византии. Уже в 425 году христианским императором Феодосием II был открыт в Константинополе первый в истории университет. Причем со светским набором изучаемых дисциплин. Кроме того, этим же правителем было основано училище каллиграфии, в котором занимались переписыванием древних рукописей.¹ Это отнюдь не значит, что наука в течение этого времени не развивалась, но развитие ее проходило в системе координат, выработанных в Древнем мире, а взгляд на космос и его устройство был обусловлен натурфилософскими парадигмами греческих и римских мыслителей. Необходимо признать, что творчество всех раннехристианских авторов должно рассматриваться (в плане, естественно художественных особенностей, а не духовного содержания) в контексте позднеантичной литературной традиции. То же относится и к области философского знания. Например, как и вся позднеантичная мысль, Великие Каппадокийцы, по замечанию Карташева,² активно использовали заимствования из Плотина. Того же взгляда придерживается В.М. Лурье. По его утверждению, в Византии на протяжении всей ее истории, античная философия соседствовала с христианской.³ То есть, уже выйдя из-под влияния древних мудрецов, византийская наука, генерируя новые формы философского изложения, никогда «не сбрасывала с пьедестала» античное духовное наследие, и никакого переворота или «резкой смены курса» философствования никогда в Восточной Империи не происходило. А разрыв между античной и раннехристианской наукой нужно признать надуманным.

¹ О Феодосии и его деятельности см. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Становление. М.:2011, с.181-210.

² *Карташев А.В.* Вселенские соборы. М.: 1994, с.114-115.

³ *Лурье В.М.* История византийской философии. СПб.: 2006, с.11.

Интересна в этом отношении знаменитая работа Арнальдо Момильяно «Языческая и христианская историографии в четвертом веке»¹. Согласно его представлениям, христианская мысль, сменившая после Миланского эдикта тактику обороны (апологии первых веков) на нападение, генерировала новые литературные жанры, направленные против язычества и культуры античного гуманизма. При таком жестком натиске на традиционные ценности паганизма, в позднеантичной интеллектуальной среде, как реакция на агрессию со стороны, появляются антихристианские сочинения, выдержанные, впрочем, в довольно мягких, по сравнению с настроением оппонентов, тонах. Аммиан Марцелин, Либаний и другие поклонники Юлиана Отступника, только тихие и смиренные интеллигенты, робко и чрезвычайно деликатно защищающие свою веру от безумных фанатиков. Отмечая, что труды крупнейших православных авторов IV в. (Лактанций, Евсевий, Афанасий) написаны по большей части ранее работ Марцелина, Евнапия и *Historiae Augustae*, Момильяно категорично утверждает: «Христиане нападают. Язычники защищаются»² (и это после трех веков кровавых гонений!!!).

Ряд авторов, рассматриваемых итальянским специалистом, открывает философ Лактанций. Лактанция, на наш взгляд, не правильно называть историком, как это сейчас делается. Он был ритором, философом, апологетом, но только не историком. Судьба его творческого наследия интересна и во многих отношениях показательна. Труды Лактанция в девятнадцатом веке были «взяты в оборот» исторической наукой, после чего исследованием его творчества занимались, по большей части, историки. При всем при этом, ни одного исторического сочинения Лактанций не написал. *De mortibus persecutorum*, которое многие называют чуть ли не первой христианской историей, является классическим примером антиязыческой апологии. В этом произведении Лактанций продолжает развивать линию Мелитона Сардийского, характерную для многих древних апологетов. Главной целью его сочинения было не создание историософской концепции, а, по словам Г.Г. Майорова, оправдание христианства «в глазах еще привязанной к античным ценностям римской интеллигенции»³. Это один из тех писателей, творчество кото-

¹ Momigliano A. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D. // The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century/ Ed. A. Momigliano.- London, 1963.

² Ibid, p.80.

³ Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. М.:1979, с.133. Интересно, что подобная же ситуация сложилась с Иеронимом Стридонским. Значение Иеронима для католической церкви привело к включению его в число самых значимых запад-

рых, согласно Момильяно, повлекло за собой как антитезис появление ряда поздних языческих работ, в том числе *Historiae Augustae*. Апологетический трактат Лактанция вряд ли может претендовать на оригинальность. Во-первых, жанрово. Как отмечает В.М. Тюленев: «Если уж искать литературных предшественников Лактанция-историка, то это никак не создатели хроник, а, скорее, языческие авторы исторических сочинений поздней античности... Лактанций, ставя в центр внимания судьбы императоров, оказался в рамках той традиции, наиболее яркое отражение которой мы встретим в творчестве писателей *Historiae Augustae*»¹(!!!). Во-вторых, идейно: Лактанций в этом произведении выступает «продолжателем философских поисков христианских апологетов II – III веков»².

Следующий автор в рассмотрении Момильяно - Афанасий Великий. «Жизнь Антония Великого» - безусловно, является первым агиографическим творением, положившим начало одного из основных жанров средневековой литературы. Но создана была Афанасием не новая «оболочка», не жанр, но лишь вложено христианское содержание в античное литературное наследие. Доксографические *bioi* поздней империи были чрезвычайно распространены и без Афанасия. Только это были жизнеописания не святых, а, как они называются в святоотеческой литературе, «внешних» философов. И «Жизнь софистов» Евнапия является продолжением этой традиции, а не ответом на творение александрийского епископа. Непосредственными предшественниками Евнапия (кстати, весьма нетерпимыми к христианству) были Порфирий и Ямвлих. «Жизнь Пифагора» Порфирия изобилует чудесами (за что Момильяно так критикует Афанасия). У Пифагора золотое бедро, он одновременно присутствует в нескольких местах, или отрезвляет игрой на флейте. Еще больше чудесного мы видим в одноименной работе Ямвлиха. В этот список можно добавить и сказания о чудесах и свершениях Аполлония Тианского и Гермеса Трисмегиста, также созданные до написания «Жития Антония». И эта тенденция обожествления древних схолархов свойственна всей античной философской мысли. Известный петербургский исследователь древней науки Л.Я. Жмудь, доказывая, что устройство пифагорейской общины носило характер гетерия, а не фиаса, и несло скорее светскую направленность, проводит мысль о позднем происхождении

ных богословов. Хотя блаженный Иероним никогда ни философией, ни теологией не занимался.

¹ Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. СПб.: 2005, с.42.

² Там же, с.8.

мифов о чудесах Пифагора.¹ Он связывает это с характером неоплатонических школ, которые являлись по сути своей сектами религиозного характера, со свойственной подобным организациям тенденцией к мифологизированию. Все ранние свидетельства, такие как трактат Аристотеля «О пифагорейцах» утеряны. Платон упоминает Пифагора лишь единожды. Поэтому в исследовании пифагорейской общины нам приходится опираться по большей части на сообщения авторов 3-6 вв. А неопифагорейские и неоплатонические общины того времени (наши главные источники о древнем пифагореизме) походили более на религиозные секты, а не философские школы, и теургии здесь уделялось не меньше внимания, чем научным поискам. «Если неоплатоник трактует Платона, его работа вполне сопоставима с экзегетическими трудами какого-нибудь современного ему христианского богослова, толкующего Библию. Оба имеют дело с «Писанием». Каждое слово Платона берется интерпретатором как непогрешимое откровение, подлежащее не критике, но благоговейному истолкованию».² В Древней Греции Гомер и поэты архаики пользовались непререкаемым духовно-нравственным авторитетом, так что их тексты, действительно можно назвать богословскими.³ И.М. Тронский прямо говорит, что гомеровские поэмы «сделались своего рода «библией» греков».⁴ Нельзя, конечно, проводить прямых параллелей между эпическими поэмами и Книгой книг, поскольку в Греции не было, по сути, жреческого сословия и, как следствие, столь сильной как в монотеизме традиции сакрализации священных текстов, но воспитательная и культуuroобразующая роли их сопоставимы, на что и делает акцент Тронский. Даже такой явный и страстный ненавистник христианства как Я.Буркхард, оправдывавший кровавые гонения Диоклетиана, вынужден признать, что «школа, называвшая себя именем Платона, скатилась до

¹ Жмудь Л.Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб, 1994, с.81-141.

² Аверинцев С.С. Неоплатонизм перед лицом платоновской критики мифопоэтического мышления. // Платон и его эпоха. - М.: 1974, с.89. О религиозном характере позднеантичной философии пишут многие авторы. Например знаменитый исследователь римского платонизма Пьер Адо указывает, что «в конце античной эпохи философия – это прежде всего «образ жизни». Можно сказать, что к философии приобщаются, как к религии, и это полностью меняет жизнь. Философ – скорее духовный наставник, чем учитель». Адо П. Плотин, или простота взгляда. М.: 1991, с.83-84.

³ Ю.А. Шичалин отмечает, «что словом теология Платон и Аристотель называют сочинение соответствующих (а именно, «эпических», то есть гексаметрических) текстов: установившийся характер такого словоупотребления очевиден, поскольку мы сталкиваемся с ним не в специальных рассуждениях, а по ходу дела». Шичалин Ю.А. История античного платонизма. - М.: 2000, с. 45.

⁴ Тронский И.М. История античной литературы. Москва, 1983, с. 60.

уровня коснейшего из суеверий и кое-где совершенно выродилась в магию и теодицею».¹ Однако обо всех чудесах Пифагора сообщают Секст Эмпирик и Диоген Лаэртский, которые жили до появления неоплатонизма и далеки от его крайностей и религиозных переживаний. Скептик Секст критикует как небывалые подвиги самосского мудреца (например, отрезвление музыкой). Диоген, также не чуждый пирронизма, склоняющийся даже к эпикурейству, приводит подробные описания свершений Пифагора, ссылаясь на более ранних доксографов. Таким образом, традиция обожествления схолархов началась задолго до деятельности неоплатонических школ. Начало этой традиции явилось, возможно, обратной стороной евгемеризма и нового отношения к мифу. «Уже Эмпедокл и Анаксимандр,- превращали, по словам А.И. Зайцева,- олимпийское семейство богов в аллегорическое изображение мироздания и миропорядка»². Иное, демифологизированное сознание искало объяснения гомеровских сюжетов в практике реальной жизни («Священная история» Евгемера) с одной стороны, и символических толкованиях (традиция, идущая от Платона) с другой. «Развенчание» культа героя и поиск его земных корней приводил к феномену обожествления реальных исторических лиц. Не случайно, что одним из таких персонажей стал наряду с Пифагором и Эмпедокл, бывший среди первых, как уже отмечалось, толкователей древних легенд. Ранний эллинизм, несмотря на интенсивную религиозную жизнь (теокрасис) с его, в общем и целом, «александрийским» окрасом не был благоприятной почвой для развития идей обожения схолархов. Основные школы того времени: Ликей с его частнонаучными интересами, гедонистический эпикуреизм, Древняя Стоя, хотя выросшая из кинизма, но тяготеющая к физике и гносеологии – явно не располагали к подобному прочтению историко-философского материала. Академия, после первых преемников Платона (Ксенократ, Спевсип) еще более, чем при жизни основателя, склонявшаяся к пифагореизму, при Карнеаде и Аркесилае была близка к скептицизму, а при последующих схолархах, таких как Филон из Ларисы и Антиох Асколонский – к эклектике, тоже не питала в эти века особой предрасположенности к мистификациям. Но в поздней античности, с ее религиозными исканиями, эта особенность досократовой, по большей части италийской, философии проявилась с необычайной силой. Еще до неоплатонизма, в I - III веках по Р.Х., мы наблюдаем появление ряда легендарных житий пифагорейских учителей (Гермес Трисмегист, Аполлоний Тианский). В выставивших

¹ Буркхард Я. Век Константина Великого. М.:2003, с.186.

² Зайцев А.И. Греческая религия и мифология. СПб.: 2004, с.22.

после издания «Эннеад», как грибы после дождя, неоплатонических сектах эта тенденция получила свое развитие. И если в предшествующие два столетия обожению подвергались только полулегендарные личности или древние мыслители, то теперь, наряду с Платоном и Пифагором, в центре почитания оказывается реальный основатель школы. Порфирий в конце «Жизни Плотина» приводит стихи оракула, в которых его учителю отводится после смерти место,

Где обретает приют Платонова сила святая

И Пифагор в своей красоте ...

(Жизнь Плотина, 22, пер. М.Л. Гаспарова)

Таким же «богоподобным» изображен и Прокл у Марина. Он общается со своим умершим учителем Сирианом (27), а иногда и с богами (30). Подобные рассказы встречаются на протяжении всей поздней античности. В последнем памятнике языческого мысли (Анонимные пролегомены к платоновской философии - VII в) древний учитель уже напрямую причисляется к роду богов (1,6).

Если ты почитаешь Платона, который дорогу

К мудрости людям открыл, тебе наградою будет

Милость богов, ибо к сонму бессмертных Платон соприсчислен.

Из этого явственно следует, что «житийная» традиция существовала в древнегреческой литературе задолго до Афанасия; он лишь наполнил ветхие меха античного жанра молодым вином евангельского учения, прорвав его устаревшие рамки и создав предпосылку для появления новых художественных форм.

Но более всего в литературных новаторствах Момильяно упрекает Евсевия Памфила. Евсевий, по словам И.Л. Кривушина, совершил в своем творчестве «трансформацию европейской мысли»¹, но трансформация эта была скорее внутренняя, чем внешняя. Выделяя «ключевые моменты человеческой истории» он создал «напряженную связь времен».² Но если обратиться непосредственно к форме письма, то все окажется не столь очевидным. Евсевий ввел в сферу исследования новую область – жизнь церкви, как Филострат – жизнь искусства, но сами принципы и шаблоны деэписания остались теми же.

Вся «*Historia ecclesiastica*» (далее - *HE*) Памфила представляет собой типичное, с точки зрения формы, творение древнегреческой науки о прошлом. Уже само заявление автора о новизне труда и причинах, по-

¹ Кривушин И.Л. Ранневизантийская церковная историография. СПб.: 1998, с.57.

² Ващева И.Ю. Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Н.Н.:2000, с.12.

служивших поводом к созданию книги, является частью традиционной для античной литературы формы начала повествования. Такие типичные места можно найти у многих древних авторов, начиная с Геродота и Фукидида. Претенциозное начало «*HE*» составлено в традициях античной прозы. «Но мне уже прощение более испрашивает самая причина,- пишет Евсевий,- нежели обещание сходно есть с нашими силами; ибо ныне мы первые, входя в доказательство, яко по никем проходимом пути идти начинаем: то моим Бога путеводителя, и от Господа нашего Иисуса Христа просим всесильной помощи, понеже мы ниже голых следов тех людей, которые или по том же пути, найти не можем» (*HE*, I- 1: 1). Сама по себе претензия на первенство, на право называться первопроходцем, чужда христианской средневековой литературе. В повествовании средневековых авторов, наоборот, находятся, как правило, отступления совсем иного характера. Писатель в координатах этой литературной эпохи, должен дать самоуничижительную характеристику, как своей персоны, так и сочинительских способностей. Заявления о личном вкладе, взгляде, новизне присущи историкам эллинским. Со времен Геродота подобные пассажи стали правилом для всех служителей Клио, как скрипичный ключ в начале нотного стана. Вот как начинает свой труд сам «отец истории». «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом»¹. Это короткое и ничем особенно не примечательное введение положило начало «авторской» историографии. Французский исследователь Ф. Артог писал, что «греки стали первооткрывателями не столько истории, сколько историка»². Геродот, в отличие от, по большей части анонимных, ближневосточных хронистов, обозначает свое личностное присутствие, вводя в исследование прошлого фигуру исследователя. В своем вступлении Геродот обозначает три позиции, используемые и развиваемые впоследствии практически всеми представителями науки о прошлом в началах своих трудов:

¹ *Hdt. 1,1,0*. Пер. Г.А. Стратоновского. В оригинале этот фрагмент еще не отмечен таким ярким личностным присутствием автора. Геродот говорит о себе пока только в родительном падеже, ставя на первое место не исследователя, а исследование. Herodotu Hallicarnesseos histories apodexis ede. Лучше содержание этого высказывания отражено в английском переводе Годли. «This is the display of the inquiry of Herodotus of [Halicarnassus](#)». Herodotus, with an English translation by A. D. Godley. Cambridge. Harvard University Press. 1920.

² Артог Ф. Первые историки в Греции: Историчность и история. ВДИ, 1999, № 1, с. 178.

1. указывает на свое авторство;
2. вкратце характеризует основную тему (столкновения греков и варваров);
3. говорит о причинах, побудивших его к написанию труда.¹

Фукидид отводит вступительной части уже намного больше внимания. Начинается его «История пелопонесской войны» подобно Геродотовой: «Фукидид афинянин написал историю войны между пелопонессцами и афинянами, как они вели ее друг против друга». Но в отличие от своего предшественника, Фукидид делает особый акцент на важности предмета рассмотрения, вводя в обиход всей последующей научной литературы такую неотъемлемую для любого исследователя (будь он профессор или первокурсник) характеристику, как актуальность темы. «Приступил он к труду своему,- продолжает Фукидид,- тотчас с момента возникновения войны в той уверенности, что война эта будет войною важною и самую достопримечательною из всех предшествовавших... Действительно, война эта вызвала величайшее движение среди эллинов и некоторой части варваров, да и, можно сказать, среди огромного большинства всех народов»(I. 1. 1-2).

Подчеркивание важности выбранной темы и / или роли и качеств автора стало типично и для римских авторов. Но на страницах классической латинской прозы времен поздней республики и принципата (то есть в эпоху высшего ее расцвета) краткие, хотя «точные» и «сочные» пассажи первых историков Греции, превращались в целые мировоззренческие трактаты. Так, например, было у Саллюстия (О заговоре Катилины, I, 1-13), где сподвижник Цезаря исследует причины возвышения Рима; у Тита Ливия в многочисленных рассуждениях о преимуществах республиканского строя. Актуализация темы все более драматизируется, принимает трагические тона. Теперь автор должен не просто рассказать о том, сколь важны описываемые им события, но представить их во всем цвете, показать в первых же строках своего опуса значительность и беспреце-

¹ Нужно подчеркнуть, что в науке еще с 19 века стоит вопрос о характере труда Геродота и его писательской манере. Некоторые полагали, что труд «отца истории» состоит из не связанных друг с другом логосов (повествований, рассказов), которые в последствии были умело скомпилированы в одно произведение. Другие считают, что целостность творения Геродота не подлежит сомнению, и тема, означенная во вступлении, была руководящим фактором для галикарнасского историка, еще до начала написания первых книг. Обзор мнений и литературы по этому вопросу см.: Строгоцкий В.М. Становление исторической мысли в древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Ч.1: Геродот.- Нижний Новгород, 2010, с. 114-120.

дентность свершений эпохи. Замечательна в этом отношении «История» Тацита. Тацит начинает характеристику описываемых веков, как времени, когда «великие таланты перевелись. Правду стали всячески искажать..., до мнения потомства не стало дела ни хулителям, ни льстецам» (I, 1). Про свои принципы Тацит говорит: «Если говорить обо мне, то от Гальбы, Отона, и Вителлия я не видел ни хорошего, ни дурного. Не буду отрицать, что начало моему восхождению по пути почестей положил Веспасиан...; но тому, кто решил непоколебимо держаться истины, следует вести повествование, не поддаваясь любви и не зная ненависти» (I, 1). Еще один типичный момент античной историографии - заявление о беспристрастности и независимости автора. В творчестве Евсевия этот момент также присутствует (в «Жизни Константина»). Рассказав об упадке нравственном, в следующем пассаже Тацит в ярких красках описывает политические бури, происходившие после свержения Нерона. «Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих битвами, смутами и распрями, о временах свирепых даже в мирную пору. Четыре принцепса заколоты; три войны гражданских, множество внешних и еще больше таких, что были одновременно и гражданскими и внешними... Все вменяется в преступление: знатность, богатство, почетные должности, которые человек занимал или от которых отказался, наградой добродетели - неминуемая гибель... У кого нет врагов, того губят друзья» (I, 2).

Подобные писательские штампы мы встречаем и на закате древней традиции. Вот фрагмент труда ранневизантийского светского писателя Прокопия Кесарийского, написанного во второй половине шестого столетия. «Не с целью выставить на показ все свои достоинства... я теперь приступил к составлению данной истории... Но не раз приходило мне на ум, виновницей скольких больших благ бывает история для государств... Поэтому для нас нужно заботиться об одном, чтобы совершенно очевидно было то, что совершено и кем из людей оно совершено» (О постройках. I. 1-3). Мы видим, что вступительная часть трактата Прокопия содержит три, ставшие со времен Геродота необходимыми, части: обозначение авторского присутствия, отмечавшееся Ф. Артогом, указание цели и причины написания труда.

Вполне естественно, что эта черта греческого письма повторялась и у авторов эпохи возрождения. Макиавелли начинает свои «Рассуждения о четвертой декаде Тита Ливия» следующими словами: «По завистливости человеческой природы открытие систем и истин было всегда также опасно, как открытия новых вод и земель, потому что люди более склонны порицать, чем хвалить, чужие поступки. Однако, побуждаемый

тем естественным влечением, которое я всегда чувствовал, делать все, что я считаю способствующим общему благу, не обращая внимания ни на какие посторонние соображения, я решился пойти по пути, не посещавшемуся до меня ни кем»¹. Здесь и общая с Тацитом критика присущего большинству ханжества, и подчеркивание своих личных достоинств, и обычное для древних писателей, в том числе и для Евсевия, указание на новизну и оригинальность работы.

Таким образом, нельзя согласиться с Арнальдо Момильяно в его утверждении, что Евсевий во введении к *HE* вполне осознанно указывал на собственное новаторство. Наоборот, он бессознательно следовал античной дееписательской традиции, в русле которой творил. И совсем не скромное заявление палестинского епископа в начале его труда, плохо согласуется с личностью автора - аскета и исповедника. Скорее следует предположить, что Евсевий начал свой труд этим пассажем только потому, что так начинали до него все.

Следующим штампом, воспроизводимым Евсевием в своей работе, являются пресловутые речи, по каким-то причинам не замеченные Момильяно,² который утверждает, что кесарийский епископ открыл новую страницу в литературе, когда начал писать историю без длинных речей и риторических отступлений. Одной из самых главных заслуг Евсевия перед наукой является как раз, возможно, то, что он место, отведенное речам, заменил реальными посланиями церковных иерархов и светских деятелей, чем положил начало традиции, благодаря которой до нас дошло множество документов античной эпохи. Тем не менее, функциональное значение этих посланий в сочинении то же, что и у речей. А в X книге *HE* мы встречаемся непосредственно и с наследием «классиков жанра»; в лице молодого проповедника, его претенциозном слове, растянутом на несколько глав в лучших традициях Фукидида (т.е. скучно и сверх меры длинно), Евсевий являет себя достойным продолжателем античного *speechwriting*. А его произведение «Жизнь Константина» не только наполнено подобными ораторскими отступлениями, но и имеет приложением сборник речей святого василевса, не вошедших в четыре книги жизнеописания.

Таким образом, мы вправе утверждать, что раннесредневековая наука, несмотря на всю свою оригинальность и наличие характерных мировоззренческих черт, восприняла интеллектуальное наследие античности и развивалась в прагматической системе координат, свойственной

¹ *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о четвертой декаде Тита Ливия. М.: 1996, с. 113.

² Momigliano... Op. cit., p.88.

древним мыслителям. При этом византийская культура создавала новые жанры и в гуманитарных науках (Мировые хроники), и в области естествознания (Шестодневы). Но развитие средневековой интеллектуальной культуры происходило здесь параллельно с изучением античной мысли. И если на Западе такого феномена не наблюдалось, то виной тому не «перевороты» раннехристианских писателей, как утверждает Момильяно, а причины геополитические. Тогда как Константинополь сумел отстоять свою независимость (значит и культуру) перед ордами варваров в эпоху великого переселения народов, два падения Старого Рима и последующие столетия разрухи просто физически уничтожили наследие древности на Аппенинах.

О.А. ДОЛГОВА

НАУКА, РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО

Вопрос о соотношении науки, религии и философии не теряет своей актуальности на протяжении всей истории развития человеческой цивилизации. В обсуждении данной проблемы приняли участие многие философы, ученые и религиозные мыслители. Активно обсуждается эта тема и в настоящее время.

Особый интерес вызывают суждения тех людей, которые достигли определенных высот в разных, порой трудно совместимых, областях знания и деятельности. Таких «универсальных специалистов» было немало в среде философов, ученых и религиозных деятелей. Одному из них – нашему соотечественнику и, можно сказать, современнику – мы хотим посвятить эту статью.

Речь идет о святителе Луке (в миру – Валентине Феликсовиче) Войно-Ясенецком (1877-1961) – докторе медицинских наук, профессоре Ташкентского медицинского института, архиепископе Симферопольском и Крымском.

Он был одним из немногих, чей бронзовый бюст был прижизненно установлен в галерее выдающихся хирургов нашей страны в Институте неотложной помощи им. Склифосовского в г. Москве. Его хирургический талант считается непревзойденным никем до настоящего времени.

Путь от выпускника медицинского факультета Киевского университета до выдающегося хирурга был очень не легким. Вопреки ожиданиям коллег после окончания института В.Ф. Войно-Ясенецкий сознательно предпочел карьере ученого деятельность простого земского врача. Он

трудился во многих городах, селах и деревнях России и уже в то время прославился тем, что делал огромное количество сложнейших операций (на желудке, кишечнике, почках, и даже сердце и мозге) порой в непригодных для этого условиях и, самое главное, успешных по результатам.

В ходе хирургической практики, сталкиваясь с обширным материалом для исследований, В.Ф. Войно-Ясенецкий стал заниматься научными изысканиями в свободное от операций время – по ночам. Итогом стала защита докторской диссертации в 1916 году по регионарной анестезии, в которой им были открыты новые методы обезболивания седалищного и срединного нервов (ранее это считалось невозможным).

В 1917 году В.Ф. Войно-Ясенецкий был приглашен на должность главного врача городской больницы г. Ташкента. Там же он стал профессором Ташкентского медицинского института.

Пораженный религиозностью местного населения, вообще-то с детства верующий в Бога, Валентин Феликсович именно в Ташкенте стал часто посещать церковь и принимать активное участие в церковных съездах и собраниях. После пламенной речи, произнесенной им в 1920 году на съезде духовенства Туркестана, епископ Ташкентский посоветовал ему стать священником. Восприняв эти слова как Божий призыв, Войно-Ясенецкий в 1921 году принял сан иерея. С тех пор в больницу о. Валентин приходил в рясе и с наперсным крестом на груди, лекции студентам он читал также в священническом облачении.

Через два года, когда в Ташкенте не оказалось епископа, Войно-Ясенецкий был пострижен в монашество с именем Луки и рукоположен во епископа. Это были годы особых гонений. Поэтому буквально через десять дней после принятия епископского сана святителя Луку арестовали, и начались тяжелые годы тюрем и ссылок, в которых он провел в общем одиннадцать лет.

Все это время он не оставлял своего пастырского служения, хирургической практики и научной деятельности. Парадокс заключался в том, что его научные открытия в области медицины публиковались в Советском Союзе и за рубежом, а сам он жил в постоянном изгнании. В 1934 году вышла его монография «Очерки гнойной хирургии», ставшая классическим руководством для хирургов.

Будучи в третьей уже ссылке, в самом начале Великой Отечественной войны, святитель Лука предложил свои услуги для лечения раненых. Власти сразу же согласились. Он был назначен консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя. Инспекторская проверка показала, что ни в одном другом госпитале не бы-

ло столь блестящих результатов лечения сложнейших инфекционных ранений суставов. Тысячи военных были спасены от смерти или пожизненной инвалидности.

Дарования святителя Луки и его научные достижения были слишком значительны, чтобы остаться незамеченными. В 1946 году за книги «Очерки гнойной хирургии» (1943) и «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов» (1944) святитель был удостоен Сталинской премии первой степени (200 000 рублей).

В 1946 году он стал епископом Симферопольским. Он был ревностным апологетом веры. С амвона произносил пламенные проповеди. Участвовал в публичных диспутах с атеистами, которые заканчивались посрамлением последних. За 38 лет своего священства и архиерейского служения он произнес около 1250 проповедей, из которых 750 записаны и составляют 12 толстых томов машинописного текста. Советом Московской духовной академии они названы «исключительным явлением в современной церковно-богословской жизни» и «сокровищницей изъяснения Священного Писания», а сам святитель Лука избран почетным членом академии.

В 2000 году Архиерейский собор Русской Православной Церкви прославил священноисповедника Луку в сонме новомучеников и исповедников российских XX века.

Служение святителя Луки выпало на годы страшных испытаний для России. Одной из своих главных задач он видел религиозное просвещение людей, отпавших от веры. С этой целью им были написаны два трактата – «Дух, душа и тело» и «Наука и религия».

Особенность этих апологетических трудов заключалась в том, что их автор – ученый с мировым именем и одновременно епископ – в своей аргументации опирался не только на Священное Писание и труды святых отцов, но и привлекал новейшие для своего времени научные данные и открытия, работы известных ученых и философов.

Когда в 20-х годах XX века В.Ф. Войно-Ясенецкому приходилось участвовать в диспутах с атеистами, он часто сталкивался с тем, что противники Церкви в качестве главных аргументов выдвигали достижения физики, химии, биологии и других наук. Будучи компетентным в этой сфере, Валентин Феликсович всегда находил яркие контрдоводы. Он свободно оперировал результатами исследований физиков Томсона, Эйнштейна, Лоджа, философов Канта, Бергсона, Лосского, биологов Дарвина, Геккеля, Гиса, химиков Бойля, Менделеева, Пастера, психиатров Флери, Пирогова, Ковалевского и многих других.

В своих размышлениях он приходил к выводу о том, что между наукой и религией противоречия не существует. Данная позиция подробно изложена в трактате «Наука и религия».

В предисловии к работе он пишет:

«На своем жизненном пути нам встречаются два типа людей. Одни во имя науки отрицают религию, другие ради религии недоверчиво относятся к науке. Встречаются и такие, которые умели найти гармонию между этими двумя потребностями человеческого духа. И не составляет ли такая гармония той нормы, к которой должен стремиться человек? Ведь обе потребности коренятся в недрах человеческой природы.

И не в том ли кризис образованного человека, что у него «ум с сердцем не в ладу»? Не эта ли односторонняя «умственность» разъединила в России интеллигенцию и народ? И уже одно то, что в настоящее время под флагом науки, которая будто бы давно опровергла религию, преподносятся народу атеизм и антихристианство, заставляет нас глубоко обдумать и основательно решить вопрос: противоречит ли наука религии?»¹.

Определяя науку как систему достигнутых знаний о наблюдаемых нами явлениях действительности, Лука Войно-Ясенецкий, вслед за И. Кантом, отмечает, что научные знания – это лишь знания о явлениях, т.е. о проявлениях жизни, природы, но не о ее сущностях. Он признает существование того, что лежит за пределами науки и не доступно для познания ее средствами, однако вместе с тем утверждает возможность и необходимость познания этого.

«Знание больше, чем наука», – утверждает святитель Лука и указывает на такую высшую способность человеческого духа как интуиция – «непосредственное чутье истины, которое угадывает, прозревает ее, пророчески предвидит там, куда не достигает научный способ познания»². С помощью интуиции, согласно святителю Луке, человек проникает в другую, высшую область духа – в религию. Религия им понимается не только, и даже не столько, как отношение к Абсолюту, которого мы называем Богом, но как общение с Богом, воссоединение с Ним. В данном аспекте религия как переживание, как молитвенное устремление к Богу, как духовный экстаз оказывается несовместимой с наукой (в этом смысле между ними может быть столько же противоречий, сколько их между математикой и музыкой или между математикой и любовью).

¹ *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)* Наука и религия. М.: Образ, 2008, с. 10

² Там же, с. 12

Для положительного сравнения науки и религии Лука Войно-Ясенецкий отвлекает от последней ее интеллектуальные (познавательные, доступные уму) утверждения о действительности и сопоставляет их с научными знаниями. Он находит, что положения религии (в данном случае христианской) о том, что Бог есть, что всё в Нем имеет свое бытие, что Христос Богочеловек, пришедший в мир, что душа человеческая бессмертна, – не могут быть с научной точки зрения ни доказаны, ни опровергнуты, поскольку касаются сущностей, лежащих вне компетенции науки.

Предубеждениями называет святитель Лука мнения о том, что наука противоречит религии. Он исследует источники и причины подобных мнений. И находит их в поверхностном знании как в области науки, так и в области религии: «Полузнание – бич нашего времени», – свидетельствует епископ¹. Он отмечает, что во многом этому способствует неосведомленность в философии, особенно в той ее области, которая относится к теории познания, или гносеологии. В результате чего легковерно принимаются за научные доказательства те, которые таковыми не являются. Наука не может постичь сущности вещей, а тем более – Первосущность, т.е. Бога. И поэтому она не может отвергать Его бытие. Отрицание существования Бога с отсылкой на науку признается не корректным.

Вторая причина заблуждений, касающихся противоположности науки и религии, по мнению святителя Луки, заключается в том, что науку смешивают с мнением ученых. Последние иногда действительно могут противоречить религии, но со временем оказывается, что они противоречат и природе, и науке. Подобное может возникать из-за того, что мнение отражает не столько объективную природу, сколько вкусы ученого, которые могут простираться в запредельную для науки область, где начинается простор как для веры, так и для суеверия. Святитель отмечает, что так называемый «научный» атеизм действительно противоречит религии, но он есть лишь предположение некоторых образованных людей, недоказанное и недоказуемое². Теорию, утверждающую, что мир не сотворен Богом, и дарвинизм, признающий, что человек посредством эволюции развился из низшего вида животных, а не является продуктом творческого акта Божества, святитель Лука относит к вненаучным суждениям. Они не имеют научных доказательств, и более того про-

¹ Там же, с. 15.

² Там же, с. 16.

тиворечат ряду научно установленных фактов (отсутствие переходных форм, замкнутость видов и др.).

Объявляя материализм еще одной причиной предвзятого отношения к религии, Лука Войно-Ясенецкий исследует теоретические предпосылки данного мировоззрения. Он выявляет, что атомистическая теория, долгое время являвшаяся опорой материализма, сама держалась на вере в материальность и неделимость атома. Впоследствии, когда атомистическая теория сменилась электронной, вопросов меньше не становилось: суть электричества ускользала от научного познания. Представления о материи претерпевали и дальнейшие изменения. А между тем, отмечает святитель Лука, ссылаясь на эмпириокритициста Э. Маха, «само существование материи как субстанции не установлено»¹.

Сравнивая естественнонаучные изыскания и фазы их становления, святитель Лука признает, что между ними едва ли не труднее установить согласие, чем между наукой и религией. А причину он усматривает в специфике мнений ученых, которые могут противоречить не только религии, но и друг другу, и самой природе. Бедственным положением для науки, человека и общества святитель считает ситуацию, когда научные гипотезы и проекты воспринимаются как истинные теории. Он сетует на человеческое легкоеверие, внушаемость, некритическое отношение к чужому мнению и подверженность «гипнозу научной терминологии».

Таким образом, Лука Войно-Ясенецкий приходит к выводу, что наука противоречить религии не может, а те «научные» доводы, которые выдвигаются против религии, оказываются зачастую вненаучными. Противоречие между наукой и религией – кажущееся и временное – оказывается возможным постольку, поскольку наука ищет, движется и, следовательно, ошибается.

Если наука находится на пути к созиданию истины, то религия, как отмечает святитель, истиной уже обладает, она открывает нам вещи, как они есть. Библейское учение о мире, которое религия исповедует как предмет веры и опыта, Святитель Лука находит во многом и существенном согласующимся со знаниями различных наук (геологии, палеонтологии, археологии, астрономии, филологии, этнологии, истории). Он отмечает, что в Библии нет положений, которые бы противоречили научным данным (Библия не утверждает ни геоцентризма, ни гелиоцентризма, ни антропоцентризма). Более того, святитель находит в Библии указания на законы мироздания, которые впоследствии были открыты учеными и

¹ Там же, с. 21.

оформлены в виде научных теорий (закон сохранения материи и закон сохранения энергии и др.).

Одну из причин возможного расхождения между научным и библейским знанием о мире святитель Лука видит в поверхностном прочтении Библии, которое, как и всякое полужнание, вызывает множество недоумений. Между тем, епископ утверждает, что «Библия находится в согласии со всеми фактами природы, а следовательно, и с наукой, открывающей эти факты»¹. Даже чудеса Евангелия, которые кажутся нарушением законов природы, являются восстановлением их (через устранение причины разрушения, смерти – греха).

Замечая, что Библия не является специальной книгой о физической природе или внешней истории человечества, епископ вместе с тем признает ее точность в этих областях и отмечает, что нам было бы трудно поверить Библии в более важном, духовном, вечном и будущем, если бы она ошибалась в менее важном, доступном человеческому знанию. Удивительная осведомленность библейских авторов выступает свидетельством их Боговдохновенности.

Согласованность научных достижений с библейским знанием позволила святителю Луке сделать вывод о том, что «постепенные научные открытия все более и более оправдывают научную точность библейской картины природы и истории»². Таким образом, подлинная наука и истинная религия, какою является религия Библии, не противоречат друг другу: наука изучает тот же мир, о котором религия получает знание в откровении от Творца этого мира.

Рассматривая религию по существу, как преклонение перед Богом и общение с Ним, святитель Лука выдвигает новый тезис, согласно которому наука не только не противоречит религии, но и приводит к ней. Это происходит тогда, когда ученый не ограничивается только кропотливым собиранием фактов, а дает простор всей человеческой жажде знаний, стремится постичь тайны бытия и обладать ими. Наука ставит те же самые вопросы, на которые отвечает религия. Она по закону причинности приводит нас к Первопричине мира, а религия отвечает, Кто является этой творческой Первопричиной – Бог. Тем самым научное мышление логически доказывает, что должен быть Бог, а религия — Его открывает и сообщает о Нем.

Более того, святитель Лука заявляет, что религия движет науку. «Мы привыкли думать, будто знание сильнее веры, лежащей в основе

¹ *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)* Наука и религия. М.: Образ, 2008, с. 25.

² Там же, с. 30.

религии. Но на самом деле именно вера сообщает силу знанию. Знание без уверенности в нем, без признания — мертвое сведение. Вы можете знать, что самолет в состоянии поднять вас, но если вы в этом не уверены, вы никогда не решитесь в него сесть»¹.

Религия движет науку и в том смысле, что она пробуждает и поощряет дух исследования. Святитель напоминает о завете Христа: «Исследуйте Писания» (Ин. 5,39) и о словах апостола Павла: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фее. 5,21). Согласно Луке Войно-Ясенецкому, религия, пробуждая любовь к жизни, к природе, к человеку, освещает их светом вечного, непреходящего смысла. И в таком случае мир, который познает человек, предстает перед ним не как слепое, случайное сочетание стихий, идущее к разрушению, но как дивный космос, являющий развернутую книгу познания Отца.

Религия потому еще движет науку, что в религиозном опыте человек вступает в контакт с вечным Разумом, Голосом мира: «Кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1 Кор. 8,3). Именно поэтому, считает епископ Лука, часть великих открытий и изобретений принадлежит тем, которые были и великими учеными, и великими христианами. Их имена во множестве он приводит в своей работе: Гуттенберг, Галилей, Ньютон, Фарадей, Ом, Кулон, Вольт, Ампер, Эйлер, Бойль, Пастер, Менделеев, Пирогов, Ковалевский и др.

Кроме этого в работе описано исследование профессора Деннерта, который пересмотрел взгляды 262 известных естествоиспытателей и обнаружил, что из них 2% было людей нерелигиозных, 6% равнодушных и 92% горячо верующих.

«Наука без религии — «небо без солнца», — пишет епископ Лука. А наука, облеченная светом религии, — это вдохновенная мысль, пронизывающая ярким светом тьму этого мира»².

Для него данный вопрос — это не просто умственная проблема согласования науки с религией, а вопрос жизни и смерти. Одно знание может сделать людей только книжниками, теоретиками, гамлетами, которые только рассуждают, но не могут творить. Одна вера, не знающая во что верит, не имеющая своим предметом бездонный и светлый образ Бога, явленный во Христе, — слепая вера, которая может воодушевить только на «борьбу с ветряными мельницами».

Святитель Лука Войно-Ясенецкий заключает: «Нам нужно живое знание и зрячая вера, и только их синтез и неразрывная связь откроют

¹ Там же, с. 35.

² Там же, с. 37.

возможность творческой жизни. Ибо творят жизнь мудрые, окрыленные верой»¹. Его словам можно доверять, поскольку его жизнь, его творчество, его личность есть реальное их осуществление, признанное как на земле, так и на небе.

А.М. КОНОПКИН

ФИЛОСОФИЯ И БОГОСЛОВИЕ

В УНИВЕРСИТЕТСКОМ СООБЩЕСТВЕ РОССИИ

Давний вопрос о статусе богословия, теологии в университете в современности приобретает вполне практические очертания. Он связан с наметившейся экспансией церкви в систему светского образования, примерами чего можно считать введение религиозных курсов в школе, ВУЗах (таких, как «Основы православной культуры», «Основы религиозной толерантности», «Православие и русская литература» и др.). Венцом этого процесса должно стать, по всей видимости, признание богословия (теологии) научной специальностью и, возможно, подмена многих предметов социально-гуманитарного цикла религиозными, по сути, дисциплинами (что частично уже произошло).

Ничто не ново под Луной – в истории философского факультета МГУ уже было такое событие, как отмена преподавания философии в 20-х годах 19-го века по идеологическим причинам. Философия понималась как источник свободомыслия, и главное управление училищ тогда настаивало на преподавании курса, «очищенного от нелепостей новейших философов, основанного на истинах христианского учения» (см. <http://new.philos.msu.ru/info/history/>). Философия после этого еще долго преподавались только в «правильном» виде, в духовных учебных заведениях.

Зная о значительной роли религии в российской культуре и философии (особенно до 18-го века), можно удивиться, как же в МГУ могла сложиться такая ситуация, когда потребовалось «очищение» в духе христианского учения. Однако еще при самом основании Московского императорского университета в нём был философский факультет, наряду с юридическим и медицинским, но не было богословского. Этот факт объясняется обычно тем, что богословие было связано с ведомством Синода, т.е., с другой структурой, к которой университет не относился. Это можно по-разному интерпретировать, но, тем не менее, при всей религиозности российской культуры богословских факультетов, специально-

¹ Там же, с. 48.

стей, научных степеней в российских ВУЗах не было, хотя религиозным вопросам, конечно, уделялось самое пристальное внимание в преподавании, что и заложило некую двойственность в положение богословия.

Само собой разумеется, что после 1917 года богословия не осталось не только в светских учебных заведениях, но и не стало самой системы религиозного образования. Нынешнее стремление восстановить эту несправедливость причудливым образом ведет к тому, что богословы не только восстановили свои позиции в виде чисто религиозного образования, но и пытаются идти дальше. Обоснованность этого – предмет этой статьи.

Начиная с определений, заметим, что модное ныне различие богословия и теологии (как некоего «светского богословия», «облегченной» его версии), похоже, является чисто российским изобретением. Как пишет автор статьи о теологии в энциклопедии «Британника», при всем разнообразии конфессий и трактовок, в теологии «остается неизменным следующее: теология - попытка сторонников веры последовательно представить свои утверждения веры, объяснить основания, основные принципы их веры, и присвоить этим заявлениям определенное место в пределах контекста всех других мирских отношений... В этом смысле, она не нейтральна, и не исходит с посторонней точки зрения, контрастируя этим с всеобщей историей религий»¹.

Разница между богословием и религиоведением в «Британнике» представляется как разница между богословским пониманием веры, включая откровение, и научным изучением в религиоведении, которое имеет дело только с объективированными предметами, а не субъективными переживаниями. Поэтому внеконфессиональная, научная теология фактически растворяется в религиоведении, истории религий, философии.

Казалось бы, именно эти предметы и нужны для учащихся. Однако вовсе не забота об их компетентности двигает лоббистами религиозных предметов. Так, патриарх Кирилл недавно напрямую выразил недовольство тем, что большее число школьников и их родителей выбрали предмет «Светская этика» (43%), а не «Основы православной культуры» (31%). Однако этот процент при трезвом размышлении следует признать, наоборот, большим; сильный интерес к религии на уровне её изучения проявлялся скорее в 90-е годы, когда это имело эффект новизны. Сейчас же религиозность часто имеет крайне поверхностный характер, при котором нет интереса к подробностям самого учения.

¹ Thielicke H. Theology // Encyclopedia Britannica. - URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/590855/theology>

В другом аспекте, принципиально новым является заявление о научных претензиях теологии. В Средние века философия понималась лишь как ступень к богословию, слишком простая и приземленная, как и остальные науки, чтобы достичь божества. В таком духе рассуждает, например, иеромонах Агафангел - философия у него «может возвышаться до теологии»¹, но в целом она имеет отвлеченную идею Божества и не может дать знания о нём. В таком понимании, богословие и не думало претендовать на статус науки, так как это автоматически означало низведение к чему-то заведомо низшему.

Однако сейчас другая ситуация – богословие пытается вскочить на подножку уходящего поезда и получить статус науки. Нынешний тренд - философия и теология не так уж различны, поэтому они должны быть уравнены в статусе. Так, К.М. Антонов настаивает на родстве философии и теологии, ведь философские тексты, по его мнению, ускользают от контроля научной методологии. Он считает, что раз в философии можно выделить философию как систематическую рефлексию и философию как науку, также можно проделать и с теологией. Общую рефлексию о формах богочеловеческого отношения, реализующихся в конкретных общинах, можно не относить к науке, а научной специальностью должны стать поддерживающие эту рефлексию научные исследования².

Философские тексты, как можно согласиться с автором, часто действительно не подходят под научные стандарты. Однако философия, зародившись в противостоянии логоса и мифа, оформилась как светская, рациональная и критическая форма культуры и мировоззрения, отказавшись от мифо-религиозных объяснений мира. Это означает то, что в основе философии и науки лежит один и тот же принцип - методологического натурализма, к которому теология не может иметь отношения. В другом отношении, в определении знаменитого физика Р. Фейнмана, главное в науке - честность, в том числе перед самим собой. Философия может быть названа наукой также в свете того, что она является критичной, в том числе (и прежде всего) самокритичной. Разница философии и теологии вовсе не в сравнении количества текстов, которые можно признать научными. В теологии и богословии нет духа научной честности и критичности, они явно ориентированы на традицию, сохранение своих оснований.

¹ *Агафангел (Некрасов), Грыжанкова М.Ю.* Православная теология, её место и роль в развитии современной науки // Гуманитарные науки и образование. 2011. №2. с. 69.

² *Антонов К.М.* Теология как научная специальность // Вопросы философии. 2012. №6. с. 76-77.

Профессор религиоведения К. Нолль (Brandon University, Канада) приводит пример: «Миряне имеют право знать, что любой бог, описанный в библейском тексте, есть побочный продукт древней культуры, которая привела к этому тексту. Бог Библии является суммой слов в тексте и не имеет независимого существования. Было бы разумно начать каждую богословскую дискуссию с опровержения – «Бог, описанный в этом священном тексте, является вымышленным, и любое сходство с фактическим Богом является чисто случайным»... богословы должны учить правде, даже если они также хотят верить и учить, что Бог существует»¹. Нужно ли напоминать, что в действительности таких оговорок не делается?

Кроме того, именно философия стала в подлинном смысле универсальной формой культуры. Поддерживая и вырабатывая общечеловеческие ценности, философия обращается ко всем людям, независимо от их веры. Христианский же универсализм оказался фикцией. История философии – история большой работы за распространение прав человека, идей гуманизма, рациональности, свободы.

Претендуя на статус науки, теологи, тем не менее, высказываются по её отношению пренебрежительно или понимают её неправильно. Российская наука 19 - конца 20-го века религиозна, «ее основание составляли религиозные, христианские ценности и идеи. Иными словами, в основе дореволюционной русской науки лежала религиозная парадигма»²; наука означает «максимально точное и в каком-то смысле «бездумное» исполнение определенного набора процедур»³ – такие высказывания характерны для богословов. Наука понимается здесь своеобразно, как ее представители перечисляются представители идеалистическо-религиозной философии. Считать же науку набором формальных процедур, которые можно бездумно исполнять и на выходе получать знание, по меньшей мере, наивно.

Анализ истории философии и богословия и их соотношения позволяет прийти к нескольким выводам. Нужно отметить, что тот статус, на который претендует ныне богословие/теология, не принадлежал ей до революции, и поэтому вопрос о научности богословия не может рас-

¹ Noll K. L. The Ethics of Being a Theologian // The Chronicle of Higher Education. – 2009. – URL: http://chronicle.com/article/The-Ethics-of-Being-a/47442/?utm_source=at&utm_medium=en

² Агафангел (Некрасов), Грыжанкова М.Ю. Православная теология, её место и роль в развитии современной науки // Гуманитарные науки и образование. 2011.№2. с. 69.

³ Антонов К.М. Теология как научная специальность // Вопросы философии. 2012. №6. с. 77.

сма­три­вать­ся как во­прос вос­ста­нов­ле­ния ис­то­ри­че­ской спра­вед­ли­во­сти. Кро­ме то­го, бо­го­слов­ско-тео­ло­гичес­кое поз­на­ние име­ет свою спе­ци­фи­ку, нес­ход­ную с фи­ло­со­фским поз­на­нием; эта спе­ци­фика, при­ем­ле­мая в чи­сто ре­ли­ги­оз­ной сфе­ре, ста­но­вится де­фек­том, если ана­ли­зи­ро­вать её в срав­не­нии с нау­кой с фи­ло­со­фией – прин­ци­пи­аль­но от­лич­ными от бо­го­слов­ия фор­мами зна­ния.

О. С. БРАВИНА

СООТНОШЕНИЕ НАУКИ И РЕЛИГИИ В НЕОПОЗИТИВИЗМЕ НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ Б. РАССЕЛА

Тема о взаимоотношениях науки и религии довольно актуальна в настоящее время. В связи с этим, в статье интерес прикован к взглядам одного из представителей логического позитивизма – Бертрону Расселу. Этой теме специально посвящена его работа «Религия и наука» (1935 г.). Перед читателями книги Рассела предстаёт историческая панорама извечного противоборства науки и религии в процессе которого, проникая в одну область познания за другой, наука неизменно одерживает победы над своим противником ¹.

Однако, ввиду того, что Рассел был неопозитивистом, стоит для начала определить отношение между неопозитивизмом и религией, прежде чем приступать к анализу соотношения религии и науки.

Помимо книги Рассела «Религия и наука» (1935), в большинстве статей в его сборниках «Мистицизм и логика» (1918) и «Почему я не христианин» (1957) отразился позитивистский подход к науке и религии. Позитивизм подходит к религии с меркой «логического анализа». Всю критику религии он сводит к раскрытию логических противоречий (что свойственно Расселу). Теолог Г.Льюис даже видит причину возобновления интереса к религии в самой критике религии логическим позитивизмом. Ибо эта критика, будучи скептической критикой со слабыми средствами, не только вызывает эффективный отпор, но прямо-таки усиливает религию, отвлекая внимание от действенных методов её отрицания².

¹ *Быховский Б.* Мееровский Б. Атеизм Б.Рассела. // От Эразма Роттердамского до Бертрона Рассела (Проблемы буржуазного гуманизма и свободомыслия). М., «Мысль», 1969, с. 293.

² *Колесников А.С.* Свободомыслие Б.Рассела. Ред. Коллегия: В.И. Гараджа и др. М., «Мысль», 1978, стр.43.

Известно, что отношения между теологией и логическими позитивизмом в первой четверти XX в. были натянутыми. А.С. Колесников полагал, что «в принципе неопозитивизм и религиозная философия дополняют друг друга, а не исключают. Гносеологически подобное состояние обосновывается понятием «опыта» в трактовке неопозитивизма. «Опыт» ограничивается с этой точки зрения психологической реальностью, представляется вне его отношения к объективному миру и поэтому не может служить критерием различия научного и мистического отношения к действительности. «Переживания мистиков» и «опыт» неопозитивистов обладают одинаковой реальностью. Только «натуралистические и рационалистические предрассудки» неопозитивистов, но не теория познания позволяют им отличать свой «опыт» от «мистического».

Объявляя вопросы мировоззрения недоступными человеческому разуму, позитивизм отрицает возможность рациональной теологии. Позитивизм бессилен против религии, поскольку апеллирует не к разуму, а к вере. С точки зрения современного позитивизма нельзя даже доказать, что бога не существует, как неоднократно заявлял Рассел¹.

«Религия и наука - два аспекта общественной жизни, из которых первый был важен с самого начала известной нам истории человеческого разума, тогда как второй, после совсем недолгого существования у греков и арабов, возродился лишь в XVI веке и с тех пор оказывает все более сильное влияние на идеи и на весь образ жизни современного человека»².

Если в начале XX в. Рассел питал надежды, что его поколение может достигнуть в области чистой мысли результатов, которые поставят это столетие наравне с величайшей эпохой греческого мышления [Цит. по Колесников, 1978, с.48], то через 40 лет заявил, что «всё человеческое знание недостоверно, неточно и частично»⁴.

Все науки философом делятся на три группы: физические, биологические и антропологические. В физическую группу включаются науки, касающиеся свойств неорганической природы; в биологическую группу – науки, изучающие органическую природу. К антропологической группе относятся все науки, касающиеся человека: физиология, психология, антропология, история, социология, экономика.

Определяя науку как «первичное знание», суждения которого высказываются в порядке эксперимента и руководствуются вероятностью,

¹ Колесников А.С. Свободомыслие Б.Рассела. Ред. Коллегия: В.И. Гараджа и др. М., «Мысль», 1978, с.44

² Рассел Б. Религия и наука // Почему я не христианин: Избранные атеист. произведения: Пер. с англ.- М.: Политиздат, 1987, стр.132

Рассел уверен, что научный аспект в знании будет приобретать всё большее значение, но как сила умелого обращения с природой.

Наука есть «попытка открыть посредством наблюдения и объяснить на основе этого не только факты, но и законы, связывающие один с другими а в отдельных случаях и предсказывать будущие факты»¹. Концепцию науки Рассел связывает с признанием, что «научное состояние ума является или скептическим, или догматическим». Первое полагает, что истина не открыта (согласно агностицизму и не будет открыта); второе – что истина является уже открытой, хотя бы в тех вопросах, которые наука уже исследует.

Рассел всегда отстаивал науку и критиковал религию. Но вместе с тем первичными считал «логические сущности», являющиеся вечными и неподвижными, как «идеи» Платона. Прогресс науки оказывается платоновской видимостью, а не действительностью прогресса человеческих знаний. Философия лишается объективного критерия оценки правоты науки в её споре с религией.

Религия имеет много значений и долгую историю, пишет Рассел: вначале она относилась к определённым обрядам, выполняемым для целей, которые сейчас забыты, и время от времени соединяемым с религиозными мифами, чтобы объяснить их «мнимую важность».

В «Истории западной философии» (1945) Расселом верно отмечается, что христианская религия сложилась из философских воззрений Платона, неоплатоников и стоиков; «концепций морали» и некоторых теорий, среди которых надо отметить теорию о спасении. Рассел много времени посвятил изучению нехристианских религий: иудаизму, буддизму, китайским религиозным системам, исламу².

Положительный взгляд на религию прослеживается в работах Рассела «Культ свободного человека»(1903), «Сущность религии»(1912), «Принципы социальной реконструкции»(1916), «Мистицизм и логика»(1914), «Религия и церкви»(1916), «В чём моя вера»(1925) и в других эссе. В данных работах слышно примирение с религией и склонность найти в ней полезные моменты. Эта тенденция исчезает в поздних работах философа. На примере борьбы вокруг гелиоцентрической концепции Рассел демонстрирует, что суть разногласий не в отрицании вопреки его научной достоверности определённого факта, а во всей трактовке закономерности и изменчивости в природе. Для теологии вечность и неиз-

¹ Колесников А.С. Свободомыслие Б. Рассела. Ред. Коллегия: В.И. Гараджа и др. М., «Мысль», 1978, с.50

² Колесников А.С. Свободомыслие Б. Рассела. Ред. Коллегия: В.И. Гараджа и др. М., «Мысль», 1978, с.56

менность – выражение совершенства. Неизменность законов – свидетельство их божественного происхождения. Изменчивость земного в отличие от небесного – признак несовершенства. Это приводит к противостоянию научного и теологического подхода к эволюционной теории. Поднимаясь по лестнице наук, Рассел показывает, что противопоставление религии науке осуществлялось на всех ступенях. Он напоминает о борьбе церковников в 19 в. против таких важных открытий медицины как вакцинация и анестезия. Так Рассел пишет: «Священники (и медицинские работники) считали вакцинацию "открытым вызовом небесам и воле божьей"; в Кембридже была прочитана проповедь против вакцинации. В 1855 году, когда в Монреале разразилась эпидемия оспы, католическая часть населения, поддержанная священниками, сопротивлялась вакцинации. Один из священников сказал: "Если нас поразила оспа, так это потому, что мы устроили прошлой зимой карнавал и услаждали плоть, оскорбив этим господа бога"... Теологи всячески старались помешать облегчению человеческих страданий, что проявилось и в связи с открытием анестезии. Симпсону, предложившему в 1847 году применять анестезию при родах, тут же напомнили обращенные к Еве слова господа: "В болезни будешь рождать детей" (Быт 3:16)». Из этих примеров мы видим то, что негативное отношение религии к научным достижениям наносило вред «не только развитию познания, но и непосредственному человеческому благополучию»¹.

Рассел не довольствуется доказательством фактической несовместимости науки и теологии в истории познания. Он выясняет их принципиальную, гносеологическую и методологическую антагонистичность в самом подходе к любым встающим перед познанием проблемам. Научные убеждения строятся на совершенно иных основаниях, чем религиозные.

Из антагонистических принципов, сталкивающих религию с наукой, является телеологическая картина мироздания, присущая теологии. Рассел на примерах различного подхода науки и религии к астрономическим (кометы), биологическим (естественный отбор), медицинским (эпидемии) явлениям показывает антинаучную сущность религиозной идеи универсальной целесообразности².

¹ *Быховский Б.* Мееровский Б. Атеизм Б.Рассела. // От Эразма Роттердамского до Бертрона Рассела (Проблемы буржуазного гуманизма и свободомыслия). М., «Мысль», 1969, с 294

² *Быховский Б.* Мееровский Б. Атеизм Б.Рассела. // От Эразма Роттердамского до Бертрона Рассела (Проблемы буржуазного гуманизма и свободомыслия). М., «Мысль», 1969, с. 296

При всей ценности и прогрессирующей роли антирелигиозных работ, возрастающей именно благодаря их авторитету и влиянию в западной философии, его собственная философская позиция, как уже упоминалось, вступает в неизбежное противоречие с его критическим подходом к религии.

За непоследовательностью расселовского атеизма пытаются ухватиться некоторые апологеты религии, которые считают практически более целесообразным не предавать Рассела анафеме, а фальсифицировать его воззрения, выдав его атеизм ... за своеобразную религиозность. Так поступил, например, лидер американского персонализма протестантский философ Э.Ш. Брайтмен в специальной статье «Философия религии Рассела». По словам Брайтмена, если мерить Рассела ценностной меркой, его жизнь и мышление религиозны. «По существу своему, он является больше религиозным человеком, чем могут внушить его теории или его атаки на религию...Это подлинный религиозный мистик»¹.

Возражая Брайтмену, Рассел подтверждает своё неверие в бога, своё отрицание всякой теологии. Говоря об источниках противоречий между религией и наукой, Рассел считает, что «с социальной точки зрения религия представляет собой более сложное явление, чем наука», выделяя три таких базовых элемента как церковь, веру и кодекс личной морали, мыслитель утверждает их существенное влияние для религии как социального феномена. «Религия вступает в конфликт с наукой именно по той причине, что имеет социальное значение»².

Рассел утверждал, что главным отличием религиозной веры от научной теории является то, что первая хочет возвестить вечную и абсолютно достоверную истину, однако наука всегда предположительна, так как признает, что изменение существующих на данный момент теорий рано или поздно окажется необходимым: сам ее метод не допускает полного и окончательного доказательства.

Именно знание вступает в противоречие с религией. «Интеллектуальным источником» конфликта между наукой и религией он считает «вероучение»: кто сомневается в вероучении, тот ослабляет авторитет, доходы церковников и мораль религии. Поэтому служители церкви имели все основания «бояться революционного учения людей науки», - полагает Рассел. Наука, с одной стороны, отвергала догматические утвер-

¹ Цит. по Колесников А.С. Свободомыслие Б. Рассела. Ред. Коллегия: В.И. Гараджа и др. М., «Мысль», 1978, с.34

² Рассел Б. Религия и наука // Почему я не христианин: Избранные атеист. произведения: Пер. с англ.- М.: Политиздат, 1987, с.132-133

ждения библии и их «божественное откровение»; с другой стороны, оспаривала некоторые важные христианские догмы или некоторые философские доктрины¹. Рассел также отмечал, что «конфликт между наукой и религией обостряется, когда наука оспаривает какое-нибудь философское учение, которое теологи считают существенным. Вообще говоря, спор между религией и наукой первоначально шел о деталях, но постепенно были затронуты вопросы, которые считаются или считались когда-то жизненно важными с позиций христианского учения»².

Таким образом, наука лишается всех её атрибутов творчества и революционной силы и превращается Расселом в набор «технических истин», догм, что в дальнейшем облегчает ему сведение её к своеобразной вере. Философ отмечает, что конфликт между теологией и наукой заставил теологов приспособляться к науке, интерпретируя аллегорически или метафорически затруднительный текст библии. Наука враждебна религиозной идее непогрешимости и всякому догматизму. Сомнение – враг веры, но «мать философии». Это не есть сомнение агностика и скептика, а сомнение в абсолютной конечности выводов науки. Познание есть «разрешение прежнего сомнения», а не отказ от познания или сведение его к «вере в факты», как считал Рассел³.

Религия требует противоестественного – отказа от разума. Предписания слепой веры вытекают из мистического характера религии, фанатизм которой лежит вне сферы действия разумных соображений и доводов. Служители церкви, понимая, что вера, основанная на одном страхе, даже если он закреплён экономическими отношениями и социальными институтами, не может быть прочной без «научного» фундамента, уже не опровергают науку безоговорочно, а пытаются примирить религию с ней, использовать научные выводы в своих интересах. С этой целью ими делается заявление, что религиозная вера, как высший якобы вид «знания», не исключает, а, наоборот, предполагает научное знание. При этом богословы стремятся доказать, что религия выше науки, религиозные истины «достовернее» истин научных, пытаются внушить необходимость и даже благотворность этой связи. Они отстаивают идею нейтральности науки по отношению ко всем философским и религиозным взглядам, утверждая, что история философии и религии будто бы

¹ Колесников А.С. Свободомыслие Б.Рассела. Ред. Коллегия: В.И. Гараджа и др. М., «Мысль», 1978, с.61

² Рассел Б. Религия и наука // Почему я не христианин: Избранные атеист. произведения: Пер. с англ. - М.: Политиздат, 1987, с.133

³ Колесников А.С. Свободомыслие Б.Рассела. Ред. Коллегия: В.И. Гараджа и др. М., «Мысль», 1978, с.64

показывает, что содержание науки не может влиять на них. Во-первых, язык науки уникален, не переводим на другие языки; во-вторых, невозможно проверить эмпирически выдвигаемые положения религиозных учений. И если наука используется для опровержения религии, то это, по словам теологов, незаконное расширение терминов науки.

У Рассела есть попытка разграничить область веры и область знания и представить их развитие в таком симбиозе, где каждый выигрывает от сожительства с другим. В этом плане он и рассуждает о соотношении научного познания и религиозных чувств.

Колесников отмечал: «Рассел, отрицая бога, религию, её догмы и отмечая их тормозящее влияние на развитие прогресса, тем не менее говорит о возможности допустить существование мира мистики»¹.

Наука и вера основываются на совершенно различных принципах мышления. Наука опирается на объективные факты и их обобщения, на эксперимент, на практику, в своих логических построениях исходит из реальных связей и явлений. Религия же основывается не на фактах и не знает экспериментов, её логические заключения исходят из принятых на веру догматов, из божественного откровения. Вместо прочного фундамента фактов религия имеет спекулятивное основание авторитета, всевозможные предания и вымыслы.

Рассел отрицательно относится к религии и противопоставляет ей просветительскую мораль свободного разума. Однако наука и религия исключают друг друга. Оставленные в одном и том же мире, они сразу же вступают в борьбу. Поэтому мир надо-де разделить на две наглухо отгороженные, друг с другом не сообщающиеся части: на внешний мир действительности и на внутренний мир действительности и на внутренний мир человеческих ощущений. Именно это и продельывает Рассел, решая якобы тем самым вопросы соотношения науки и религии. Внешний мир предоставляется религии – только она может судить о том, что происходит в этом мире. Внутренний мир, мир ощущения, представления, переживания остаётся в распоряжении науки. Достоверность всего того, о чём говорит наука, не выходит, таким образом, за границы этой узкой сферы, а религия вторгается и в переживания².

Позиция Рассела по поводу противопоставления религии и науки находит отражение и у современных учёных. Так, современный ученый, наш соотечественник академик Гинзбург утверждает: «Религия и насто-

¹ Колесников А.С. Свободомыслие Б. Рассела. Ред. Коллегия: В.И. Гараджа и др. М., «Мысль», 1978, с.65

² Колесников А.С. Свободомыслие Б. Рассела. Ред. Коллегия: В.И. Гараджа и др. М., «Мысль», 1978, с.70

ящая наука не совместимы. Но религия по существу не отличается от какой-нибудь астрологии или другой лженауки»¹.

Стоит также отметить, что религия выполняет определенные мировоззренческие функции, но, по сравнению с философией и наукой, пытается устранить присущий им элемент скептицизма, апеллирует к откровению как к источнику несомненно истинного знания. В то же время, в отличие от мифологии, религия стремится принять логически более продуманную метафизическую концепцию возникновения и устройства мира. В этом смысле она тяготеет к использованию элементов научного знания, что особенно проявлялось, например, в период средневековой схоластики и продолжает проявляться в современном мире во многих модернистских религиозных доктринах².

Таким образом, Рассел осуществлял попытку разграничить область веры и область знания и представить их развитие в некотором синтезе, где каждый находит свою выгоду от сосуществования с другим. В этом плане он и рассуждает о соотношении научного познания и религиозных чувств. Несмотря на отрицание религии, Рассел всё-таки допускает существование мира мистики, а это в свою очередь говорит о его нежестких позициях в этом вопросе.

С.В. ЗАБЕГАЛИНА

ПРАВОСЛАВИЕ, ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО ВО ВЗГЛЯДАХ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Для евразийцев вера есть духовный символ, - пишет И. Исаев во вступительной статье к сборнику «Пути евразийства», - который окрашивает культуру религиозно. Евразийцы убеждены, что рождение всякой национальной культуры происходит на почве религиозной: она появляется на свет, сопровождаемая мифом о своем рождении. Мифом евразийской культуры стало православие. Оно характеризуется стремлением к всеединству, что позволяет ему синтезировать различные идеологические течения – как входящие в рамки данной культуры, так и пребывающие за ее пределами. В этой связи язычество можно рассматривать как «потенциональное православие», причем в процессе христианизации русское и среднеазиатское язычество создают формы правосла-

¹ Гинзбург В.Л. «...Религия по существу не отличается от какой-нибудь астрологии или другой лженауки» // Здравый смысл, 1998, №7. с. 89.

² Разин А.В., Разин С.В. Союз религии в современном мире вряд ли возможен // Вестник РАН, 2004 г., №9. с.787.

вия, более близкие и родственные евразийской православной традиции, чем европейское христианство»¹.

Сторонники евразийства объявляют себя православными христианами. По их мнению, как раз «в России господствующая православная церковь есть осуществление высшей свободы, ибо она основана на *согласии* в отличие от католицизма, который опирается на власть»².

«Евразия понимается нами как особая симфоническая личностная индивидуация Православной церкви и культуры...православие евразийского мира, почитаемое нами за высшее ныне выражение Православия, должно мыслиться как симфоническое или соборное единство...»³

«Историческая задача русского народа заключается в том, что он должен осуществить себя в своей церкви... осуществляя и познавая ее, путем исповедничества и самораскрытия создавать возможность для самораскрытия для «неплодящей языческой церкви», и для мира «отпавшего в ересь»⁴. «...из абсолютных несомненных истин религии, т.е. русской православной веры, проистекают основы истинной идеологии»⁵. Кизеветтер на это замечает, что распространение Православия «не ограничивается пределами России и мы не находим в нем специально азиатского. Указывают на мистическую основу Православия, но мистицизм... не есть монополия Азии»⁶.

«Православие - высшее, единственное по своей полноте и непорочности вероисповедание христианства. Вне его все или язычество, или ересь, или раскол»⁷.

В ответе на статью Н.А. Бердяева об евразийцах Л.П. Карсавин пишет, что евразийство «исходит из понимания православия, как единственной непорочной Церкви, рядом с которою католичество и протестантство определяются как разные степени еретических уклонов, искажающие их своеобразные задания...в православии корень и душа национально-русской и евразийской., идущей к православию, но частью еще

¹ *Исаев И.А.* Утописты или провидцы?/Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России. М., Русская книга,1992., С.18

² *Игнатов А.* «Евразийство» и поиски новой культурной идентичности.// *Вопр.фил.*, 1995, №6, ,с.50]

³ *Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России.* М., Русская книга,1992.,с.371

⁴ Там же, с.366.

⁵ Там же, с. 361.

⁶ *Кизеветтер А.* Евразийство // *Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн.* М., Наука, 1993. с. 277.

⁷ *Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России.* М., Русская книга,1992., с. 362.

не христианской культуры»¹. Кроме того, утверждение равноправности и равноценности всех христианских исповеданий для них неприемлемо: «Православие не только «восточная» форма христианства, но и единственная вселенская Церковь. Если это партикуляризм, - мы его предпочитаем «соглашательству». Но это не партикуляризм, а – единственный верный универсализм»². «Православие, согласно евразийцам, является средоточием не только русской - в этом не было бы никакой новации - но всей евразийской культуры, включающей анклавы мусульманской и буддистской культур. Чтобы объяснить этот факт, евразийцы объявили Православие подлинной вселенской религией и единственно верным и непогрешимым выражением христианства. (Вне его все - или ересь, или раскол.) Правда, этот тезис не следует понимать в том смысле, что Православие отворачивается от иноверцев. По убеждению евразийцев, оно только хочет, чтобы «весь мир сам из себя стал православным». Не трудно увидеть, что на православие возлагалась несвойственная религии политическая функция, которая в европейской традиции была прерогативой государства»³.

«Внутренне расколотому Западу евразийцы пытались противопоставить русский идеал общественной гармонии, выпестованный православием. В православном мире, по их мнению, царит не эгоистическая грызня индивидуумов, не конфликт, а мир – человеческая солидарность. Этот гармонический идеал будто бы придавал древнерусскому обществу беспрецедентную однородность»⁴.

Идеал Православия заключается, согласно евразийцам, не в «религиозном интернационализме», а в симфоническом и органическом, в соборном единстве многих исповеданий, православных не в том смысле, что они греческие или русские, а в том, что они не еретичны... Язычество есть потенциальное Православие... не будучи сознательным упорным отречением от православия... язычество скорее и легче поддается призывам Православия, чем западно-христианский мир, и не относится к Православию с такой же враждебностью»⁵.

¹ Карсавин Л.П. Ответ на статью Н.А.Бердяева об «Евразийцах» //Путь. М., Информ-Прогресс, 1992. с. 240.

² Карсавин Л.П. Ответ на статью Н.А.Бердяева об «Евразийцах» //Путь. М., Информ-Прогресс, 1992., с.240.

³ Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории: Курс лекций. – М.: ИЧП ИЧП «Издательство Магистр»,1997. ,с. 284.

⁴ Люкс Л. Евразийство и консервативная революция. // Вопр.фил., 1996, №3, с.63.

⁵ Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России. М., Русская книга,1992.,с. 363.

«Евразийцы чувствуют православную стихию, переживают и понимают православие как историко-бытовой факт, как подсознательный «центр тяготения» евразийского мира, как его (именно его) потенцию. И вместе с тем конкретно-практические задачи Евразии они определяют совсем не по этому «центру», не из живого православно-культурного самосознания, но из размышлений теософического, этнического, государственно-организационного порядка»¹.

«... ни культура, ни государство не находятся вне церкви и не являются чем-то нецерковным, хотя они и отличаются от церкви в собственническом или узком смысле этого слова. Культура и государство – начально органичный материал собственно своего церковного бытия»².

Л.И. Новикова отмечает, что евразийцы ставя «во главу угла православие и православную культуру создают «видимость, за которой скрывается тотальная идеологизация политики, экономической жизни общества, культуры и самого православия, которое превращается в обязательную государственную идеологию, призванную подменить большевистскую идеологию – марксизм, или коммунизм – и стать идеологическим основанием или «Идеей-правительницей» Евразийского государства»³.

В.А. Сендеров считает, что евразийцы «превратили православие в идеологию откровенно, сознательно и последовательно...». Он делает сравнительный анализ двух работ евразийцев: «Согласно «Евразийству» 1926 года «язычество есть потенциальное православие... Не будучи сознательно упорным отречением от православия язычество скорее и легче поддается призывам Православия, чем западно-христианский мир (..) Будущее и возможное православие нашего язычества нам роднее и ближе, чем христианское инославие». А в «Формулировке 1927г» от псевдо православного фундаментализма нет уже и следа. Как нет даже слова «Православие». Говорится о «бытовом исповедничестве», «проникновении религии в быт», «одухотворении и упорядочивании быта обрядом». Словом религия – не опиум для народа, а лекарство для народа»⁴.

«Государство – единство еще нецерковного мира, отъединенного в известной мере от церкви и разъединенного в себе самом...правляющий

¹ Флоровский Г.В. Евразийский соблазн./ Полюса евразийства // Новый мир. 1991. № 1.,с. 207.

² Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России. М., Русская книга,1992., с. 369.

³ Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола»// Вопр.фил, 1995, №6, ,с.25]

⁴Там же, ,с.29.

слой, или отбор (интеллигенция и правительство), органически вырастает из самого народа, из самой культурно-личности»¹

В работе «Утопический этатизм евразийцев» Бердяев пишет: «Евразийская идеология утверждает, что государство есть становящаяся, не усовершенствованная Церковь. Таким образом, утверждается принципиальный монизм в понимании отношений между Церковью и государством. И государство понимается как функция и орган церкви, государство приобретает всеобъемлющее значение. Государство объемлет все сферы жизни...принципиальный монизм, который ведет к абсолютизации государства, пониманию государства как земного воплощения истины, истиной идеологии. Евразийцы называют это не теократией, а идеократией. Идеократия есть господство подобранного правящего слоя, который является носителем истиной идеологии, государственной идеологии»². Взаимопроникновение церкви и государства затрудняет разграничение сфер их культурного творчества. Евразийство стремится выработать принцип разграничения. Направление деятельности церкви – «свободная истина, соборное единство, освоение и раскрытие соборного предания... Государство черпает основы своей идеологии в церкви, пребывает в органической связи с нею, но конкретизирует и осуществляет эти идеи в собственной, мирской сфере. Оно неизбежно ошибается и грешит, поскольку функционирует в мире греха»³.

«Есть большая двусмысленность в евразийском отношении к Церкви - пишет Флоровский в работе «Евразийский соблазн», - с одной стороны, государство как бы отделяется от Церкви, сохраняя, впрочем, в своей полномочной юрисдикции и власти «представителей Церкви» и, более того, сохраняя за собой право и свободу «раскрывать религиозную свою природу и руководствоваться определенными им самим, а не диктуемыми Церковью религиозными конкретными заданиями»⁴.

Правда, евразийцы поясняют эту мысль как будто успокоительными примерами: «Государство «может, например, взять на себя именно в данный момент необходимую защиту Православия от воинствующего католичества и организовать религиозное воспитание и обучение в своих школах, предложив Церкви принять в нем под контролем государства

¹ Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России. М., Русская книга, 1992, с.385.

² Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев// Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., Наука, 1993. ,с.302.

³ Исаев И.А. Утописты или провидцы?//Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России. М., Русская книга, 1992, с.19.

⁴ Флоровский Г.В. Евразийский соблазн./ Полюса евразийства // Новый мир. 1991. № 1.,1991, с.208.

добровольное участие...». Или другой пример: «государство может в видах охранения свободы и самобытности развития нехристианских исповеданий воспретить всякую Православную миссию и благовестие среди иноверцев и сектантов и потребовать молчания Церкви о своих действиях в пользу ислама или буддизма как некоего «потенциального Православия»¹.

Та абсолютная «симфоничность», о которой говорит евразийство, - считает П.М. Бицилли, - та гармонически целостная «культуро-личность» которая им рисуется в идеале, была бы государством-церковью, античным государством, где «religio» было бы только супранатуральной связью частей целого, целью и только супранатуральной санкцией государственных отношений. Тогда вопрос о разграничении сфер государства и церкви был столь же невозможным, столь же лишенным смысла, как...о разграничении сфер государства и суда, государства и армии².

А.М. ДОРОЖКИН

О РЕЛИГИОЗНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И УМЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ

Любому человеку в ходе жизнедеятельности приходится решать какие-то проблемы, называть какие-то доводы неверными, классифицировать определенные знания как заблуждения, признавать что-то за истину. Все это и многое другое обусловлено принятием этим человеком определенного мировоззрения. Приобретая и используя мировоззренческие ориентиры человек и определяется как «человек разумный», то есть наделенный умом.

Разделение мыслителей по типу мировоззрений на первый взгляд может показаться и неверным, потому что во-первых в среде ученых немало верующих, а во-вторых священнослужители во все времена выдвигали из своей среды великолепных ученых. Н. Коперник, Н. Кузанский, П. Флоренский - список можно легко продолжить и он будет весьма велик. Все это так. Но мы все же обратим внимание не на яркие исключения, но на типичного представителя духовенства в обязанности которого, прежде всего, вменяется забота о духовном здоровье своих прихожан, а уж изыскания в об-

¹ Флоровский Г.В. Евразийский соблазн./ Полюса евразийства // Новый мир. 1991. № 1, 1991, с. 208.

² Бицилли П.М. Два лика евразийства// Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., Наука, 1993. С. 24-35.

ласти науки являются совсем не обязательными и даже в определенной мере нежелательными, поскольку они могут отвлекать от непосредственной цели.

Короче говоря, под умом священнослужителя мы будем понимать его типичную манеру размышлять. Мы полагаем, что она должна как-то выделяться, то есть отличаться от манеры мыслить, допустим, ученого – естествоиспытателя, или, скажем, экономиста. Отличие заключается, по нашему мнению, в том, что мышление ученого направлено на открытие чего-то нового. А если это будет принципиально новое, оценка манеры мышления добывающегося таких результатов будет только выше.

Данную работу можно было бы назвать «Ум священнослужителя», по аналогии с известной работой Теплова.

С нашей точки зрения раскрыть определенные аспекты стиля мышления священнослужителя можно в ходе обсуждения довольно распространенных ныне тем, обсуждаемых в философии: темы рациональности и темы специфики гуманитарного знания.

Проблема рациональности религиозного мировоззрения, по нашему мнению, - это тема довольно обширного исследования, а возможно даже и не одного. Мы же здесь собираемся лишь наметить общие и весьма приблизительные шаги возможных размышлений по этому поводу. Разумеется, было бы ошибкой попытаться выявить особенности рациональности в религиозном знании с позиций абсолютной независимости от чего бы то ни было, то есть полностью объективно. О рациональности религиозных знаний мы будем рассуждать с позиций философии, то есть с позиций философской рациональности. При этом, однако мы будем иметь в виду относительную независимость этих мировоззрений и их равнозначность. Такое замечание необходимо сделать чтобы избежать сформированное в средних веках мнение о субординационных отношениях между философией и религией. Мы имеем в виду известное выражение Оригена «Философия - служанка богословия».

Существует мнение о том, что в религиозном знании вообще мало рационального. Такое мнение обосновывается заявлением о том что понимающий разум в религии играет подчиненную роль. Акт познания здесь основан не столько на правилах разума, сколько на нравственно - этических нормах. В силу этого, отмечается, что философское познание опирается на научный опыт, на общезначимые, то есть признанные философские и научные концепции, но самое главное в философии - это возможность подвергать

сомнению практически все. Религиозное же знание при своем построении опирается на традиции, в большей степени на внутренний а не на внешний опыт. А главное - авторитет священных книг. Религиозное мировоззрение основано на непререкаемом авторитете сверхестественного, на эмоциональную веру в существование этого сверхестественного, которое считается непознаваемым для человека, - точнее, - не поддающегося рациональному объяснению. В работе «Философия в вопросах и ответах под ред. А.П. Алексеева и Л.Е. Яковлевой М., 2007 с.10» дается на наш взгляд довольно интересное отличие философского знания от религиозного: «В философии всегда происходит движение от одного вопроса к другому, а ответ на эти вопросы не только не задан, а зачастую недостижим. В религии же происходит движение верующего от ответа к ответу, сопровождаемое заветом на критическое переосмысление «последних вопросов»...

Означает ли все вышеотмеченное, что в религиозном знании, с точки зрения философского, напрочь отсутствует рациональность? Для того, чтобы ответить на это вопрос необходимо познакомиться с тем, что в философии считается рациональным. При этом необходимо отличать научную классическую рациональность от философской. Ныне в поисках основных характеристик новой неклассической рациональности, предложено довольно большое количество различных его видов. Все они, в основном призваны сформировать новую неклассическую рациональность, в противоположность классической. Последнюю предложили в свое время позитивисты в качестве основной характеристики научности знания. Такая задача не была выполнена, да и не могла быть выполнена в силу предельно упрощенного представления о научном знании и рациональности знания вообще. Нам нет необходимости в рамках данной небольшой работы перечислять, а тем более содержательно анализировать все эти виды. Здесь мы рискнем сделать лишь общее замечание по поводу общего признака их объединяющего: все они в качестве источника формирования имеют не столько философские, сколько научные знания, или, в лучшем случае синтез философии и науки. Но тогда даже если мы признаем все эти виды рациональности правомерными, нам пришлось бы характеризовать религиозное знание не с позиций философского, а с позиций научного. Конечно, такое также возможно, но в данной работе мы задались целью рассмотреть особенности религиозной рациональности с точки зрения философии а не науки.

Если же говорить о философской рациональности и при этом опираться на традиции западно-европейского философствования, то на наш взгляд можно выделить две формы философской рациональности. Условно назовем их гегелевской и декартовской или кантовской рациональностями. Кратко рассмотрим эти типы рациональности.

Каким типом рациональности в большей мере будет пользоваться религиозный ум? С одной стороны, рациональность внешнего мира должна быть признана хотя бы в силу того, что он сотворен. Но с другой стороны внешний мир слоя религиозного сознания как бы двойственен. Есть природа сотворенная. Но есть и природа творящая, то есть бог, и сущность его непознаваема, то есть не объяснима в терминах философской рациональности. Таким образом, признавая внешний сотворенный мир рациональным независимо от человека то есть рациональным по-гегелевски, для творящего мира религиозный мир должен, по нашему разумению, использовать декартовскую модель философской рациональности. Различные толкования священного писания и есть рационализация особенностей этого внешнего мира. Религиозный ум синтезирует две философские модели рациональности.

В дополнение к вышесказанному хотелось бы отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Леви-Брюль в своем исследовании мифологического сознания показал (К. Леви-Брюль. «Первобытное мышление»), что коллективное сознание обладает иной рациональностью, нежели индивидуальное. А при смешении индивидуального и коллективного сознания, коллективное чаще всего пользуется большим приоритетом. Поэтому индивидуум, когда он оказывается сопричастным к коллективу чувствует, что у него просто нет вариантов в поведенческих реакциях, кроме как подчиниться обществу. То же самое справедливо и относительно к сознанию. Коллективное сознание с его рациональностью накладывается на индивидуальную рациональность и доминирует над ней.

В данной работе мне хотелось бы в последующих рассуждениях занять промежуточное положение между работами, посвященными темам обозначенным в названии. Когда говорят и пишут о священнослужителях и делу которому они служат, чаще всего обозначается тема, полностью совпадающая с названием нашей конференции. И здесь еще раз хотелось бы подчеркнуть не столько значимость ее, сколько трудность обсуждения. Ведь когда речь заходит о роли и значении религии в современной жизни, по боль-

шому счету обговордвать приходится непонятно что. Конечно, можно рассматривать вопрос о значении религии в истории. При этом возможно, будут исправлены некоторые ошибки, в основном связанные с завышением или занижением роли религии в развитии того или иного фрагмента истории. Однако такую цель может удовлетворить конференция по истории, но не философскую конференцию. Представители религиозных конфессий при обговордении темы о значении религии в жизни общества просто обязаны говорить о большом ее значении и при этом, наверняка, используют множество примеров подтверждающих это большое значение. Возможно, они будут правы, потому что священнослужители знают свой предмет много лучше, чем все остальные. К этому их обязывает профессия. Но что при этом делать философам? Заниматься апологетикой религиозного мировоззрения и при этом выискивать дополнительные факты в поддержку высокого значения религии? С моей точки зрения, это не очень достойная роль для философа. Кроме этого, представители религиозного мировоззрения, зная более полно и глубоко все, что связано с религией, скорее всего не упустят ничего важного из факторов, подтверждающих основной тезис, и поэтому философская апологетика будет выглядеть просто слабой. Короче говоря, при таком деле, философия будет выполнять роль служанки богословия и не более. Разумеется, при этом, как и в средние века определенные положительные результаты от такой деятельности (деятельности в роли служанки богословия) будут получены, однако, по нашему мнению не только для философии, но и для религии такое взаимоотношение не является желаемым.

Научное гуманитарное знание - не единственная форма гуманитарного знания: религия, искусство, миф и др. - это тоже гуманитарное знание, только не научное. Научное гуманитарное знание, как и любое научное, подчиняется определенным методологическим нормам. При этом, разумеется, такие нормы, при всей их общности, определяемой научностью, все же имеют различия, обусловленные спецификой научного знания - прежде всего делением последнего на естественные, гуманитарные, технические, математические и т.д. Исходя из вышеотмеченного, интересно было бы узнать:

а) присущи ли какие – либо нормы, не научным формам гуманитарного знания?

б) не являются ли такие нормы, если они есть более значимыми для выявления характеристики гуманитарности, нежели научности, или по другому, не является ли «гуманитарное родство»

научных и не научных знаний, более важным для гуманитарного научного знания, нежели то, что связывает знания как научные?

Для ответа на эти вопросы, необходимо выяснить вопрос о степени разработанности проблемы специфики гуманитарного знания. В литературе по этому поводу отмечается, в целом, следующее: В философии и методологии науки довольно длительное время господствовала тенденция представлять науку одним естествознанием. При этом гуманитарные науки испытывают давление со стороны критериев научности естествознания. Эти критерии предполагают радикальную элиминацию из процедур познания субъекта, возможность описывать объект исследования математическими формулами, а также повсеместное использование мысленного эксперимента. Такая тенденция ныне ничем не может быть оправдана. Ныне познавательные и ценностные характеристики полагаются едиными, проблемы свободы и ответственности человека относятся не только к сфере материальной и социальной но и познавательной деятельности. Впрочем, перечисление причин актуальности гуманитарного познания а также его несхожести с естественнонаучным ныне практически очевидны и не нуждаются в подробном анализе. Однако, простая фиксация неодинаковости этих типов познания еще не гарантирует понимание особенностей гуманитарного знания. Поэтому Дильтей еще в XIX веке, в своей знаменитой работе «Введение наук о духе», связывал трудности немецкой исторической школы со стремлением опираясь на чисто эмпирические методы исследования построить «самостоятельную систему наук о духе», то есть гуманитарных наук. Дильтея не удовлетворяла также причинно – следственная модель познания, из которой был исключен человек. Кроме этого для наук о духе не подходит линейная схема построения систем знания, где главными считались простые индуктивные или дедуктивные цепочки связей элементов знания. Для решения отмеченных и других проблем несхожести гуманитарного и естественнонаучного путей построения знаний в XX веке были предложены ряд подходов: структуралистский, постструктуралистский, деконструктивистский, постмодернистский и др. Исследования имели лингвистическую окраску и опирались на понятие структуры. Довольно значительный вклад в решение проблемы специфики гуманитарного знания внес отечественный исследователь М.М. Бах-

тин¹. Однако значительное число вопросов остается до сих пор неразрешимым. В данной небольшой работе мы, естественно, не можем преследовать цель выявления специфики гуманитарного знания в полном объеме, однако, для решения конкретно поставленной задачи, определенные представления о такой специфике мы должны получить. Для этого мы воспользуемся широко известной концепцией методологии «наук о культуре» М. Вебера. Однако, в силу того, что свои взгляды на эту тему Вебер излагал фрагментарно и главным образом, в полемических контекстах критических разборов работ своих современников, налицо серьезные препятствия в реконструкции его взглядов. Поэтому, не смотря на известность этой концепции, поводов для рассуждений относительно специфики гуманитарного познания еще предостаточно.

Исследователи отмечают, что в веберовской методологии гуманитарного познания можно выделить пять основных частей:

- концепцию конструирования предметов гуманитарного познания;
- концепцию образования понятий (концептуализацию) гуманитарного знания;
- концепцию объяснения;
- концепцию понимания;
- концепцию методологического индивидуализма.

В настоящей работе нас прежде всего будут интересовать концепция конструирования предметов познания и концепция объяснения.

В концепции конструирования предметов гуманитарного познания, М. Вебер использует рассуждения по этому же поводу Г. Риккерта. Согласно Г. Риккертту определенный фрагмент действительности становится предметом гуманитарного познания тогда, когда он соотносится с определенной ценностью, то есть признается «культурно значимым». Он подчеркивал различия между субъективными оценками эмпирического субъекта и «отнесения к ценности» как всеобщие значимые регулятивные идеи разума, субъектом которого является уже не эмпирический, а трансцендентальный субъект. В результате «отнесения к ценностям» очерчивается круг достойных гуманитарного познания объектов. При этом в связи с философией трансцендентального субъекта процедура формирования объекта

¹ Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук.// Собр. соч. т.7. М., 1966.

гуманитарного познания приобретает нормативную оценку, то есть кроме формирования так сказать «достойного объекта» исследования появляется возможность критики культурные и иные (допустим научные или конфессионально – религиозные) ценности или вкусы своей среды и своего времени. М. Вебер, так же как и Г. Риккерт, также проводит отличие между субъективными оценками и «отнесением к ценностям». Но, в последних, он усматривает не реализации универсальных идей разума трансцендентального субъекта, а проявление исторически конкретного «интереса эпохи», то есть конкретной культуры конкретного сообщества. То есть если для Г. Риккерта различие человеческих оценок и «отнесений к ценностям» есть различие субъективных и в определенном смысле объективных характеристик, то для Вебера такое же различие есть различие между субъективными и интерсубъективными характеристиками. Это же справедливо и в отношении к категории истины. Для Риккерта истина гуманитарного знания есть истина имеющая объективное значение, для Вебера гуманитарная истина не имеет смысла без «интереса эпохи». По-другому говоря, истина невозможна без определения важности или не важности знания для данной эпохи. У Г. Риккерта же важность некоторых знаний, определяемых как отнесенных к ценностям, не зависит от места и времени.

Веберовское изменение «интереса эпохи» представляет возможность для гуманитарного знания увеличиваться не только количественно но высказывать новые точки зрения на уже известные вещи и тем самым как бы начинать время от времени исследование заново. В риккертской трактовке объекта гуманитарного знания такое невозможно. Но в таком случае мы можем получить у Вебера «обрыв традиций», его гуманитарные знания могут представляться цепочкой несвязанных друг с другом элементов. Для того, чтобы этого не случилось, Вебер предполагает, что вычлняя предметы гуманитарного познания, «интерес эпохи» не меняет процедуры исследования этих разных объектов. Методы познания определяются иными нормативами. Нормы и методы исследования объектов гуманитарного познания не зависят никак от исторически изменчивого «интереса эпохи». Это обстоятельство выражено в знаменитом веберовском требовании «свободы науки от оценочных суждений». Кроме этого он отграничивает сферы компетенции эмпирических гуманитарных наук и социальной философии: для эмпирических гуманитарных наук (прикладной социологии, например) ин-

терес эпохи - это данность, не подлежащая обсуждению, для социальной философии это область рефлексии.

Второй интересующий нас аспект концепции гуманитарного знания М. Вебера - это его трактовка объяснения. Вначале процедура объяснения представляется как общая для любого типа знания: прежде всего, конечно, естественнонаучного и гуманитарного. Объяснение есть общая процедура для естественнонаучного и гуманитарного знания в котором предметом объяснения выступают некоторые свойства объекта исследования. Объяснить такие свойства - это значит указать причины по которым эти свойства являются именно такими а не иными. Проблема определения причин состоит в обосновании причинной гипотезы, в которой два явления связываются как причина и следствие. При этом считается, что утверждать наличие причинно следственной связи между двумя явлениями можно в том случае, если допустимо предполагать, что в случае изменения (отсутствия) первого явления, наличествует объективная возможность изменения (отсутствия) другого явления. Например, если утверждается, что причиной положительной оценки студента на экзамене является наличие у него необходимых знаний, то это означает, что при отсутствии таких знаний, положительную оценку студент бы не получил. Хотя данная схема, как мы уже отмечали, является по Веберу одинаковой для всех типов знания, гуманитарное знание в процедурах объяснения обладает спецификой, имеющей прагматический характер. Это выражено у Вебера термином «причинное вменение». Сам термин и во многом концепция объяснения в гуманитарном знании заимствована Вебером у целой группы предшествующих ему работ немецких философов, исследующих деятельность историков. В основе этих работ лежит сравнение деятельности историка с работой судьи. Веберовский объект гуманитарного исследования - это аналог «преступления» в праве. Аналог «интереса эпохи» - юридическая норма, являющаяся основанием для идентификации некоторого события как преступления.

О.Н. СКОРЮКОВ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПАРАДИГМЫ МЫШЛЕНИЯ КАК СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Одной из активно развивающихся областей в философии последнего времени, включая философски релевантные работы, проводимые под

другими рубриками, является философия сознания, включая имеющие отношение к философии исследования по когнитивной науке, когнитивной психологии и когнитивной нейронауке. В некоторых направлениях когнитивную науку практически невозможно отграничить от компьютерной науки, особенно от исследований по искусственному интеллекту. Исследования во всех этих областях столь богаты и столь разнообразны, что трудно провести четкую классификацию различных исследовательских традиций, не говоря уже о том, чтобы оценить их обширные результаты и будущие перспективы¹.

Ранее, образцовым примером рационального мышления считался логический вывод. Возникновение новой «символической» логики в конце девятнадцатого столетия основывалось на том, что правила такого вывода можно представить чисто символическими (формальными, синтаксическими) средствами. Это привело к идее, что мы можем думать о всех человеческих когнитивных операциях в терминах манипулирования символами подходящей системы представления. Одним из воплощений этой идеи является использование таких понятий, как «язык мышления». Именно эта идея символической логики помогла вдохновить первоначальное развитие электронных компьютеров.

Однако высказывание или умозаключение не может быть полностью представлено чисто символическими средствами. Наглядным примером служит следствие знаменитой теоремы Курта Гёделя, доказывающей неполноту элементарной арифметики. Если эта теорема демонстрирует ограниченность логики в математике, свидетельствует ли это об ограниченности человеческого разума вообще? Результат Гёделя позволяет воспринимать все истины элементарной арифметики как логические следствия соответствующих аксиом. Он показывает только, что цифровой автомат не может механически перечислить все эти истины. Можно, например, представить все истины элементарной арифметики как логические следствия соответствующих логических аксиом, но невозможно так запрограммировать компьютер, чтобы он последовательно, одно за другим, вывел все эти следствия. Таким образом, теорема Гёделя ограничивает только тотальную формализацию мышления. Она убедительно показывает несводимость мышления к логике, принципиальную неформализуемость разума, необходимость интуиции.

Как подчеркивает А.Н. Паршин в своей работе «Размышления над теоремой Гёделя», теорема Гёделя есть фундаментальный философский

¹Хинтика Я. Философские исследования: проблемы и перспективы // Вопросы философии, №7, 2011, с. 7.

факт, говорящий о каком-то глубинном свойстве мышления и указывающий на существование подвижной границы между формальным и интуитивным везде, в частности в самой математике, причем эта граница «устанавливается каждый раз заново в каждом новом акте познания»¹. Интересно отметить, что зачастую акт обретения нового совершается мгновенно (именно так человек учится плавать и кататься на велосипеде). Кроме того, надо сказать, что в квантовой физике имеется методологически аналогичный результат – это теорема фон Неймана о невозможности введения скрытых параметров, которые позволили бы свести квантовые системы к системам классической механики. Многие из того, что называют когнитивной наукой, на практике состоит в компьютерном моделировании различных когнитивных процессов. Однако от таких исследований нельзя ждать, что они дадут полное и исчерпывающее объяснение возможностям человеческого мышления.

Существующую проблемную ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: построение моделей (сценариев) мыслительного процесса отчасти может производиться символически, но тогда встает вопрос о правилах, которыми должна руководствоваться такая интерпретация. Логическое рассуждение, как и вообще использование языка, – целенаправленный процесс, который может быть концептуализирован в терминах теории игр. В любой игре (в теоретическом смысле этого слова) можно различать *определяющие правила* о том, какие «ходы» можно делать в данной игре, и *стратегические правила*, или принципы, облегчающие достижение целей «игроков». Правила, управляющие мыслительным процессом неизбежно стратегические, и не могут быть сведены к определяющим.

Данное различие проливает свет и на другие вопросы. Например: является ли человеческий разум (или, лучше, может ли он быть смоделирован) цифровым компьютером? В популярной форме этот вопрос звучит как «может ли компьютер мыслить»? Если мыслить значит следовать определяющим правилам, ответ тривиально утвердительный. Но совершенно другой вопрос, в какой мере можно считать, что компьютеры способны овладеть стратегическими правилами, например, способностью самим формировать стратегии и изменять их в свете полученного опыта. Например, частичный успех шахматных компьютеров в игре с гроссмейстерами – это не аргумент против превосходства «компьютерного интеллекта», а следствие быстрого действия компьютерных программ.

¹ Паршин А.Н. Размышления над теоремой Геделя // Вопросы философии, №6, 2000, с. 97.

В шахматных терминах, у компьютеров в миллионы раз больше времени на обдумывание, чем у игроков-людей. Тот факт, что несмотря на это преимущество они не так уж превосходят лучших шахматистов, показывает, что их стратегические способности минимальны.

Эти критические замечания не бросают тень на когнитивную нейронауку, наоборот это дает возможность с новых позиций взглянуть на традиционные философские проблемы, в частности, проблемы феноменологии. Например, различие между системой «что» и системой «где» в зрительном познании можно представить как различие между двумя способами идентификации в логической семантике.

Огромное значение данные когнитивной нейронауки могут иметь и для философии языка, они позволят расширить поле научных исследований. Как известно, в философии языка имело место тесное сотрудничество между лингвистическими и логическими исследованиями. Однако философская релевантность работы лингвистов, как правило, ограничивалась стратегией подхода к семантическим явлениям через их синтаксические проявления, что значительно сужало поле исследований.

Синтактика изучает отношения между знаками, семантика – отношения знаков к тому, что они обозначают, а прагматика рассматривает отношения знаков к человеку, пользующемуся языком. Как подчеркивает Ю.С.Степанов, «изучение языка в лингвистике, его осмысление в философии, его освоение в искусстве слова – более или менее одновременно и параллельно во всех этих областях – направляются также по трем названным осям»¹, т.е. синтактике, семантике и прагматике. С точки зрения прагматики важно также учитывать второго участника процесса коммуникации – слушающего или читающего, для которого и предназначено высказывание. Понятно, что для того, чтобы понять контекст определенного речевого события, его коммуникативную роль в составе общего повествования, говорящий и слушающий, пишущий и читающий должны обладать общими фоновыми знаниями, которые включают не только собственно языковые знания, но и сведения исторического, культурного, социального характера. Это особенно важно для понимания текстов художественной литературы.

Как и любая игра, язык предполагает определенную систему правил, в следовании которым и заключается лингвистическое поведение носителей языка. Поскольку мы употребляем язык с различными намерениями – приказываем, спрашиваем, повествуем и т.д., постольку наше речевое поведение очень многообразно, то есть актуализируется во

¹ Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985, с. 3.

множестве различных языковых игр. И каждая такая лингвистическая практика имеет свою особую «глубинную грамматику». Следовательно, естественный язык расчленен на множество различных языковых фрагментов, имеющих свою внутреннюю логику, более или менее изолированную от грамматик других лингвистических практик.

Таким образом, символический характер познавательной деятельности человека предполагает его собственную не артикулируемую систему знаний, которой он пользуется в течение всей жизни в культуре и межкультурном взаимодействии. Высказывание нельзя представить чисто символическими средствами. Поэтому все модели искусственного интеллекта, подражающего интеллекту естественному, сталкиваются с непреодолимой границей отсутствия адекватных символических средств для передачи контекстуальной (фоновой), сущностной составляющей высказывания. Это служит убедительным доказательством не сводимости мышления к логике, принципиальной неформализуемости разума, решающей роли интуиции в познавательном процессе.

РАЗДЕЛ 4.

ФУТУРОЛОГИЯ. НОВАЦИИ И ИННОВАЦИИ В НАУКЕ

Н.Б. ГОДЗЬ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФУТУРОЛОГИЯ КАК ВИДЕНИЕ БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

В первую очередь мы видим необходимость анализа роста и развития представлений в научной среде относительно понятия футурология. Научная и научно-популярная литература, исследования в области экономики в разных странах, будучи привязанными к проблемам исследования перспектив видения будущего, используют чаще разные термины – для западных исследований характерно использование термина «футурология», в советский период в литературе использовали термин «прогнозирование» и «прогностика». Сейчас наблюдается использование

всех вышеназванных терминов в соответствующей научной литературе. Вопросы, связанные с понятийной нагрузкой и возможностями данных терминов мы выносим за пределы данного материала, акцентируя внимание на принятии того факта, что эти термины не могут быть вполне равноценными и синонимичными, поскольку несут различные смысловые нагрузки. Это, на наш взгляд следует учитывать в исследованиях при их использовании.

Данной работой мы выполняем две главные задачи – во-первых, продолжаем вводить, разрабатывать и апробировать понятие, для которого предложили авторское название «Экологическая футурология» (см., напр. работы и др. авторские публикации). С помощью его использования на наш взгляд, мы не только осмысливаем состояние экологии и экологической среды, но и приобретаем возможность создания нового исследовательского пространства, в котором можно анализировать не только с позиций философского, универсального метода исследования состояния современного природно-техногенного сообщества, но и с позиций частных наук. Понятием экологическая футурология мы предлагаем в глобальном плане разрабатывать, наполнять семантическим смыслом, моделями практической реализации и практическим претворением в действительность, реализацию перспектив развития человечества в будущем. Во-вторых, мы поднимаем вопрос необходимости внутреннего расширения и теоретического исследования феномена футурологических проектов, осознания развития и соответственно, разделения понятия футурология на внутренние сегменты.

Мы отмечаем, что в научном сообществе уже курсирует наряду с понятием футурология, понятие ретрофутурология (как система взглядов на будущее в прошлые эпохи). Но данное разделение исследовательского поля уже не может описать все возможности футурологии. Мы предлагаем научному сообществу провести разграничение экологической футурологии от «просто» футурологии. Также, по нашему мнению, это не заключительный вариант членения и систематизации футурологического знания и собственно футурологии, как отрасли научного знания. На наш взгляд, отличие заключается в том, что первоначально футурология в основании своём воспринималась как реализация технопроектов, и, естественно, она на таком уровне есть результат техномышления и техноментальности. Также исследовательское поле данной дисциплины стали привязывать к социологической направленности, экономической, а, следовательно - она помимо всего прочего, стала восприниматься и в социально-политическом контексте. Таким образом, футурология все дальше и дальше стала уходить от «живого», реального чело-

века, реальной природы и природных, социоприродных сообществ и даже дальше от феномена, которым обозначают в социальной философии человечество, а именно «постчеловечество». Такая футурология, безусловно, тоже необходима - хотя бы исходя из того, что нам становится видимым то, что мы еще утрачиваем в себе «природном» и естественном. Но в первую очередь, следует обратить внимание на принятие того факта, что наше представление о данном предмете заключается в том, что предлагаемая нами экологическая футурология помимо всего прочего, создает проект видения стратегического реагирования и мышления не столько «в будущем», сколько «на будущее». Таким видением и пониманием задач экологической футурологии помимо всего прочего, мы тем самым разрабатываем и будем нарабатывать информацию для теоретической и ментальной «перемычки» между настоящим и будущим. Таким образом, становится более конкретным возобновление на уровне биофилософии, на уровне естествознания и натурфилософии (и старом ее понимании, и в новых транскрипциях термина) рассмотрения вопросов симбиоза, конфедерации в выживании между естественным, природным и созданным человечеством производством, эволюционированием и развитием теоретического и прикладного знания. Просим учесть в этом плане не только технопроекты и не только химические технологии. Исследования в подобном проблемном поле проводятся как в российском, так и в украинском научном сообществе, . По нашему мнению, термин экологическая футурология не только поможет реализовать на новом ментальном уровне более конкретный тип общественного мировоззрения, который в свою очередь, опираясь на биологические, и собственно экологические (в самом основном, главном функционировании науки экологии) знания в его широком спектре будет активно формировать соответствующую картину мира. Данный термин сможет более конкретно оформить понятие стратегии многих отраслей науки, которые тем или иным образом связаны с социальными, техническими и природными системами. Идеи В.И. Вернадского, Н.И. Вавилова, К.Э Циолковского, М.-Ж.П. Тейяра де Шардена снова будут приближены к их практическому воплощению, но уже без искажения техномышлением (мы имеем в виду современный потребительский его вариант, вариант мышления человека-одногодневки, которому нужно все «сегодня и сейчас»).

Рассматривая вопрос взаимоотношения человека с природой, О.В. Коннов подходит к рассмотрению онтологического статуса экологической проблемы. Ссылаясь на В.А. Кутырева он отмечает у данного автора три логичные парадигмы взаимоотношений с природой – наблюдение (молчание), деятельность (проговаривание), общение (диалог). рассмат-

ривая метафизические предпосылки и членение на типы взаимодействия человека и природы О.В. Коннов прослеживает форму онтологической интенции взаимоотношений человечества с природой. Используя идеи Н. Гартмана, М. Хайдеггера и рассматривая этапы эволюционирования философской мысли этот автор предлагает выделить четыре действующих модели взаимодействия человека с природой: наблюдение (как приспособление к действительности), превращение (с активным, преобразующим все вокруг индивидом, но в то же время ограниченным авторитетом Творца, т.е. религиозных канонов), действие (в рамках данной парадигмы человек ничем не ограничен, воля его автономна) и уничтожение (которое в отличие от предыдущей фазы – деятельности – не пытается рационально использовать природу). Ссылаясь на исследования В.А. Малахова он отмечает, что онтологический характер взаимоотношений и влияния человека на природу, несмотря на все попытки транслирования «добра» по отношению к природному терпят крах в силу отсутствия позитивных основ взаимодействия и развития конструктивных идей, в том числе и в искусстве. Искусство XX столетия, как утверждает данный исследователь (от себя добавим, что за первое десятилетие нынешнего столетия также ничего нового не сформировалось в этом плане) сосредоточилось на модели агрессивного мироустройства. Причем агрессивного по отношению к человеку в первую очередь, таким образом, прослеживается линия, характерная искусству авангарда (с его столетней историей, а следовательно, с его устарелыми концепциями) . Это рассуждение подводит нас к выводам относительно необходимости проведения исследования не только с характером прогностическо – моделирующего действительность, но и с попыткой осмысления и соответствующего моделирования стратегий поведения на уровне общественного сознания (например, в плане этических составляющих) Данный автор описывает морально-ценностные основы экологической культуры в первую очередь начиная с вопроса рассмотрения экологической аксиологии, способов изучения природы

Прогнозы по нашему мнению, как и построение моделей будущего (от узкого, до широкого контекста) имеют одно важное и неприятное свойство – это всегда идеальное построение, в котором реализуется не только индивидуальное, но и общественное желание реализации некоего материального или духовного «блага». Это одно из самых слабых мест футурологии, где реализуется подмена действительного желаемым. Основная мечта, которая движет интеллектуально-теоретическую и техническо-реализующую мысль человечества – это желание освобождения от бремени физического труда и мотивация на приобретение свободы и

власти не только над природой, но и над своей телесной беспомощностью и конечностью. С античности, физический труд символизировал рабский статус его исполнителя. Только с середины XIX века среди интеллектуалов - ученых и писателей (чему служит также и исследование их переписки) начало возрождаться эстетическое наслаждение физическим трудом, например, «для забавы» (вспомним, хотя бы сельскохозяйственные увлечения графа Л. Толстого).

Стремление преобразовывать природу с целью собственного «освобождения» создало феномен, который чуть не проглядели исследователи – а именно что делать с этой «свободой»? Сегодняшняя дестабилизация, саморазрушение, которое происходит в рядах молодого и среднего поколения – показатель того, что в футурологических проектах описывается общая техническая, потребительская модели из которых выскальзывает живой, конкретный индивид с его потребностью поиска и реализации. Исчезает личность с её потребностью к межличностному общению, практическому труду.

Зачастую, рассуждая относительно технических аспектов коммуникации и улучшения механизмов, обеспечивающих ее, исследователи проводят разработки относительно улучшения потока информации и скорости ее приема-передачи. Здесь идет работа на уровне механизмов, систем (в том числе и «антропоидных систем» - общества). Следует обратить внимание, что в вышеуказанном примере социальная инженерия абсолютно игнорирует и оставляет в стороне вопрос решения «живого» творческого и интеллектуального общения, его важность для становления человека как полноценной личности, т.е. вопрос коммуникации человека с человеком, человека с окружающей средой. Вне научно-исследовательских интересов определенным образом остается анализ и такого интересного феномена, как автономное (или отчасти автономное) «коммуницирование» техники (как производственных систем) с природой. Можно сказать, что ни на теоретическом уровне, ни на практическом уровне в сегодняшнем контексте уже существующих проблем не решается эта проблема ни на уровне педагогики, ни в соответствующем объеме на уровне философской рефлексии. Рассуждая про автономное (или отчасти автономное) «коммуницирование» техники (как производственных систем), вероятно, подводит нас ближе к кругу вопросов инженерной психологии и урбанистике, экологии урбанистики, что заставит нас в дальнейшем продолжать исследования «обратного эффекта коммуникации» природы с этими системами.

Футурология сегодня интересуется социологов, экономистов, финансистов, политиков. Эффектом прогнозирования в самом широком плане

активно пользуются писатели-фантасты (они-то и есть зачастую «первопроходцы» интеллектуальной и художественно – образной мысли). Но все это по отдельности не заменяет основной задачи, перед которой стоит человечество - это не раскрывает содержания вопроса о смысле человеческого существования, как на индивидуальном, так и на надындивидуальном и общественном уровнях. Вышеописанные профессии и социальные институты не дают пока целостности в понимании перспектив и путей движения той же науки. Философия, наверное, единственная, кто ближе всех стоит к осознанию проблемы понимания взаимосвязи сегодняшнего и прошлого, а также единственная, кто справедливо отмечает отсутствие не столько решения вопроса смысла существования человека (который в принципе решить – значит уже закончить личное существование и существование всего человечества), как вопроса правильности приоритетов в философской рефлексии по этому поводу. Сегодня нас скорее должна волновать проблема угасания исследовательской заинтересованности в данной области исследований. Философия и философское знание обладает характеристиками универсальности, следовательно, философские методы исследования плодотворно используют более частные дисциплины в науке. Напомним, что науку помимо прочего, определяют как знание и как систему методов. Для философского знания наука поставляет в виде сформированных научных знаний где обработанную фактическую информацию накапливают с помощью научного метода. При этом справедливо наблюдение, что «Наука едва ли не целиком есть результат интеллектуальной любознательности» A.N. Whitehead .

Рассмотрение «эффекта будущего» легче провести исходя из позиций моделирования, нежели со способа предугадывания перспектив и потребностей. Исследование перспектив и потребностей заводит человеческую прогностическую мысль на более примитивные, а именно потребительские уровни оценивания реализации технологий и производства, образования и медицины будущего. Следом за Теобальдом Вернером мы отметим ошибочность и опасность превращения всей системы экологического знания, экологии в «эрзац – религию»

Не отказываясь от существующей проблемы «мистификации» знания мы следом за другими авторами подчеркиваем проблему возникающего отрицательного эффекта подмены целей и задач предмета экологии, которое вводит научную полемику в область отвлеченного. Но вслед за другими учеными, мы придерживаемся идеи, что успех науки зависит от постоянного исследования основ мироздания и процессов, объединяющих все существующее. В таком случае вся научная работа

есть продолжение уже сделанных наблюдений, это в какой – то мере (пусть и в небольшом количестве) действительно по нашему мнению и для прогностики, но вот для футурологического знания процесс «состыковки» старых и новых знаний, старых и новых моделей проходит значительно проблематичнее. Футурология зачастую вторгается в те области, которые даже в языковом плане еще не «проговорены», это область, фантазий, мечтаний, предположений и неосознанных желаний. Это область, которую мы условно можем назвать как область «непроговоренного», но «уже внутренне помысленного» внутреннего духовного состояния как отдельного индивида, так и определенных социальных слоев населения.

Естественнонаучные знания зависят от научного метода. Естественным в научной работе есть соединение и продолжение определенных участков «старого» знания с новым. Но ученые призывают к правильному описанию научных фактов, проверяемости знаний; факты необходимо основывать на прямых или косвенных наблюдениях, следует соблюдать принцип соотнесенности результатов наблюдений и исследований, обработке качественных и количественных данных, проведении контрольных экспериментов. Даже на уровне рассмотрения биологических методов мы связаны не только с понятием «научный метод», но и с работами К. Поппера, А. Эйнштейна. Поскольку и биология (и ее отдельная дисциплина, а теперь даже мегадисциплина – экология) связаны с гипотезой, как научным предположением. Научное предположение выполняет в первую очередь две функции – объяснение определенных явлений и предсказание новых знаний. Напомним, что наблюдения, опровергающие эту гипотезу также позитивны, поскольку они стимулируют дальнейшие исследования и рабочая гипотеза дает новые варианты или подтверждаясь, превращается в теорию и даже в дальнейшем теория может приобрести статус закона

Теобальд Вернер отмечает наряду со склонностью к изменениям в окружающем мегаобществе привязанность человечества к концепту «Дикая природа», поскольку в развитых странах участки с нетронутым ландшафтом и биогеоценозами занимают приблизительно 1% территории, но «совершенно очевидно, что существует сильная потребность в сохранении этого остатка более или менее «нетронутой» (наполовину) самотождественной природы... Там, где возникают подобные экстремальные «ножницы», затрагивается, по-видимому, нечто экзистенциальное, фундаментальное, а это с самого начала являлось предметом философской рефлексии». Также данным автором отслеживается феномен, который присущ научному и общечеловеческому мышлению – идея того,

что «хорошо только то, к чему не прикоснулась человеческая рука» . При этом, как отмечает данный автор, к сожалению, не рассматривается вопрос - а почему человечеству столь необходимы эти образцы «чистой природы». Тем не менее, Теобальд Вернер справедливо указывает на наличие феномена зависимости рассмотрения концепта «Природа» от культуры, в которой происходит его анализ, поскольку и Плиний Старший, и «окрашенный духом романтизма эстетически – философский интерес к «индивидуальному характеру» ландшафта (Гумбольдт)...начало научных оценок в целях охраны природы, берущее свой исток около 1900 г.... Обе эти функции природы, и консервирующая и политическая нашли свое первое единое и всеобъемлющее регулирование в имперском законе об охране природы в 1935 г.... Энцесбергер указывает на то, что условия окружающей среды трудящихся в середине XIX в. были бы вполне достойны, говоря современным языком, «экологического рассмотрения» и ... ранее проблемы окружающей среды носили специфический классовый характер, в существенной мере они затрагивали рабочий класс в районах индустриальной концентрации, а кроме того, существовала стойкая вера в смысл и необходимость техники и экономического роста».

Экологическая футурология, не только как обслуживающий термин, но и как понятие, описывающее характеристики модели еще одного вида мировоззрения и качественно иной транскрипции модели картины мира на наш взгляд способна при правильном подходе вобрать в себя проблему обслуживания новых мегасистем научных дисциплин. Одной из мегадисциплин на нынешнем этапе предстает экология, как новый концепт не только биологического или химического знания, но и как отрасль нового научного знания. Новое научное знание, экологическое знание это такое знание - в котором свободно себя чувствуют математические методы подсчета и прогностики, прогнозирования; равноценно присутствуют технические процессы и промышленное производство. В этом новом мире экологического знания не менее равноценно пересекаются юридические и политические интересы не только отдельного индивида, не только интересы отдельных классов (как это отмечал Теобальд Вернер, на что мы выше ссылались), но и интересы целых государств.

Придерживаясь концепции эволюционирования, в том числе и в первую очередь эволюции биологической, мы идем дальше и вслед за многими авторами, в том числе и за теми, на которых ссылается в своей энциклопедической статье И.П. Меркулов мы придерживаемся концепции не только эволюционирования знания как такового, но и направления в современной эпистемологии, которое определяется как эволюци-

онная эпистемология. Ссылаясь на работу, написанную и изданную в 1941 году К. Лоренцем «Кантовская концепция априори в свете современной биологии», которой автор выводит концепцию существования у животных и человека «врожденного знания» основанием и предпосылкой для которого существует врожденная организация нервной ткани и нервной системы И.П.Меркулов отмечает, что впервые термин Эволюционная эпистемология появляется только в 1974 году в работах американского философа и психолога Д. Кэмпбелла, посвященной философии К. Поппера . Экологическую футурологию можно рассматривать в прямом контексте эволюционной эпистемологии как прямое развитие не только экологического знания, но и как естественное продолжения развития эволюционных характеристик самого знания. Как мы уже отмечали, вопрос о цели и предназначении человека никогда не снимался с арены философских, научных и религиозных исследований. Но мы считаем, что развитие практического и теоретического знания детерминирует разнообразные процессы, в том числе и создает разные «прочтения» феномена Будущего, разные почтения и понимание задач Экологии как таковой.

Рассматривая феномен «Нового экологического знания», вернее нового прочтения старых истин относительно вечной связи человека с природой и зависимости человека от «природы своей природы» мы никуда не уйдем от двух проблем – проблемы реконструкции и анализа мифологического сознания, а следовательно и Мифа, как основы знания как такового (в том числе и про природу, процессы взаимосвязи и взаимоотношживания, происходящих в ней) и проблемы транскрипции языков (в том числе не только научного, но и художественного). Герменевтический анализ позволяет нам раскрывать смыслы и идти дальше в наших исследованиях. Наверное, это тот механизм, который позволяет «прокручивая» старое знание через систему этнического разнообразия, через разнообразные и разноуровневые механизмы даже внутри одного этноса, использовать все богатство метафор, символов и прочтения знаков именно с целью «глядения вперед». Ведь основной вопрос, который остается открытым для исследователей – это вопрос о механизмах нашего мышления, с помощью которых создается новое, ранее не существовавшее знание с теоретической позиции и создание действующих механизмов – с практической стороны.

Именно в контексте вышесказанного, мы должны обратить внимание еще раз на название статьи Теобальда Вернера. Изумительно, но автор дает нам возможность расширения поля исследования, развернутого в его статье – а именно анализа понимания не только опасности пре-

вращения экологического знания и экологии самой в новую религию (о чем на наш взгляд обязательно следует дискутировать, но уже в другом исследовании). Постепенное возвращение к дискутируемой проблеме в статье в связи с нашими исследованиями натолкнуло на необходимость анализа слова «эрзац» - слова, которое с немецкого в буквальном значении понимается как «замена» и при этом определяется как «неполноценный заменитель; то же, что суррогат» . Таким образом. Мы видим, что название и текст статьи доставляют нам два отдельных, но взаимосвязанных объема материала для работы с вопросами философии экологии. Строка названия статьи на наш взгляд, не менее информативна и продуктивна для исследователя, чем плоскость текста. Чтобы быть точным до конца, мы просмотрели и значение слова «суррогат» - с латинского это «поставленный вместо другого» - это «заменитель, обладающий лишь некоторыми свойствами заменяемого предмета, продукта» . Касаясь семантических аспектов языка, нам кажется, введи автор вместо слова «эрзац» - слово «суррогат», и мы бы получили не только иное прочтение и названия, но и целостное понимание всего материала статьи Теобальда Вернера. Действительно, если подходить к экологии как «эрзац - религии» (что, к сожалению уже давно наблюдается во многих слоях общества), то мы видим неполноценную замену как религии, так и предмета экологии, экологического знания. Вот почему мы готовы в какой-то мере воспринимать неоднозначное отношение к потребности ввода понятия «Экологическая футурология»; и вот почему мы боимся также чересчур поверхностного понимания внутреннего, структурного и семантического значения и самого понятия, и той области знания, которые оно может обслуживать, а также которые оно должно подготовить для дальнейшей теоретической и научной разработки, его наполняемости. Мы заранее приносим извинения за ссылки на свои работы (поскольку согласны, что другие авторы заслуживают большего внимания при изложении данной проблематики), но нас оправдывает стремление прорваться через сложности, связанные с мегаинформационными потоками и отстоять следующий вопрос – мы уже ранее отмечали важность именно философии в формировании нового экологического мировоззрения и в анализе состояния развития экологического знания .

Также в контексте философского анализа экологии и ее проблем как мегадисциплины, в контексте описания понятия «Экологическая футурология» мы в очередной раз подчеркиваем, что феномен будущего и экологического будущего зависит от многих факторов, в том числе и от развития культуры общества, и от социальных процессов, происходящих на уровне, как целой планеты, так и локальных ее участков. На послед-

ний фактор немалую роль оказывает уровень развития и поддержания производств, уровень существования промышленности и промышленных технологий.

Все, что связано с экологией идет дальше биологии, химии, медицины, педагогики, самой науки как таковой, военной техники, политики и экономики. Но в своих исследованиях мы с полной уверенностью выходим на проблему описания, т.е. на вопрос использования языка. В данном контексте, как нельзя ближе может быть использовано и далее развито, подвергнуто транскрипции, применению и практическому воплощению то, на что обращал внимание в своих теоретических работах такой известный писатель и мыслитель, как С. Лем, поскольку он описывая феномен фантастики и футурологии справедливо указывал на способность языка при описании действительности тонко дифференцироваться в первую очередь на тех областях, которые являются наиболее значимыми для каждой определенной эпохи и общества и если эти области бесследно исчезают под разрушительным действием времени, то и богатство языка утрачивает свою функциональность. В художественных произведениях «принцип творчества вовсе не обязан быть в непосредственной связи с тем, что показано в произведении...однако если мы приступим к исследованию более сложных форм, затруднена будет не только демонстрация их семантического интеграла и творческого принципа, но и результаты любых попыток подобного рода будут усложнены индетерминизмом: появится множество разных объяснений и генеративных реконструкций, образующих целый букет интерпретаций, который будет все время рассыпаться». Таким образом, описывая будущее, проектируя его и предполагая о нем, мы используем весь доступный нам на момент работы «инструмент» языка, но в то же время нам следует учитывать, что «На появление человеческих теорий, т.е. на рост объективного знания, тоже можно посмотреть как на процесс возникновения своего рода мутаций за пределами нашего тела, или как их называют, «экзосоматических мутаций». Теории в этом смысле (но не во всех смыслах) напоминают инструменты, так как инструменты – это в некотором роде экзосоматические органы» - о чем так блестяще говорил К.Поппер. Таким образом, видение будущего в контексте эволюционной эпистемологии также может рассматриваться как некая эволюция не только представлений, овеществленного практического материального инструментария человечества, но и эволюционирование языка, эволюционирование образов, создаваемых и поставляемых им, которые описывают не только реальность, но и «инореальность»- то, что в данной статье мы описыва-

ем как «запредельное видение» или как «запредельные потребности / мотивации» в движении фантазий человечества.

Знание на наш взгляд, можно описать как организм, который успешно может быть «живым» и «неживым», в зависимости от того, как мы его используем. Вероятно, в отношении к знанию мы не всегда можем избавиться от нашего антропоцентризма и стремления все и вся «оценивать». Поэтому говоря о перспективах использования и введения какого – либо понятия и термина, так или иначе, нам приходится учитывать и фактор оценивания, и фактор «полезности».

Возвращаясь к вопросу введения и обоснования перспектив понятия и термина «Экологическая футурология», который мы предлагаем ввести в научный оборот, мы специально подчеркнули разграничение его как понятия и как термина. В первую очередь, напомним, что «термин» с латинского есть «предел, граница» и является «точным обозначением определенного понятия, применяемого в науке, технике, искусстве» . Также, в древнеримской мифологии Термин - это бог, охранитель границ, который почитался в виде межевого камня . Таким образом, определяя экологическую футурологию как новый термин, мы более четко выводим посреди вопросов, связанных с экологией, биологией, экономикой, философией не только точное определение понятия, но также, что не менее важно, закладываем границы исследования, область заполнения научными данными, которые, несомненно, будут в дальнейшем заполняться теориями, данными и практическими разработками. Какие бы ни давали определения общей тенденции развития человечества, перспектив и ожиданий – тем не менее, это в большей мере звучит как пожелания и предположения. Каждая отрасль практического и теоретического знания, технологии, производство и образование, педагогика и медицина работают в собственных исследовательских полях. Экологическая футурология представляет в таком случае общую стратегию, единую концепцию, в рамках которой легче связывать теорию и практику. Недаром, В. Канке отмечал, что «Естествознание, выражающее отношение людей к природе, оперирует понятиями, а философия природы метапонятиями...Метапонятия и метакатегории называются в философии категориями. При этом он также уточняет, что «понятие результат обобщения, выделения общих признаков изучаемых явлений, позволяющий отличать эти явления от других» . Вся научно – исследовательская деятельность конечной целью имеет поиск истины - так или иначе, но ценностно окрашена. Через понятия, наша мысль с помощью языка способна закреплять нашу деятельность. Таким образом, подходя к рассмотрению «Экологической футурологии» как понятия, мы означившем

то общее, чем характеризуется данная область философско-экологических прогностических исследований в первую очередь. Этого требует наше рациональное познание действительности.

Не секрет, что вопросы реальности построения ноосферы, трактуются и оцениваются учеными не столь позитивно однозначно. Например, К.М. Петров отмечая необходимость формирования нового мировоззрения, которое «определило бы стратегию развития человечества» подчеркивает важность способствования развитию именно нового экологического мировоззрения. При этом указывает (ссылаясь на идеи Гуревича, Кагана), что взаимодействие природы и цивилизации – одна из ключевых тем философии культуры. За основное определение экологии данный автор берет следующее: что это «Наука о взаимоотношении организмов и образуемых ими сообществ с факторами окружающей среды» При этом «дом», «эйкос» - гораздо шире определяется – это глобальная среда обитания. Отличие даже стандартной дисциплины «Экология» он определяет в первую очередь через тот факт, что «специалисты по отдельным отраслям науки могут выполнить лишь частные заказы экологии. Для «разумения» же требуется человеческий разум самого широкого научного и жизненного диапазона. Поэтому экология – не только система наук, а нечто необозримо большее – это мировоззрение» .

Выполняя исследовательские задачи, мы в первую очередь отметили, что в первую очередь, вводя в оборот понятие «Экологическая футурология», мы ее рассматриваем как видение будущего в контексте эволюционной эпистемологии и, следовательно, предполагаем соблюдение всех условий, которые предшествуют данному процессу. В этой связи мы понимаем и принимаем те условности, сложности и своеобразие, которые сопутствуют развитию и внедрению, принятию или отторжению данного понятия, термина.

Также нам кажется возможным, оставив на время в стороне остальные выводы и предположения В.А. Беляева (работа очень интересная, и требует другого, критического и диалогичного подхода, который выступать должен автономно, а поэтому за пределами данного материала), которые он изложил в книге «Технологии справедливости техногенного мира». Главной темой своей монографии данный автор видит необходимость анализа «судьбы всех людей, которые вырастают на почвах каких – то культур, ищут способы самореализации...» и начало этому анализу В.А.Беляев начинает с рассмотрения экономики как симбиоза науки и идеологии . Экология на нынешнем этапе, как показывает действительность также стоит между экономикой, наукой и увы, идеологией не в лучшем ее восприятии. Сменяясь от эпохи к эпохе потребности че-

ловечества (в их целом, глобальном контексте), увлекают за собой и видение «новой природы» и «новой экологии». Направленность воздействия на природу не всегда вызывает сразу же видимый эффект противодействия природных систем. Нам видится, что отдельным шагом следует проанализировать историю возникновения и развития термина «социоприродная система», думается, данное исследование даст немало материалов для размышления. Сейчас для нас важным есть мысль, наблюдение В.А. Беляева, когда он исследовал «Либеральную науку» в контексте русской революции и судьбу Н.Д. Кондратьева на фоне этих процессов - а именно, «...Наука, которую он создавал, смотрится тем вызовом судьбе, который позволяет найти среди многообразных нагромождений истории что-то, за что можно зацепиться, что может стать основой для конструктивного человеческого существования. Наука как нить Ариадны в лабиринте Минотавра. Такой значение науки оставалось на протяжении всей советской истории. Наука была противопоставлением идеологии. В атеистически поставленном обществе она вместе с искусством играла роль вневременной инстанции, к которой обращается человек, который хочет обратиться к вечному. И хотя наука воспринималась развивающейся (развитие было одним из ее основных смыслов), она существовала в роли раскрывающейся вневременности, развертывающейся бесконечности, погружение в которую было, в общем – то, эзотерическим предприятием.»

Сегодняшняя действительность, глобальность процессов и технологий, вероятно, ставит исследователей в еще более жесткие рамки. Стиль работы и исследований, ритм ежедневного труда ученого – исследователя имеет как общие черты с предшественниками, так и отличные. Присутствует как позитивные моменты, так и негативные тенденции. На наш взгляд, зависимость науки от экономических тенденций и приоритетов в обществе имеет негативные, катастрофические последствия, последствия которые будут воздействовать еще долго на социальные процессы и на индивидов с нем. Из-за подобной внешне оцениваемой приоритетности непрофинансированными остаются наиболее важные, но «неприбыльные» отрасли (зачастую, это и есть биологические, сельскохозяйственные и прочие, подобные проекты). Но это не значит, что исчезла потребность в исследованиях натурфилософского характера, исследованиях естественнонаучного направления. Поле науки, действительность требует большого количества специалистов по самым широким направлениям. Больно слышать, когда ежегодная статистика говорит о недоборе на отдельные дисциплины, когда при выборе профессии руководствуются категориями «престижности» и «непрестижности» специально-

стей. На наш взгляд, потребность в специалистах (от биолога до геолога, от учителя до врача, от инженера до агронома) гораздо шире, чем существует на сегодняшний день экономическая возможность у государств обеспечить специалистов «окладами» и «ставками». Вот та трещина, разлом, который необходимо перекрыть. Вот то место, с которого должны быть направлены исследования и экологические в том числе. Вероятно, в разрезе экологической футурологии возможно создать и разрабатывать направление, в котором бы рассматривались аспекты самовосстановления социальных систем именно с позиций «встраивания» молодых специалистов в социум и при этом умение находить способ работы по специальности.

Как направление, экология нуждается в постоянном анализе его «новых прочтений» и синтезе знаний, так и современное стратегическое планирование приобретает новую характеристику понимания необходимости его в эколого-футурологической разработке. В подтверждение вышесказанного, мы считаем необходимым привести к сведению следующий факт, в процессе подготовки данного материала, одной из целей которого служило введение понятия «Экологическая футурология» и его обоснование, показание его перспектив (и над этой тематикой мы работаем уже продолжительное время – приблизительно с 2007 года), на завершающей стадии написания статьи была обнаружена монография А.Н. Фомичева. В данной монографии он рассматривает вопрос проблем концепций устойчивого экологического развития, и один из подразделов, а именно 3.2 – называется «Природная самоорганизация в экологической футурологии», следует также отметить, что чуть выше В разделе Экология России: проблемы переходного периода на с. 111 идет подраздел 2.2 где рассматривается структура будущего и доминанты, на которых строится и строился этот процесс (а, следовательно их сильные и слабые стороны) А.Н. Фомичев выводит подраздел «Роль и взаимодействие социоэкологических факторов в футурологических концепциях экологического развития». Что позволяет нам утверждать, что, во-первых, необходимость экологического подхода в футурологии уже назрела и вербализировалась, во-вторых, что А.Н.Фомичев использует данный речевой оборот для анализа широкого спектра проблем, вопросов методических оснований концепции устойчивого экологического развития и мы можем со своей стороны детально его разрабатывать, чем занимались и до этого вводя его независимо от предыдущих исследователей, методически обосновывая и расширяя научное использование, поскольку параллельно и независимо разрабатывая понятие «Экологическая футурология» мы его вводим и используем исходя из других позиций и с иными кон-

цептуальными смыслами и установками. В этом контексте, мы высказываем огромную признательность А.Н. Фомичеву за целостный научный труд, поскольку определенное время данное понятие «Экологическая футурология» вызывало скорее неодобрение или усмешку у коллег, чем признание и стремление его развивать и применять в смежных научных отраслях.

Итак, мы все более убеждаемся в необходимости пересмотра и концептуализации понятия «Футурология» и необходимости создания дискурса, в котором будут разрабатываться не только межпредметные связи, но и создаваться условия для последующего перехода от вербального проговаривания и создания моделей, до их практического воплощения с целью поиска выходов из тупика, в котором вероятнее всего мы сейчас находимся. Эволюционирование, думается, переживет и данные проблемы, но для нас важным остается момент, что бы экологические и социальные, экономические проблемы пережило и человеческое и природное сообщество, то, что есть социоприродной целостью и неким подобием той ноосферы, о которой в свое время предполагал М.-Ж.П. Тейяр де Шарден и В.И. Вернадский, и даже более, поскольку наше предположение есть лишь слабой копией тех вероятностей, которые будущее нам готовит.

А.Е. МИХАЙЛОВ

ОТ ДИВИНАЦИИ К ПРОГНОСТИКЕ

*Прежде, однако, чем я начну изрекать прорицанья
Много священной и тех достоверней гораздо, какие
Пифия нам говорит с треножника Феба под лавром,
Много разумных вещей сообщу я тебе в утешенье.
Тит Лукреций Кар «О природе вещей»*

Античные философы стремились осмыслить возможности человека заглянуть в будущее, исследовать сформировавшиеся в историческом контексте различных культур способы и приемы получения такого рода знания. При рассмотрении данной проблематики философы разграничивали два основных способа получения знания о будущем. Один из них, уходящий в глубокую древность культурных традиций разных народов, имеет мистическое происхождение. Его называли мантикой (греч. μαντική) или дивинацией (лат. divinatio), различая при этом искусственную и естественную дивинацию (alterum artis est, alterum naturae). К искусственным относили те предсказания, где предполагалось какое-то искусство, опиравшееся на изучение древних наблюдений. В отличие от

искусственных, предсказания, полученные во сне или в экстазе (умоиступлении), считались естественными.

Другой способ - это предвидение людей, длительное время занимавшихся тем или иным видом деятельности и которых называли "сведущими" (*prudentes*), предусмотрительными (*providentes*), но не провидцами (*divini*). Предсказания Фалеса Милетского о превосходном урожае оливок и солнечном затмении, или Анаксимандра и Ферекида о землетрясениях основывались на их учености и не имели божественного происхождения, тогда как способность безумной Кассандры провидеть будущее для них была недоступна.

Прогностическая тематика прослеживается в ранней культурной традиции не только стран Запада, но и Востока. В «Книге перемен» («Чжоу и» или «И цзин»), являющейся уникальным творением древнейшей из ныне существующих культур и получившей множество толкований, блестящий востоковед Юлиан Константинович Щуцкий (1897-1938) видел, прежде всего, гадательный текст, стимулировавший философские размышления. «Никому не приходило в голову самое сложное и в то же время самое простое: «Книга перемен» возникла как текст вокруг древнейшей практики гадания и служила в дальнейшем почвой для философствования, что было особенно возможно потому, что этот малопонятный и загадочный архаичный текст представлял широкий простор творческой философской мысли».¹ В обширной исследовательской литературе по ицзинистике древнекитайская дивинация выделилась в особое направление и ряд ученых «трактуют гадательную практику как древнейшую прогностику, которая при отсутствии научных методов познания позволила получать более или менее достоверные предвидения. «Чжоу и» несет в себе методологию такой прогностики, тесно связанной с общефилософскими и этическими представлениями».²

Распространенность уходящего в глубинные пласты античной культуры мнения о том, что, если не все, то некоторые люди обладают тем или иным видом дивинации, не исключала появления сомнений в ее действительном существовании. Большинство из тех, кто признавал дивинацию, руководствовались скорее укоренившейся и некритически воспринятой традицией, нежели собственным разумом. Однако для самостоятельного мышления господствующее мнение не является обязательно истинным, а аргумент от древности утрачивает качества аргумен-

¹ *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен». - М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997, с. 112.

² *Кобзев А.И.* Китайская книга книг // *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен». - М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997, с. 40.

та. Преодоление власти мнений предполагает осознание своего незнания, то есть удивление, которое, как отмечал Аристотель, и побуждает людей философствовать. Прорыв мысли к неизвестному оформляется в вопрос, а искусство вопрошания, возвышенное в диалектике Сократа и Платона до сознательного манипулирования, позволяет тому, кто им владеет, самому отыскивать все аргументы для более глубокого понимания существа дела. Цицерон в своем трактате «О дивинации», не удовлетворяясь древностью и распространенностью мнения о ней, обращался к аргументации философов. Но у античных философов, опирающихся на рациональную аргументацию, он не обнаружил единства по этому вопросу. Если Пифагор, Сократ, Зенон, Демокрит, представители Старой Академии и перипатетики, так или иначе, признавали дивинацию, то Ксенофан из Колофона и Эпикур полностью ее отвергали.¹

Выведенный в диалогах Платона Сократ в творчестве поэтов и прорицателей видел сходство в неосознанной вдохновенности. Он говорил о поэтах: «не мудростью они могут творить то, что они творят, а какую-то прирожденную способностью и в исступлении, подобно гадалкам и прорицателям; ведь и эти тоже говорят много хорошего, но совсем не знают того, что говорят».² В «Послезаконии», написанном как дополнение к «Законам» Платона, по-видимому, ближайшим его учеником и другом Филиппом Опунтским, исследуется вопрос о разумности, что «всего лучше может направить человека по пути разума». В данном исследовании к тому, что не дает соединенного с мудростью величия, отнесено «и искусство прорицания и все в целом искусство истолкователей. Дело в том, что эти искусства знают только то, чего они касаются, причем вовсе не задаются вопросом, истинно это или нет»³. Однако данное искусство не исключает возможности его рационализации. В диалоге Платона «Хармид» своему собеседнику Критию Сократ предлагает согласиться с тем, что «и прорицание – наука о будущем, и рассудительность, руководя им, отпугнет всех шарлатанов, истинных же пророков назначит нам прорицателями того, чему суждено свершиться».⁴ Таким образом, рассудительности отводится организующая и направляющая роль в исследовании будущего, что позволит демистифицировать

¹ См. Цицерон «О дивинации» // Цицерон. Философские трактаты. М.: Изд. Наука, 1985, с. 193.

² Платон. Апология Сократа // Платон. Собр. соч. в 4 т.: Т. 1. М.: Мысль, 1990, с. 75.

³ Платон. Послезаконие. // Платон. Соч. в трех томах. Т. 3, ч.2. М.: Мысль, 1972, с. 483-484.

⁴ Платон. Хармид // Платон. Собр. соч. в 4 т.: Т. 1. М.: Мысль, 1990, с. 367.

процесс предвидения и будет способствовать его становлению и развитию как науки.

Рациональное исследование будущего в рамках платонической философской традиции предполагает необходимость различения того, что «всегда существует и никогда не становится» и того, что «всегда становится, но никогда не существует». Наивный реализм, основанный на доверии к чувственным данным, Платон сравнивал с состоянием грез, в котором признается существующим лишь то, что находится в каком-то месте и занимает некоторое пространство, а то, что не имеет протяженности, объявляется несуществующим. Согласно Платону, даже пробуждаясь от грез, при попытке осмыслить скрытый от чувственного опыта мир умопостигаемых идей «мы не можем определенно выражать правду, отличая все эти и сродные им представления от негрезящей, действительно существующей природы». Полная и безусловная постижимость идей признается Платоном лишь для божественного разума, тогда как для человека такая полнота недостижима и, хотя мудрость предполагает стремление к их умопостижению, идеи всегда остаются запредельными и невыразимыми ни в чувственных образах, ни в категориях числа, пространства и времени.

Признавая ограниченность притязаний человеческого разума, Платон в иерархии доступных для человека способов постижения действительности, тем не менее, самым совершенным считал разумное осмысление истинно-сущих родов бытия или идей. В рамках такого подхода для Платона рационализация изучения будущего не может быть сведена к обеспечению и установлению истинности предсказаний как меры полноты и точности их соответствия осуществившимся впоследствии событиям.

В диалогах, относящихся к завершающему периоду творчества Платона, рассматривается искусство политического управления, прогностическая составляющая которого определяется устремленностью на разумное совершенствование общественного строя. За многообразием происходящих в истории общества изменений Платон стремился выявить их скрытую внутреннюю логику. При осмыслении разнообразия исторического фактического материала высшая мудрость сводилась им к конструированию такой модели совершенного государства, относительно которой каждый отдельный случай можно было бы рассматривать как отклонение или приближение к ней.

Исследуя искусство политика, Платон считал важным учитывать, «что все искусства равно существуют и что большее и меньшее измеряются не только в отношении друг к другу, но и в отношении к становле-

нию меры», когда осуществляется сопоставление «с умеренным, подобающим, своевременным, надлежащим и со всем тем, что составляет середину между двумя крайностями».¹ Такому нормативно-ценностному подходу он следует при установлении иерархии мысленных моделей государственного устройства. Реализация идеала предполагает решение задачи различения осуществимого и неосуществимого, поскольку границы между ними во многих случаях весьма подвижны и далеко не очевидны.

В своем проекте будущего справедливого общественного строя Платон считал необходимой максимальную детализацию числового распределения и разнообразия числовых отношений при его описании, призывая «не бояться упрека в мнимой мелочности, когда будет устанавливаться даже количество обиходной утвари».² Занятию числами он отдавал приоритетное воспитательное значение, поскольку эта наука, делая людей восприимчивыми, памятьливыми и проницательными, в сочетании с другими законами и занятиями позволяет изгнать из душ «неблагородную страсть к наживе». В противном случае, когда рациональность лишена нравственных основ, согласно Платону, вместо мудрости получится плутовство. При реализации проекта идеального государства установление законов должно соответствовать и местным условиям, к которым он относил воздушные течения, влажность климата, растительность и даже некое «божественное дуновение», утверждая, что местности, где оно чувствуется, превосходнее других и являются уделом гениев, милостивых к исконным жителям.

Как и Платон, Аристотель следовал необходимости различения осуществимого и неосуществимого, но старался не переходить некоторую границу при более подробном рассмотрении вопросов проектирования наилучшего государственного устройства, полагая, что детали будущего становятся очевидными лишь по мере формирования конкретных обстоятельств. Он критично относился к устанавливаемой Платоном гармонии числовых соотношений, лежащих в основе происходящих со временем изменений. Оспаривая ссылку на время, как главную причину изменений, и некоторые из указанных в платоновских диалогах конкретные причины смены видов государственного устройства, Аристотель отмечал множественность причин такого рода преобразований.

Трактуя природу того или иного объекта как состояние, завершающее его развитие, Аристотель следовал телеологическому подходу, по-

¹ Платон. Политик. // Платон. Соч. в трех томах. Т. 3, ч.2 . М.: Мысль, 1972, с. 47.

² Платон. Законы. // Платон. Соч. в трех томах. Т. 3, ч.2 . М.: Мысль, 1972, с. 222.

лагая, что у государства есть свои соответствующие его природе задачи, наилучшее выполнение которых и делает государство величайшим из всех возможных. Он ставил под сомнение осуществимость проекта Платона, исходящего из положения «у друзей все общее». Согласно Аристотелю, государство по своей природе не может быть до такой степени единым. То, что Платон выдавал за высшее благо для государств, Аристотель считал для них губительным. Государство, по Аристотелю, – нечто более самодовлеющее, нежели семья, а та – нежели отдельный человек. Но самодовлеющее состояние государства, объединяющего множество в одно целое, будет утрачено, если его единство будет таким как в семье или в отдельном человеке. Поэтому Аристотель заключает: «если более самодовлеющее состояние предпочтительнее, то и меньшая степень единства предпочтительнее, чем большая».¹ Вытекающий из аристотелевских рассуждений вывод о том, что самодовление государства может быть разрушено чрезмерным единством, можно рассматривать как свидетельство антитоталитаристской направленности его проекта.

Но Аристотель видел угрозу для существования государства и от ослабления его целостности. Например, при демократии, когда в число граждан привлекается возможно большее количество людей и расширяются возможности для получения прав гражданства категориям лиц, для которых ранее эти права были недоступны. В этом случае для поддержания единства он предлагал создавать новые общности и объединять граждан на основе общих ценностей. Он писал: «следует вводить новые филы и фратрии, притом увеличить их число; с другой стороны, следует частные святыни объединить в небольшое количество святынь общих и вообще придумать так хитро, чтобы все граждане как можно скорее перемешались между собой, а прежние соединения распались».²

Аристотель отдает дань остроумию, тонкости, новизне рассуждений Сократа, представленных в сочинении Платона, но высказывает сомнение относительно того, что все в них правильно. Количественную меру населения в пять тысяч человек, которую указывал Платон для государства, он считал неприемлемой, полагая, что для обеспечения пропитанием такого количества ничего не делающих людей, да сверх того во много раз большей толпы женщин и прислуги, потребуется территория огромных размеров. Рассматривая вопросы о численности граждан и о размере территории, Аристотель критерием их оптимальности для госу-

¹ *Аристотель. Политика.* // Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984, с. 405.

² Там же, с. 577.

дарства считал самодовление, заключающееся в том, чтобы ни в чем не было недостатка. Согласно Аристотелю, для всего существует известная мера, поэтому в государстве должно быть достаточное для устройства «благой жизни на началах политического общения» количество населения, а размеры территории должны обеспечить возможность этому населению жить, «наслаждаясь свободой и вместе с тем воздержно».¹ Таким образом, Аристотель в своем исследовании акцент смещает с количественных характеристик на возможности государства наилучшим образом осуществить стоящие перед ним задачи и описание наиболее предпочтительного образа жизни для его населения.

Совершенное самодовлеющее существование государства, состоящее в «счастливой и прекрасной жизни» его граждан, может быть достигнуто лишь при наличии ряда условий, которые и рассматривает Аристотель. Он обсуждает наиболее существенные моменты в вопросах о собственности и об имущественном достатке, как и каким образом следует ими пользоваться; о географическом расположении территории государства и как она должна быть распределена; об обеспечении безопасности; о социальной структуре; о местоположении города и его обустройстве. Однако Аристотель устанавливал для себя некоторый предел детализации при обсуждении таких вопросов, полагая, что подробности нетрудно придумать, но труднее реализовать. «Слова – результат благих пожеланий, их осуществление – дело удачи» - говорил он. Реализация совершеннейшего государственного устройства должна быть достаточно гибкой с учетом зависимости осуществления социального проекта от тех или иных предпосылок, поскольку «зачастую не бывает никаких препятствий к тому, чтобы некоторые государства вместо другого, более предпочтительного самого по себе устройства пользовались иным, но для него более полезным устройством».² Но среди предварительно выявленных желательных условий становления наилучшего государственного строя не должно быть ни одного неисполнимого.

Поскольку государство есть общение подобных друг другу людей ради достижения возможно лучшей жизни, то для Аристотеля было важно определить не только подход к установлению количественной меры гражданского населения, но и свойства которыми оно должно обладать. Здесь аристотелевская позиция созвучна с позицией Платона, предполагавшей не только существование совершенного государственного устройства в сфере вечных идеальных сущностей и ту или иную степень

¹ *Аристотель. Политика.* // Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984, с. 598-599.

² *Аристотель. Политика.* // Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984, с. 510.

полноты его реализации в земных условиях, но и формирование в душе каждого человека «своего государства». Глядя на образец, который может быть существует лишь на небе и в области рассуждений, но не на земле, «человек задумывается о том, как бы это устроить самого себя. А есть ли такое государство на земле, и будет ли оно – это совсем не важно. Человек этот занялся бы делами такого – и только такого – государства».¹ Устроению человеком своей души Платон отводил приоритетное значение.

Государству, стремящемуся к достойному устроению, нужно иметь и достойных граждан. Какими бы хорошими ни были законы в государстве, но им могут не повиноваться. Мало установить хорошие законы, нужно чтобы они исполнялись. Состояние, когда в обществе исполняются существующие в нем законы, Аристотель называет благозаконием. Один из его видов предполагает повиновение имеющимся законам, даже если они плохо составлены, а другой – повиновение прекрасно составленным законам, которые могут быть либо наилучшими из возможных лишь для данных государств, либо наилучшими в собственном смысле слова. Организация наилучшего государственного строя должна каждому человеку дать возможность для благоденствия и счастливой жизни.

Счастье, согласно Аристотелю, «сопутствует тем людям, которые в избытке украшены добрыми нравами и разумом и которые проявляют умеренность в приобретении внешних благ, в гораздо большей степени, нежели тем, которые приобрели больше внешних благ, чем это нужно, но бедны благами внутренними».² Аристотель усматривал совершенное состояние в приоритетной ценности души. Внешние блага, такие как богатство, собственность, могущество, славу и тому подобное, он не считал самоценными, а признавал лишь их инструментальный характер для достижения какой-либо определенной цели. Если избыток внешних благ для их обладателя вреден или бесполезен, то любое из духовных благ, даже в избытке, не только прекрасно, но и полезно. Как для каждого человека в отдельности, так и для государства, согласно Аристотелю, существование будет наилучшим, когда «добродетель настолько обеспечена внешними благами, что вследствие этого оказывается возможным поступать в своей деятельности согласно требованиям добродетели».³ От степени причастности людей к добродетели или непричастности к ней, от образа жизни, который они ведут, зависит разнообразие видов государства и государственных устройств. Аристотель стремился диа-

¹ Платон. Государство // Платон. Соч. в 3-х т., т. 3, ч. I., М.: Мысль, 1971, с 420.

² Аристотель. Политика. // Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984, с. 589.

³ Там же, с. 590.

лектически разрешить спор о том, какому образу добродетельной жизни следует отдать предпочтение: практически деятельному или созерцательному.

Социальное проектирование в античной философии стимулировало более глубокую разработку онтологического и логико-гносеологического категориального аппарата в исследовании будущего. Прежде всего, становление научных основ прогностики связано с формированием причинно-следственного подхода, имеющего не только ретроспективную, но и прогностическую направленность.

С.П. ЦЕПАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Те или иные интерпретации человека в экономических науках первоначально возникают как предпосылка, исходные принципы которой сформированы в других дисциплинах (философии, социологии, психологии), но уточняются в экономической теории. Возможно построение соответствующих моделей и в самой экономической науке, однако специфика ее предмета потребует жёсткой модели человека, поэтому чаще они выступают результатом междисциплинарного синтеза, в рамках культурно-цивилизационных парадигм. Любая экономическая модель определяет основные детерминанты и формы деятельности человека, всякая экономическая парадигма в качестве гипотезы (или аксиомы) приемлет ту или иную интерпретацию основных мотивов и целей человека и его институционального окружения. Однако модель человека зависит от сформировавшейся экономической парадигмы. Так в рамках парадигмы институциональной экономики мотивы поведения человека определяются его стремлением к изменению своего экономического положения в условиях институциональной системы, поэтому предмет экономической теории смещается в сторону анализа отношения человека и институтов. Очевидно, что то или иное понимание человека формирует различные социально-экономические реальности, выражаемые в системе институтов. Такое конструирование предполагает признание вариантности сконструированной системы отношений и поиск корректных способов её описания.

Экономическая интерпретация человека является результатом неолиберальной экономической политики, но при этом он ограничивает (в силу одномерности мотива) сферу собственного бытия, и сферу общей социальной жизни, они замыкаются и препятствуют его собственному

развитию, противоречат принципам «открытого» общества. В неоклассической модели «экономический человек» ориентирован на максимизацию материальных благ, а «институциональный человек» - на укрепление своего статуса в общественной системе, последний может ориентироваться на статус как единственную (либо главную) цель, но может и рассматривать статус как рациональное средство достижения совершенно иных целей, в том числе и связанных с выходом за пределы институциональных ограничений. Любое поведение индивида производно от существующего институционального порядка и степени его легитимности. В основе этого институционального порядка лежит взаимосвязь рациональной организации капитала и труда, (М. Вебер) что предполагает определённое институциональное оформление солидарности. Последняя становится предметом пристального анализа в концепции «органической солидарности» (Э. Дюркгейм). Однако экономическое поведение есть сложный комплекс традиционных, стереотипных, подсознательных и других элементов, где рациональность не обязательно является ведущей. Более того интересы человека как субъекта экономического поведения не могут быть предметом строгого научного анализа, базирующегося на жёстких правилах логического выбора. Однако экономические действия должны рационализироваться, формализоваться, а выбор целей и принятие решений оказывается вне компетенции науки (В. Парето). Общепризнанно, что смежные с экономической теорией дисциплины не могут быть безоговорочной предпосылочной базой для интерпретации человека в экономике, поскольку не все социальные действия могут рассматриваться как субстратные по отношению к экономическим отношениям и институтам. Собственно экономическим поведением является такое, где реализуется экономический интерес, причём система актов поведения корреспондентна системе институтов, а это означает многомерность как экономики, так и человека в ней (Н.Д.Кондратьев)

Дальнейшее движение в направлении междисциплинарного синтеза в построении модели человека в экономике связанное, попытками дать интегральную оценку экономического поведения, подключая инструментарий экономической теории, экономической статистики, экономической истории и экономической социологии, однако, не обеспечивая их органического единства, теоретические модели являются «каркасом» конкретного анализа и поэтому необходима методологическая интерпретация макро- и микроэкономических моделей средствами и инструментами других наук, в чью предметную область включается человек в его экономической жизни (Й. Шумпетер).

Попыткой вырваться из хаоса парадигм и моделей, интерпретирующих человека в экономике стал структурно-функциональный анализ, сформировавшийся на своих собственных предпосылках, это позволило совершенно иначе взглянуть на проблему и справедливо предположить, что экономику нельзя понять, используя только инструментарий экономической науки. Принципы, заложенные как постулаты тех или иных экономических моделей, не позволяют раскрыть сущность социальной реальности, частью которой является экономическая жизнь общества, экономическое поведение не может быть абсолютно индивидуализированным в силу своего институционального оформления, последнее детерминируется ценностями, призванными обеспечить социальное равновесие и соответствующий тип социальной интеграции.

Детализация экономического поведения человека осуществляется в рамках «новой экономической социологии», где индивид начинает рассматриваться как носитель рыночной активности, его действия определяются социальными институтами, индивидуальное экономическое поведение осуществляется в многообразном социальном контексте и трансформируется в некий экономико-максимизационный итог косвенным образом. Специфика механизма, формирующего экономико-максимизационный вектор трансформации, задаётся социальным контекстом. Чисто экономического поведения не бывает, оно конструируется из множества составляющих.

Эти идеи развиваются в концепции «заклѳченности» экономического поведения в «сеть» общественных отношений, в рамках институционального оформления которой становится возможным собственно экономическое поведение. Причѳм, последнее, может быть сконструировано индивидуально (уникальное по содержанию и мотивам), но соответствующее действующей системе институтов, либо формироваться как некий интегральный результат, воплощающий цели, мотивы, интересы групп людей (М. Грановеттер).

Представление о том, максимизационный эгоизм не обязательно выступает как определяющий элемент человеческого поведения, развивается далее в концепциях «организованной культуры», что позволило включить проблему рационального выбора в институциональный контекст социокультурных систем, формирующий разнообразные модели экономического поведения. Такое включение происходило прежде всего путѳм формирования соответствующих аксиологических матриц экономического поведения, интерпретируемых как «организационная мораль» (Г. Саймон, Д. Мари), «символическая реальность» (А. Петигрю, П. Сильвермен); «культурная парадигма» или «базовые представления» (Е.

Шайн), поэтому рационалистическая парадигма в трактовке экономического поведения предстает лишь как элемент в сложной системе социокультурной детерминации.

Более подробная дифференциация аксиологических матриц осуществляется в рамках «нормативной модели», относительно автономных сфер современного общества, контекстуально определяющих основные характеристики экономического поведения. Эти сферы регулируют (институционально оформляют) формы экономического поведения внутри себя, но и сами регулируются «синтетическими» нормами, функционально направленными на обеспечение равновесия между этими сферами, оформляемого в некую институциональную матрицу, устойчивость которой обеспечивается адекватной взаимосвязью интересов индивидов, выражаемой в «системе институциональных порядков», находящихся в состоянии взаимного равновесия и обеспечивающих возможность компромиссов между индивидами (Л. Болтански и Л. Тевен). Поляризация методологического инструментария время от времени снимается попытками синтеза, но как правило воспроизводится вновь, отражая всё богатство проблематики соотношения индивидуального и общественного в экономической реальности, особенно если предпосылочно опирается на интерпретации человека в других социальных науках. При этом существенной проблемой оказывается необходимость сохранить человеческую универсальность, поскольку любое его качество может оказаться экономически значимым.

Доминирующая в экономической науке «рыночноцентричная» парадигма не позволяет в должной мере раскрыть универсальность человека и его экономического бытия. Многообразные способы и формы бытия человека и особенности развития общественного производства создали условия, при которых человеческие качества становятся капиталом, позволяют создавать новую стоимость. При этом творческая составляющая человека не отчуждаема от него и в то же время обладает общественной ценностью независимо от конкретной востребованности рынком и связана, прежде всего, не с вещной, а со знаковой и институциональной формами предметности, функционирующими в той части рынка, где создаются социальные формы, но вне рынка не имеющие стоимости. Именно эти процессы во многом определили, что воспроизводство востребованных личностных качеств стало частным делом индивидов, а, соответственно, породило спрос и способствовало резкой коммерциализации соответствующих сфер. Самостоятельное использование человеком своего потенциала требует определенных предпосылок не только в виде задатков, способностей, но и потребности представить их

развитой форме на рынок. Последнее определяется культурой, её элементами (религия, менталитет, обычаи, традиции и т.п.) и соответствующими институтами. Более того представляется, что в плане развития «человеческого капитала» определяющим является именно институциональное строение культуры, а не индивидуальные знания и творческие способности. А это, в свою очередь, не может не порождать противоречия между потребностями в самореализации и стремлением извлечь из этого доход.

Сохранению универсальности человека, преодолению его одномерных трактовок могут способствовать внутринаучный парадигмальный синтез, изменение акцентов в оценке социо-экономико-культурной реальности; адекватное понимание действительной роли идеального в развитии человека и экономической сферы, введение понятия внеэкономического капитала.

Но при этом необходимо учитывать действие законов, лежащих в основе развития социума как целого и достаточно специфично проявляющихся в экономической сфере, а именно, развитие творческого потенциала человека при определённом уровне удовлетворения его потребностей не может не снижать значения рыночных институтов в структуре организации его деятельности, а соответственно и мотивов, связанных с рынком, следствием чего оказывается неприемлемость доминирующих представлений о рациональности в экономическом поведении. Существующая институциональная система (основанная на парадигме «рыноцентризма») уже осознала задачу подчинения инновационного, креативного потенциала человека, а главное – процессов их воспроизводства. Творческая деятельность в её сущностном понимании пока не является доминирующей и поэтому вынуждена встраиваться в существующую систему институтов.

Развитие процессов в указанном направлении с неизбежностью может привести к формированию противоречия между человеком как универсальностью и «человеческим капиталом» как совокупностью его свойств, способных создавать новую стоимость в существующей институциональной среде, ориентированной на рынок.

Преодоление этого противоречия предполагает кардинальный пересмотр сложившихся парадигм понимания человека, экономики, их взаимосвязи и места в глобальном социуме, а также природы и перспектив развития последнего. Институциональные изменения – необходимая сторона социального развития. Причём совершенствование институциональной системы не должно отождествляться с целью развития или трансформации общества, оно выступает лишь как система инструмен-

тов, обеспечивающих развитие человеческого потенциала. Заслуживает положительной оценки то обстоятельство, что экономическая наука всё более глубоко понимает целостность и универсальность человека, невозможность его интерпретации исключительно экономическими категориями, осознает необходимость построения новой парадигмы, учитывающей многогранные связи экономики с другими социальными сферами и не только в их абстрактно-теоретическом выражении, а, прежде всего, в форме конкретного бытия, т.е. культуры. Это необходимо учитывать в процессах конструирования институтов, их заимствования, систематизации, интеграции и т.д.

Использование «институционального» ресурса осложняется неоднозначностью трактовки института в экономической теории и социологии, последняя трактует институт более строго, как комплексы устойчивых норм, не тождественные отдельной норме или правилу. Экономическая наука не делает существенных различий между институтами, нормами и правилами, зачастую сводя их к повседневным социально-экономическим практикам. Однако предпосылки для выработки тождественности понимания существуют и расширяются за счёт включения в экономический анализ культуры и человека в их целостности и многообразии. Институт основывается на норме и реализуется через те или иные формы социальных практик, которые могут существенно изменяться, появляться и исчезать, не меняя института, а тем более нормы. Могут существовать формы практик, не имеющие в своём основании норм или институтов, базирующиеся на нормативных элементах. Поэтому те способности личности, которые могут включаться в содержание понятия «человеческий капитал», таковыми становятся при наличии определённых институтов, позволяющих использование этих способностей как ресурсов, приносящих доход в той или иной форме. При этом индивид зачастую сравнивает издержки и выгоды использования того или иного ресурса в определённой перспективе. Последнее предполагает институциональную интерпретацию механизмов социальных процессов, в рамках которых институт должен рассматриваться как социальная форма, выражающая социальные нормы и некий консенсус интересов индивидов, групп и т.д., что формирует предпосылки целостного рассмотрения современных институциональных трансформаций, такого анализа, который бы интегрировал в себе взвешенность и корректность социологического исследования и жёсткость и точность экономического. Условием формирования такого интегративного подхода к исследованию человека и его институционального окружения является, прежде всего, преодоление излишней формализации экономической теории (принципиально недопу-

стимой при исследовании человека) и построение новой парадигмы экономического знания.

С.В. ЗАБЕГАЛИНА

ВРЕМЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Время является традиционно философской категорией, со своей историей и различными подходами к пониманию. Сложнее вывести суть термина «прогнозирование». Прогнозирование как понятие обладает различным содержанием в рамках различных отраслей знания. Отдельные определения тавтологичны: «разработка прогноза» или не учитывают всей специфики: «в узком значении — специальное научное исследование конкретных перспектив развития какого-либо явления» (БСЭ)¹. Прогнозирование в науке рассматривается как одна из форм конкретизации научного предвидения, в контексте общественных наук связывается такими процессами как планирование, программирование, проектирование, управление, целеполагание.

Выделяют часто поисковое (изыскательское, исследовательское) и нормативное прогнозирование. Цель первого получить прогноз состояния объекта исследования в будущем при наблюдаемых тенденциях, если допустить относительную неизменность последних. Нормативное прогнозирование показывает пути достижения желательного состояния объекта на основе заранее заданных критериев, целей, норм.

Прогноз нуждается в постоянной обратной связи – сравнении предсказания (спланированного результата, программы и т.д.), и текущего состояния (решения, промежуточного итога и т.д.). Интенсивность обратной связи различается в зависимости от объекта исследования. Теоретически, как и вероятность самого события, она нигде не равна нулю: человек может изменять посредством решений и действий всё более широкий круг объектов, как социальных, так и природных. Возможность повлиять с помощью обратной связи на объект прогнозирования различается также в зависимости от сферы прогноза. Естественная среда во многом неуправляема и допускает лишь безусловное предсказание с целью приспособить действия человека к ожидаемому состоянию объекта. В общественных науках, в социуме, обратная связь достигает высокой степени интенсивности и приводит к эффекту т.н. самоосуществления

¹ <http://slovari.yandex.ru>

(или, наоборот, «саморазрушения») прогноза путём решений и действий с учётом последнего¹.

В итоге нужно сказать о двух тенденциях – когда объект ведет себя так, чтобы прогноз реализовался, и в данном случае говорят о «материальности» мысли, влиянии позитивного и негативного мышления, высокой достоверности прогноза; а во втором случае – о «недостоверном» прогнозе. Возможно отсюда много поверий, согласно которым «плохие» сны рассказывают – чтобы он не сбылся, «хорошие» наоборот не говорят, также считается необходимым не раскрывать сокровенные желания и мечты – с тем, чтобы никто «не помешал» им реализоваться.

К.Г. Юнг характеризует прогнозирование как восприятие заключенных в ситуацию возможностей, подчеркивая, таким образом, рациональность прогноза, его опору на реальную действительность. Прогнозирование как процесс требует особых свойств, характеристик от мыслящего субъекта, ибо достоверность прогноза находится в тесной связи не только с характером прогнозируемого объекта, но и особенностями самого субъекта.

Согласно А.В. Брушлинскому «всякое мышление есть прогнозирование, но не наоборот, т. е. не всякое прогнозирование есть мышление», что обосновывается наличием физиологических, психологических, а иногда и технических механизмов управления прогнозированием. Мысленное прогнозирование связано с решением определенной задачи, когда некоторые свойства объекта предвосхищаются, происходит глубокое по своей сути *обобщение* соотношений этих свойств, способов их познания и в результате прогнозирование это «живой мыслительный процесс», а не «дизъюнктивный выбор из альтернатив»².

*Прогностическое мышление мы понимаем как мышление, способное предвидеть результаты собственной умственной деятельности по своим качественным особенностям, соответствию поставленной цели и задачам, трудоемкости усилий, при этом способное выходить за рамки привычного и использовать различные, нестандартные способы и методы решения задач*³.

В процессе прогнозирования меняется восприятие времени, как одна из важных характеристик бытия. В философии, равно как и в пси-

¹ <http://slovari.yandex.ru>

² Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование (Логико-психологический анализ). – М.: Мысль, 1979. – С. 204.

³ Забегалина С.В. Изменение прогностического мышления в ходе обучения в вузе// Вестник Череповецкого государственного университета, г. Череповец: Изд-во ЧГУ, 2012. - № 2 (39). Том 2. С.203-207.

хологии, время рассматривается как форма существования бытия, постигая которую как субъективное отражение объективных временных отношений, человек формирует целостное отношение ко времени своей жизни. Объективное физическое время необратимо, непрерывно и направлено от прошлого через настоящее к будущему.

Аристотель и Декарт понимали время как длительность существования и меру изменений материи. Аристотель отмечал, что конечный результат процесса (цель) заранее воздействует на его ход. Психическая жизнь в данный момент зависит не только от прошлого, но и от потребного будущего. Наряду с этим типом причинности выделяет также целевую причину или «то, ради чего совершается действие».

Аврелий Августин подчеркивал, что человек, человеческая душа имеет дело с настоящим, все остальное – небытие. Для Гегеля время – форма проявления абсолютной вечности, ибо Абсолютная идея, тождество бытия и мышления по Г. Гегелю существует вечно. Ньютон понимает время как однородную для всей Вселенной абсолютную длительность и т.д. В целом выделяют два подхода в понимании времени как философской категории: субстанциальный (время как длительность») и реляционный (время как особого рода отношения между объектами и процессами)¹.

Для нас интерес представляют воззрения на время Ньютона – основное свойство абсолютного времени Ньютона – быть всегда и везде одной и той же длительностью. Уравнения классической механики оказались нечувствительны к направлению времени – при его протекании назад ничего не меняется²

Модель расширяющейся Вселенной Фридмана получив экспериментальное подтверждение в 1929 году Э.Хабблом (благодаря эффекту разбегания галактик) дала новое направление в понимании времени - космологическое. Если расширение сменится на сжатие, то космологическая стрела времени получит новое, противоположное направление.

Третья «стрела времени» - психологическая. Она описана экзистенционалистами, в частности М.Хайдеггером («протяжение просвета четырехмерной области»). Психологическое время, а еще более время «биологическое» занимало мысли и В.И. Вернадского. В.И. Вернадский отмечал, что увеличилось количество природных процессов, в которых время учитывается как таковое, становясь специальным объектом науч-

¹ Словарь философских терминов/ Научная ред. проф. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2007. XVI. с.92.

² Словарь философских терминов/ Научная ред. проф. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2007. XVI. с.92-93.

ного изучения и размышления. Если на 1923 г. как подсчитал А.Е. Ферсман, таких процессов было шесть: 1) геологические, 2) геофизические, 3) геохимические, 4) радиоактивные, 5) электромагнитные и 6) культурно-исторические. То В.И.Вернадский, выделяет еще три: 7) время живого вещества или биологическое время, характеризующееся сменой поколений организмов, самым основным и первоначальным методом измерения времени в человеческом обществе и в мире живых организмов, 8) эволюционный процесс в живом веществе и, наконец, 9) особое психологическое время. «Таким образом, кроме психологического (субъективного) времени организмов, время эволюционного процесса и время поколений должны быть отделены от планетного времени¹.

Изучив воззрения Ньютона, В.И.Вернадский посчитал его форму применения времени и пространства совершенно реальной, упрощенной до необходимых и достаточных пределов, чтобы его можно было применить к частному случаю движения небесных и других тел, подверженных тяготению. Подобные высказывания были и по пониманию времени согласно теории Эйнштейна. Переломным пунктом в понимании природы времени Вернадский называет 1931 г, вероятно отнеся этот перелом к своей концепции биологического времени². Представители философского факультета МГУ говорят о двух подходах к биологическому времени:

1) Первый подход исходит из того, что время обладает всеми свойствами физического времени: однонаправленность (необратимость); одномерность (при наличии начала отсчета любой момент времени может быть задан с помощью только одного числа, а для фиксации любого события требуется один временной параметр); упорядоченность (моменты времени расположены по отношению друг к другу в линейном порядке); непрерывность и связанность (время состоит из несчетного множества мгновений, его нельзя разбить на части, чтобы в одной из них не было бы момента времени, бесконечно близкого ко второй части).

2) Второй подход подчеркивает неодинаковость физического и биологического времени. Биологическое время - неравномерно, нерегулярно, т.к. нерегулярны изменения, лежащие в его основе (физическое и биологическое время неодинаково, т.к. существует биологический и календарный возраст человека). Масштабы времени в живом отличны от масштабов физического времени (особенно это касается человека в стрессовых ситуациях, когда время сжимается или растягивается). Биологическое время много масштабно - живые системы противопоставляют

¹ http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/aksyonov_o_vernadskom/gl7.htm

² http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/aksyonov_o_vernadskom/gl5.htm

себя внешней среде и существуют одновременно и как индивидуально дискретные особи и как единицы более сложных систем¹.

Вторая позиция более близка автору статьи, и особенно хочется выделить в ней второй пункт. Явление изменения временных интервалов в восприятии человека остается малоизученным, однако, доказанным фактом.

Г.П. Аксенов подробно излагает взгляды В.И. Вернадского в работе «О природе времени и пространства», проведя историко-научное исследование. В.И. Вернадский отмечает резкое различие между вечно повторяющимися астрономическими или физическими процессами², временем внутри косного вещества, с одной стороны и временем внутри живого организма, с другой. «Уже одно различие симметрии пространства в пространстве-времени живого и косного вещества заставляет отделять жизненное время (*Temps vitalis*) от планетного времени. Нельзя к тому же утверждать, чтобы жизнь была земным, планетным явлением». В.И.Вернадский ссылается на свою статью «Изучение явлений жизни и новая физика», опубликованную в «Известиях АН СССР» в 1931 г., где и дал понятие биологического времени, на фоне которого происходят все остальные события. Вероятно, что именно эту публикацию он считал «рубежом».

Впоследствии достаточно много в науке уделялось проблеме времени, в основном в рамках физики. Одной из трудных «оказалась проблема сингулярности – т.е. состояние Вселенной в момент начала расширения, когда математическое значения плотности энергии и кривизны пространства-времени обращаются в бесконечность»³. Так английский физик С. Хокинг ввел понятие «мнимого времени», а квантовая теория гравитации указывает на пределы использования наших понятий пространства и времени.

Взгляды И. Пригожина на время и возможность прогнозирования заслуживают отдельного рассмотрения. Согласно его взглядам, когда система эволюционирует и достигает точки бифуркации, колебания вынуждают систему выбрать ту ветвь, на которой будет происходить ее дальнейшая эволюция. В качестве упрощенной модели он предлагает маятник – будучи перевернутым, он сдвинется вправо или влево в зависимости от имеющихся колебаний. И. Пригожин считает, что колеба-

¹ <http://filosfak.ru/lekz>

² Употребляются в работе Г.П. Аксенова как синонимы. Г.П. Аксенов В.И. Вернадский о природе времени и пространства: Историко-научное исследование.- М.:ИИЕТ, 2006.

³ Словарь философских терминов/ Научная ред. проф. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2007. XVI с.92-93.

тельные процессы в целом определяют глобальный исход эволюции системы. Эти ситуации – выбор системой пути развития через точки бифуркации – он называет порядком через флуктуацию (точку разветвления процессов, когда развитие может идти или одним или другим путем) в зависимости от доминирующего в данный момент времени колебания. Из его концепции, обозначаемой часто уже крылатой фразой «Порядок из хаоса» следует, что неустойчивость (колебательность) тесно связана с необратимостью развития живого, необратимое, однонаправленное время появляется только потому, что будущее не содержится в настоящем, вернее, содержится в нем как одна из возможностей¹.

Вариативность развития он объясняет следующим образом: «В ситуации далекой от равновесия дифференциальные уравнения, моделирующие тот или иной природный процесс, становятся нелинейными, а нелинейное уравнение обычно имеет более чем один тип решений. Поэтому в любой момент времени может возникнуть новый тип решения, не сводимый к предыдущему, а в точках смены типов решений — в точках бифуркации — может происходить смена пространственно-временной организации объекта².

Встречается и некоторая противоречивость взглядов – с одной стороны он подчеркивает невозможность предсказать развитие, изменение некоторых объектов, «не можем полностью контролировать окружающий нас мир нестабильных феноменов», в том числе социальных, несмотря на длительную «экстраполяцию классической физики на общество»³. С другой стороны он пишет о возможности «конструирования» времени, что можно в контексте общего высказывания понимать как один из вариантов прогнозирования, как построение нормативного прогноза.

С точки зрения И.Пригожина человек обладает способностью повлиять на будущее: «время не является чем-то готовым, предстающим в завершенных формах перед гипотетическим сверхчеловеческим разумом. Нет! Время — это нечто такое, что конструируется в каждый данный момент. И человечество может принять участие в процессе этого конструирования»⁴.

Прогнозирование тесно связано со временем в его физическом понимании и может быть оперативным, краткосрочным или перспектив-

¹ Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках/ Пер. с англ. Ю.А. Данилова; Под ред. Ю.Л.Климонтовича. 3-е изд. М.: Ком-Книга, 2006.- 296с.

² Там же.

³ Пригожин И. Философия нестабильности//Вопросы философии. 1991. №6. С. 46-57.

⁴ Пригожин И. Философия нестабильности//Вопросы философии. 1991. №6. С. 46-57.

ным. Оперативное прогнозирование происходит постоянно, в короткие сроки и касается ситуаций, когда необходимо быстро оценить проблему и спрогнозировать ее последствия, по сути дела это моментальный прогноз, нельзя зафиксировать точные временные рамки, так как он может по времени, полностью или частично, совпадать с действием, в науке этот тип прогнозирования практически не применяется.

Краткосрочное прогнозирование в науке распространяется на более длительные промежутки, но не более чем на 5 лет. Перспективные прогнозы охватывают более длительный временной промежуток. Считается, что достоверность прогноза, уменьшается с увеличением срока, на который делается прогноз.

По цели построения прогноза выделяют прогнозирование поисковое, при этом в прогнозе описывается новое (будущее) состояние объекта, и нормативное, при котором прогнозируется процесс достижения заданного конечного состояния. Также выделяют прогнозы-предостережения и другие подвиды.

С другой стороны прогнозирование тесно связано с биологическим и психологическим временем. Если считать процессы планирования и программирования как инварианты прогноза, так как они также направлены на будущее состояние объекта, то нужно сказать, что они характеризуют индивидуальные особенности выдвижения и удержания целей. Весь процесс формируется для достижения принятой цели в том виде, в каком она осознается субъектом. Так, в ходе программирования, субъект осуществляет функцию построения, создания конкретной программы достижения цели. Такая программа определяет характер, последовательность, способы и другие характеристики действий, направленных на достижение цели в тех условиях, которые выделены самим субъектом в качестве оснований для принимаемой программы действий. Таким образом, в функции программирования и планирования входит прогноз компонентного состава предстоящих действий, способов, которыми они будут осуществляться, и собственно алгоритма осуществления необходимых действий. Прогнозирование будущего состояния объекта с одной стороны учитывает внешние обстоятельства, условия, а с другой опирается на возможности субъекта как мыслящего существа.

Интересно, что психологическое время переживается человеком как протекающее от будущего через настоящее к прошлому, а не как можно предположить из прошлого в будущее (Е.И. Головаха¹, А.А. Кро-

¹ Головаха Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности// Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. С. 256-269.

ник)¹. Насыщение будущего целями ведет к насыщению настоящего деятельностью, а оно приводит к информативным воспоминаниям о прошлых событиях. Таким образом, будущее – это психологическое образование, результат внутренней работы личности, направленной на создание непрерывной личной истории, перспективы жизненного пути. Возможно, что существуют индивидуальные особенности в понимании направленности времени личности, однако мы не нашли отражения этой идеи в литературе.

В ряду процессов, направленных на прогнозирование будущего, выделяют три процесса: вероятностное прогнозирование, нацеленное на построение беспристрастной математической модели будущего с опорой на физическое время, известные тенденции, закономерности, выведенные из анализа уже имеющихся фактических данных; экспектация – ожидание, эмоционально окрашенное и мотивационно значимое, подкрепленное опытом представление о будущем с привлечением характеристик желаемое – нежелаемое; а так же антиципация, подразумевающая кроме всего вышеперечисленного деятельностьный аспект.

Прогнозирование как мы уже поняли в ходе анализа, связано не только с временем физическим, но и биологическим и психологическим. Хочется подчеркнуть тот момент, что время в процессе прогнозирования может оцениваться (и протекать) отлично от времени физического, в основном увеличивая свою протяженность на уровне субъективного восприятия.

Временной интервал «растягивается» в сложных ситуациях, требующих немедленного решения – так, люди «чудом» избежавшие смерти вспоминают, что жизнь как бы пролетела перед их глазами за считанные секунды, рассказ о действиях в условиях таких ситуаций зачастую занимает гораздо больше времени, чем сами события.

Прогнозирование часто направлено на решение сложных научных проблем, на поиск принципиально новых решений. Зачастую в таких случаях бывает временное «отключение от проблемы», состояние релаксации, характеризующееся также иной оценкой длительности временных интервалов.

Г.В. ПАРШИКОВА

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ ФИЛОСОФСКИХ ПОДХОДОВ К СОЗДАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

¹ Кроник А.А. Психологическое время личности/ А.А. Кроник, Е.И. Головаха. М.: Смысл, 2008. 267 с.

Вопросы о возможности создания человекоподобного искусственного интеллекта поднимались и обсуждались еще во времена механистического материализма. На становление понятия «Искусственный интеллект», а так же на возможность наличия у машины такой черты, как «мышление» огромное влияние оказали работы Рене Декарта «Рассуждение о методе» и Томаса Гоббса «Человеческая природа». Публикации Алана Тьюринга подтолкнули исследователей к созданию науки о моделировании человеческого разума, в рамках которой Джоном Сёрлем были введены гипотезы сильного и слабого искусственного интеллекта.

Достижение современных ученых состоит в получении возможности искусственным интеллектом имитировать отдельные интеллектуальные задачи человеческого мозга (планирование и составление расписаний, распознавание образов, решение логических задач и т.д.). Но эти возможности не являются интеллектуальными по своей сути, т.к. компьютер не обладает способностью обобщения, сравнения, конкретизации, самообучения.

Актуальность проблемы создания человекоподобного искусственного интеллекта обусловлена тем, что ее решение способно продвинуть нас не только по пути социального и научно-технического прогресса, но и по пути понимания человеческого разума, сознания, языка, а также лингвистического поля сознания и психики человека.

М. Минский утверждал: «Мы не можем повторить, как работает мозг, но мы можем повторить, что он делает». Создателям искусственного интеллекта необходимо связать 2 голографические системы – голографический мозг Прибрама и голографическую вселенную Боба – два концепта научно-философской рациональности. Их цель: основываясь на концепции голографического мозга, построить голографическую модель языка. Эта модель должна быть схожа с поливариантным обликом математики. Если вместо категорий использовать концепты языка, соединенные многоуровневой сетью соответствующих функторов, то становится возможным получение поливариантного облика унитарности языка, применение которого позволит перейти к модели лингвистического поля сознания человека.

Человеческая речь, язык – это средство коммуникации, код, позволяющий передавать информацию. С другой стороны, язык является той ментальной информационной средой, в пределах которой только и возможно создание интеллекта, сознания, подобного человеческому. То есть, для создания сильного искусственного интеллекта необходим семантический язык-посредник. Это язык UNL (Universal Networking

Language), основной единицей которого является концепт — абстрактная семантическая единица, совпадающая со значениями слов, которые выделяются толковыми словарями.

Философское осмысление механизма создания сильного искусственного интеллекта должно отталкиваться от понятия концепта, как базовой когнитивной сущности, позволяющей связывать смысл со словом. Построение модели унитарности языка и описание на ее основе лингвистического поля сознания человека позволит создать модель сильного искусственного интеллекта, которая обладает признаками понятийности, интенциональности и семантической.

Библиография:

1. Декарт Р. Рассуждение о методе. М.: Вежа, 2012.
2. Гоббс Т. Человеческая природа. М.: Мысль, 2003.

РАЗДЕЛ 5. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА

Н.Н. ПЛУЖНИКОВА

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивные науки: от познания к действию. — М.: КомКнига, 2005. — 184 с.

Когнитивные науки представляют собой особый пласт научного знания, обладающего широким эвристическим потенциалом. Во-первых, они занимаются моделированием социальных систем на основе изучения сложности и комплексности социальной реальности. Во-вторых, они успешно дополняют естественнонаучное представление о человеке особым когнитивным видением социальной реальности и человеческого поведения в ней. В этом плане весьма оригинальна монография Олега Евгеньевича Баксанского и Елены Николаевны Кучер «Когнитивные науки: от познания к действию», выпущенная в издательстве «КомКнига» в 2005 году.

Проблематика, рассматриваемая авторами монографии, представляется научно и философски оправданной. В отечественной научной литературе до сих пор не было комплексной работы, посвященной когнитивным моделям социальной реальности. В имеющихся работах исследование различных аспектов когнитивных наук затронуто лишь фрагментарно. Представляется, что данная монография будет интересна не только узким специалистам в области когнитивных наук, но и всем чита-

телям, активно интересующимся положением дел в области современной науки.

В первой части монографии «Методологические основания современной науки» авторы описывают наиболее значимые философско-методологические концепции, имеющие непосредственное отношение к когнитивным наукам. В качестве таковых авторы анализируют концепции научного и личностного познания, сложившиеся в науке в XX веке (концепции К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, М. Полани, П. Фейерабенда и др.). Особое место в монографии принадлежит анализу эволюционной теории познания, которую авторы именуют «проективной моделью познания» [С. 32], поскольку ее основным постулатом является то, что структуры реального, объективного мира являются своего рода «проекцией» человеческого мышления. Авторы показывают роль подобной концепции познания в исследовании психологии человека и социальных процессов, в теориях искусственного интеллекта и информационных технологиях. При этом авторы избегают грубых аналогий биологической и социальной реальности, доказывая, что когнитивные процессы протекают как в природе, так и в обществе на основе наличия у живых организмов и человека когнитивных связей с самой реальностью. От концепции автопоэзиса в биологических системах авторы переходят к проблеме автопоэзиса в социальных системах, рассматривая в этой связи концепцию конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Авторы описывают основные механизмы и принципы конструирования социальной реальности, основываясь на многочисленных примерах из социологии.

Во второй части монографии авторы рассматривают синергетическую парадигму в современной науке. При этом они не указывают эвристическую роль и место последней в когнитивных науках о человеческом поведении. Возможно, это является преднамеренной стратегией авторов монографии, поскольку основная цель авторов – не проследить связь между различными областями наук о сложных системах, а показать как синергетические модели вписывают в собственный контекст поведение человека и его сознание. Для достижения поставленной цели авторы монографии проводят анализ методологии синергетики, рассматривают ее основные дефиниции и принципы синергетического подхода. Особое место в анализе синергетики авторы уделяют проблеме управления сложными системами. Они делают вывод, что управление сложными и хаотичными системами возможно «за счет правильно организованного (топологически точного) резонансного воздействия на систему» [С. 80].

Основным содержательным пластом монографии представляется третья часть «Познание познания: когнитивные науки», в которой авто-

ры по аналогии с синергетикой рассматривают методологию, дефиниции, модели когнитивных наук, а также основные принципы когнитивного подхода к познанию социальной реальности. Авторы анализируют такие принципы когнитивных наук на современном этапе их развития как: репрезентация объективных знаний о реальности субъектом, моделирование реальности, принцип адаптивной полезности знания и др. Авторы монографии подчеркивают, что когнитивные науки составляют сложную междисциплинарную область знания, объединяющую данные психологии, кибернетики, нейрофизиологии, лингвистики и синергетики. Авторы монографии, обобщая приведенные факты и данные из области синергетики и когнитивных наук, утверждают, что у современных ученых есть все основания говорить о складывании в современной науке когнитивно-синергетической научной парадигмы. Именно эта парадигма, по мнению авторов монографии, построенная на принципах нелинейного мышления, демонстрирует свой весомый эвристический потенциал в объяснении процессов мышления и поведения человека.

Последние две части монографии «Нейролингвистическое программирование (НЛП) как социальная практика когнитивно-синергетического подхода» и «Научно-методологические предпосылки НЛП» посвящены практическому приложению когнитивно-синергетической концепции на примере техник нейролингвистического программирования. Авторы рассматривают основные психологические концепции, послужившие основой современным моделям НЛП (концепцию Ф. Перлза, В. Сатир, М. Эриксона). На многочисленных примерах авторы показывают как НЛП использует идеи эволюционной эпистемологии в обосновании концептуальных установок собственной теории. Весьма интересным и убедительным представляется анализ эпистемологической модели обучения Г. Бейтсона [С. 142-147]. Авторы прослеживают внутренние взаимосвязи идей НЛП с конструктивистской моделью познания и выявляют «общие места» между ними: идею конструирования и моделирования окружающего мира, рефрейминг, принцип обратной связи.

Проведенный анализ когнитивных наук и их принципов, предпринятый авторами монографии, говорит не только о существовании огромного пласта знания и человеке и его поведении в современной науке. Когнитивные науки моделируют, изменяют современное представление об устройстве мира и мышления человека, которое идет вразрез с традиционным в классической эпистемологии представлением о сознании как простом отражении объективной действительности. Знание о социальной реальности не только активно создается и конструируется по-

знающим субъектом. Оно изменяет саму «ткань» социальной реальности, а, значит, открывает новые горизонты для научных исследований природы человека и его сознания в будущем.

Н.Н. ПОЛУЯН

**ВЕРНЕР ЗОМБАРТ: ИДЕИ В ОБЛАСТИ
МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ
В СВЕТЕ ВЕДУЩИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ**

Вернера Зомбарта (1863 – 1941) обычно относят к звездной когорте основоположников классической немецкой социологии, где он занимал, можно сказать, одну из первых позиций вплоть до конца 30-х гг. XX века. Это был влиятельный и сильный публичный ученый, активно занимавшийся, прежде всего, социально-политическими проблемами.

В центре внимания Зомбарта находился основной вопрос социологии, социальной философии и политики рубежа XIX - XX вв., а именно современный западноевропейский капитализм. Изучал он его вместе с органически связанными с ним процессами: динамика изменений в духовной сфере, в общественном настроении, в мотивации действий людей, сдвиги в социальной структуре и т.д. Акцент при этом он делал на специфику их проявления в Германии. Данной проблематике посвящена, в частности, значительная часть труда Зомбарта «Современный капитализм» и целый ряд других работ. Осмысление и тщательное изучение проблемы генезиса капитализма позволили ученому составить прогноз его дальнейшей эволюции. И в главных своих чертах этот прогноз можно считать оправданным, вплоть до идеи о возникновении конкурентной глобальной мировой экономики.

В начале представляется необходимым обратиться к выявлению истоков научного мировоззрения Зомбарта, а именно к неокантианской социальной философии.

Как известно, Г. Риккерт и др. «баденцы» предложили новое понимание научной рациональности. Разделение наук – науки о природе и науки о культуре – основано у них на существовании внутри научного знания противоположных принципов отбора и упорядочивания эмпирического материала, то есть в противоположность генерализирующему (номотетическому) методу естественных наук и социологии исторические науки используют индивидуализирующий (идеографический) метод, который ориентирует на понимание уникальных смыслов, существующих в действиях исторических субъектов.

М. Вебер, развивая риккертговскую методологию, приходит к выводу о том, что противопоставление социологии и истории неправомерно, так как обе эти науки имеют дело с человеческой культурой, то есть с осмысленной действительностью. Значит, социологии нельзя ограничиться одной лишь генерализацией, ей следует также заниматься и трактовкой смысла «социального действия». Главным инструментом социально-культурного исследования должен являться «идеальный тип». Таким образом, Вебер устанавливает неразрывность и переплетенность социологии и истории, понимания и объяснения, теоретического и эмпирического исследования.

В. Зомбарт же противопоставляет социологию и историю как теоретический и эмпирический виды знания. Теория, которая вносит в мир порядок и схему, требует упорядочивающего принципа. Однако само открытие этого принципа в социальной науке есть историческая проблема. Зомбарт выделяет в истории каждой социальной и хозяйственной системы по три эпохи, при этом приходит к выводу, что в «эпоху расцвета» наиболее целесообразен «причинный метод» группировки событий (феноменов), а в «раннюю» и «позднюю» эпохи – «телеологический метод». На наш взгляд в этом заключается один из исходных пунктов методологии Зомбарта.

Далее, он отделяет социологию от номотетических наук, и определяет социальную закономерность как последнюю причину, к которой сводятся те или иные социальные факты. Объяснить же социальные факты – это значит дать объяснение, исходя из преобладающих в данную эпоху мотивов действующих субъектов. Можно сказать так, что социология есть сумма различных теорий для определенных исторических периодов, но только для тех, где наблюдается хозяйственная система, которая закономерно себя воспроизводит, закономерно объясняема и прогнозируема. Получается, что «причинный метод» и теория неотделимы. Это означает, что теорию для «ранних» и «поздних» эпох невозможно построить. Здесь возможно лишь эмпирическое исследование. Например, если рассматривать все тот же капитализм, то его генезис может быть рассмотрен с точки зрения случайного совпадения фактов и смысл этих совпадений может быть понят только когда мы знаем, что явилось его результатом, то есть, понят телеологически.

Определенное влияние на формирование методологии Зомбарта оказал и К.Маркс, в котором первый виде не столько идеолога, сколько крупнейшего теоретика и историка капитализма. Но Маркс изучал капитализм в самом расцвете, усматривая в нем огромный творческий потенциал. Зомбарт же считал, что наблюдает закат данной общественной

системы. В связи с этим, Зомбарт видел свою миссию в том, чтобы «расколдовать» Маркса, дополнить его и тем самым сказать «последнее скромное слово» о капитализме.

Следующий вопрос на наш взгляд можно сформулировать так: какое место занимают идеи Зомбарта в свете основных научных традиций. Однако чтобы на него ответить, необходимо задать другой вопрос: каковы же эти традиции?

В научной литературе существует устоявшееся положение, что в истории философии и социологии можно выделить две наиболее влиятельные группы подходов к социально-исторической проблематике. К XX веку они оформились, конечно, весьма условно, как гегелевско-марксистское и неокантианское направления (к последнему относят к слову и феноменологию).

Первое ориентируется на создание социальной теории, то есть, стремится познать специфическую социальную закономерность. Например, у Гегеля суть ее в том, что цели и результаты деятельности не совпадают; причина этого – отклоняющий момент – и есть закон. Маркс же приходит к выводу о материальной обусловленности форм общественного сознания.

Второе признает уникальность всего социального. Центральным пунктом здесь является стремление понять и объяснить социальные феномены, исходя из преобладающих мотивов действующих индивидов. При этом общество понимается, прежде всего, как связи общения, коммуникации.

Можно сказать, что Зомбарт придерживался скорее второго подхода, но при необходимости ряда оговорок.

Итак, в первую очередь следует обратиться к важному понятию социальной философии Зомбарта, к понятию «хозяйственного духа» и выяснить место, которое оно занимает в системе категорий теории хозяйства.

Производство определяется Зомбартом как «сообщество для совместной работы». Хозяйство же охватывает все множество видов экономической деятельности, включая производственную, и является сообществом для реализации этой деятельности. В своей истории, пишет автор, человечество проходит три ступени хозяйства: от индивидуального через переходное к общественному. Однако эта тенденция не объясняет конкретного факта существования той или иной ступени и форм производства в конкретных исторических пространстве и времени. Понять любой социальный (и экономический) факт можно путем сведения его к мотивам, целям субъекта, это уже было сказано. Но эти мотивы сложны,

их много и поэтому их сводят к основному «хозяйственному принципу», который господствует в данную эпоху на уровне психических установок. Этот принцип внешне выражается в виде «хозяйственного строя» или уклада. Хозяйственный строй, в котором доминирует определенный хозяйственный принцип, образуют «хозяйственную систему».

«Хозяйственный дух» Зомбарт определяет как «совокупность свойств и функций, сопровождающих хозяйствование». Можно сказать, что хозяйственный дух – это определенный психический склад хозяйствующего субъекта. Именно в этом смысле Зомбарт употребляет такие понятия как «предпринимательский», «мещанский» дух и т.д. Далее у Зомбарта мы встречаем понятие «хозяйственный дух эпохи», то есть, социально-психологический портрет идеального хозяйственника, наиболее адекватный конкретно-исторической форме хозяйства. В качестве примера можно назвать «капиталистический дух». Учение о хозяйственном духе – это учение о человеке как носителе духа определенной системы хозяйствования.

Именно в «капиталистическом духе» Зомбарт видел создателя капиталистической формации, ее причину и движущую силу. Говоря другими словами, «дух капитализма» - это совокупность психических свойств и функций (душевный строй, строй мышления). Для него характерно стремление к получению законной прибыли в результате мирной, систематической хозяйственной деятельности. «Капиталистический дух» - это портрет идеального хозяйственника, созданный определенной эпохой, реальными прототипами которого являются представители конкретных психологических типов. Последние существовали еще до капитализма, но объединяла их низкая доля соответствующих им генотипов в генофонде популяции и их психологическая и культурная исключенность в XVI веке из системы традиционного общества. «Капиталистический дух» возникает как выражение новых целей и средств хозяйственной деятельности, которые создаются путем сложных совпадений случайных относительно определенных пространства и времени условий.

Такова в общих чертах зомбаровская концепция генезиса «капиталистического духа». В итоге же, если говорить в целом, модель развития общества, предложенная Зомбартом, может быть представлена так: у истории есть закономерности двух типов – прогрессивные и стабилизирующие. Прогрессивная тенденция извлекается им из антропологии – человек есть существо, способное создавать средства своей деятельности. Развитие общества, таким образом, определяется совершенствованием этой способности, которую можно обозначить как «техника». Про-

гресс техники ведет по Зомбарту к освобождению от природы. Вся история сводится к рационализации деятельности человека.

Однако человек все же никогда не перестает быть природным, биологическим существом. И, чем меньше зависимость от природы, тем острее становится невозможность ее полного «снятия». В этом суть закономерности стабилизации или стагнации, традиционализма.

Конкретный факт существования определенной экономической и социальной системы не объясним, исходя из одних лишь универсальных закономерностей. Последние осуществляются только через деятельность людей, обладающих тем или иным духом. Таковы, на наш взгляд, в самом общем виде некоторые идеи В. Зомбарта в области социологии и социальной философии, рассмотренные в контексте ведущих направлений в этих областях рубежа XIX - XX вв.

Список литературы:

1. Вальдштейн М.О. Очерк исторической социологии В.Зомбарта // Кентавр, 1993, №6.
2. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / М. Вебер. – М.: РОССПЭН, 2006.
3. Голосенко И.А., Скороходова А.С. Сочинения зарубежных социологов в русской печати. Библиографический указатель - СПб., 1997.
4. Зомбарт В. Собрание сочинений: в 3 тт. - СПб, 2005.
5. Зомбарт В. Буржуа. - М.: Айрис-пресс, 2004.
6. Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь // Журнал социологии и социальной антропологии, 2001, №1.
7. Шпакова Р.П. Вернер Зомбарт, германский феномен // Социологические исследования, 1997, №2.

С.В. ПАНОВ, С.Н. ИВАШКИН

ВОПРОС О ФАКТИЧНОСТИ, ВОЛЕВОЙ СУБЪЕКТ И ЛОГИЧЕСКИЙ ЭССЕНЦИАЛИЗМ

(к логике эпистемологического тупика
в аналитической философии)

Посттрансцендентальная философия XIX-XX вв. стремилась к преодолению познавательного априоризма, обретая в знаковых системах источник достоверности опыта. В прагматике и семиотике Пирса волевой субъект обнажается как знаковая природа, которая уже всегда хранит в

себе содержания и правила их считывания посредством «логических интерпретантов», в философии языка Витгенштейна волевой субъект сворачивается до фактичности мира и солипсистское сознание, подчиненное внутренней форме логического контекста.

Фактичность мира, только на первый взгляд ничего не имеющая общего с фактичностью здесь-бытия у Хайдеггера, которое понимает себя из автоаффективного самоотношения мысли о конечности собственного бытия, превращается у Витгенштейна в «космохаос» бесконечных возможностей связывания воспринимаемого и мыслимого. Причина этому – исходный переворот в философском письме, который открывает Витгенштейн: не возможность бытия заключает в себе условие ситуации, а мысль заключает возможность той ситуации, которая ею мыслится.

Иными словами, бытие больше не воплощение Божьего замысла, равнодушной природы или трансцендентальной Идеи, определявших и реальность, и формы ее познания, отныне это – бесконечное множество контекстов – языковых игр, которые создают исходя из своих смысловых ожиданий и контекстуальных конвенций сами «говорящие» существа, переставшие мыслить априорные условия собственного совместного опыта. Волящий субъект принимает эту фактичность, освобожденную от всяких определений, как абсолютную вероятность мира, чтобы испытывать ее, чувствовать ее, запрещая себе высказывать само ощущение мистического в мире как ограниченном целом *sub specie aeternitatis* [1, С.104].

Философская металогика науки С. Крипке сообщает научным предложениям истину, которую оно заранее формулирует: эти предложения развертывают тождество референтов научного дискурса самим себе, превращаясь в абсолютную иллюстрацию вписанных в них понимаемых предположений, в опыт логического эссенциализма [1, С. 188].

В употреблении имен собственных, которыми стали и субъекты, и предикаты суждения, воплощается исследовательское сознание референта, которое не нуждается в самосознании самого акта референции: оно порождает референционный акт, производя собственную самодостаточность, не высказывая ни того, что оно породило эту связь видимого и произносимого, ни того, что оно в самом деле состоялось, исходя из единственного факта своего тождества изоляции и выражения референта как номинальной абстракции вне контекста связей с другими референтами [1, С.204].

Таким образом, тождество бытия и мышления, воплощенное в языковых играх или номинальных конструкциях, снимает саму дистанцию познаваемого, заменяя его предвосхищаемой в любом опыте проекцией

контекстуальных реакций собеседников или предикативных свойств предмета, что ведет к хронической рефлексии и самоустранению познающего мышления.

1. Jacques Poulain. La loi de vérité (ou la logique philosophique du jugement). Paris, Albin Michel, 1993, 266 p.

Г.И. Гальченко, В.Ю. Лось

ДВА КЛЮЧА К «МОЛЕКУЛАМ СЧАСТЬЯ» С ПОЗИЦИИ ДВОЙСТВЕННОСТИ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Поведение человека и животных давно вызывает широкий интерес у специалистов разного профиля. В изучении этой проблемы принимают участие не только социологи, психологи, этологи, генетики, но и химики, физиологи, биохимики, нейробиологи. Особое место в ряду таких исследований отводится изучению нейропептидов – небольших аминокислотных последовательностей, играющих важную роль в формировании поведения. В частности, к ним относятся эндорфины, которые, как известно, обладают морфиноподобным действием, вырабатываются в центральной нервной системе позвоночных и участвуют в нейробиохимических механизмах болеутоления¹.

Эти вещества иногда называют информационными молекулами, потому что они передают «химический сигнал» от нервной системы к эндокринной и иммунной системам. Они влияют на эмоциональное состояние: приводят человека в состояние эйфории, поэтому их иногда называют «природными наркотиками», «гормонами радости», «молекулами счастья». Ученые считают, что эндорфины необходимы для хорошего самочувствия, а их недостаток может быть причиной развития наркотической, в том числе алкогольной, зависимости².

Автор одной из работ приводит следующее образное сравнение эндорфинов: «Если уподобить счастье надежно запертому сейфу, то эндорфины – ключи к нему. Сейф можно взломать – это происходит при попытке добиться блаженного состояния с помощью алкоголя – или подобрать к нему отмычку – таково действие наркотиков. Но при прекращении их действия индивидуум испытывает раскаяние, словно чувствуя, что доступ к счастью был получен незаслуженно. По совершению правильных, благородных поступков мозг синтезирует эндорфины, что вы-

¹ Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М. С. Гиляров. - М.: Советская энциклопедия, 1986, с.736

² Шимановский Н. Гармонию проверим алгеброй // Наука и жизнь, №7, 2007, с. 40

зывает ощущение счастья. Парадоксально, но факт – мозг их синтезирует словно по указанию свыше»¹.

За почти 40 лет со времени открытия эндорфинов был установлен ряд фактов, среди которых мы бы хотели выделить следующие:

а) эндорфины вырабатываются не только в мозге и действуют не только на нервные клетки, а в зависимости от мыслей и эмоций человека эти нейропептиды вырабатывают и клетки крови, и органы пищеварения, и даже сердце. Мишенью действия эндорфинов могут быть все клетки организма – иммунные, клетки крови, костного мозга, кишечника и т.д.²;

б) выброс эндорфинов в кровь может происходить под действием какого-либо стресса или смеха³;

в) установлена связь между восприятием музыки и уровнем эндорфинов в определенных областях мозга⁴;

г) в результате электростимуляции мозга содержание наиболее сильного среди эндорфинов – бета-эндорфина в плазме крови и спинно-мозговой жидкости увеличивается в несколько раз. В медицине этот факт используют для лечения различных болевых синдромов: при радикулитах, остеохондрозах, головной и зубной боли⁵;

д) в результате электростимуляции мозга стимулируется работа иммунной системы, повышается сопротивляемость организма к различного рода инфекционным заболеваниям. Каким образом? Оказывается, лимфоциты – клетки, отвечающие за иммунный ответ, имеют на своей поверхности множество опиатных рецепторов. Бета-эндорфин, попадая в кровяное русло, взаимодействует с ними, таким образом, активируя лимфоциты и побуждая их более интенсивно уничтожать чужеродные для организма белки, вирусы и клетки⁶.

На наш взгляд, искусственную стимуляцию эндорфинов вряд ли можно назвать истинным «ключом к счастью», поскольку при этом только притупляется боль, но не убирается ее причина.

Тот факт, что выработка эндорфинов зависит от мыслей, эмоций и реакций человека, наводит на мысль о необходимости контроля за этими проявлениями.

¹ Стародуб В.А. Химия эмоций // Universitates, №3, 2006, режим доступа: http://universitates.univer.kharkov.ua/arhiv/2006_3/starodub/starodub.html

² Белоконева О. Как устроено хорошее настроение // Наука и жизнь, №6, 2009, с. 81

³ Там же.

⁴ Шимановский Н. Гармонию проверим алгеброй // Наука и жизнь, №7, 2007, с. 40

⁵ Маркина Н. Сильное действие слабого тока // Наука и жизнь, №1, 2001, с. 10

⁶ Там же.

Интересен и тот факт, что некоторые фрагменты пищевых белков (экзорфины) действуют подобно эндорфинам. К экзорфинам, например, относят пептиды, выщепляющиеся из пшеничного белка глютена и казеинов молока¹.

Экзорфины могут оказывать как благоприятные, так и неблагоприятные нейротропные эффекты. Благоприятные эффекты: снижение тревожности, улучшение обучения, ослабление поведенческих проявлений депрессии, увеличение привязанности детеныша к матери. Неблагоприятные эффекты: увеличение вероятности проявления аутизма и шизофрении, нарушение материнского поведения. Следовательно, экзорфины не могут быть истинным «ключом к счастью».

Диетологи давно обратили внимание, что при избытке экзорфинов в пище возможны неблагоприятные психические и неврологические изменения. В 70-х годах XXв. ученые предположили, что глютен и казеины способствуют развитию шизофрении и аутизма. Существует гипотеза о влиянии на возникновение шизофрении двух факторов: генетических аномалий, вызывающих повышенную проницаемость кишечных мембран, и диеты, содержащей избыток глютена и казеинов. При совпадении этих факторов в крови и в мозговой жидкости (ликворе) накапливаются экзорфины, что может привести к появлению психических расстройств.

Однако пока в ходе разработок и практического применения специальных «антишизофренических» (свободных от глютена и казеина) диет клиницисты получают противоречивые данные.

Известно, что в грудном молоке человека количество казеинов существенно меньше, чем в смесях – заменителях. Это навело ученых на мысль о неблагоприятном (в плане последующего развития шизофрении) влиянии искусственного вскармливания. Однако ретроспективное изучение особенностей питания больных шизофренией на первом году жизни не дало однозначного результата.

Существует предположение, что к молочным и зерновым продуктам влечет присутствие в них экзорфинов. Некоторые ученые отстаивают точку зрения, что экзорфины, обладая опиоидными свойствами, могли вызывать положительные эмоции, и люди, преуспевшие в употреблении большого количества зерен, открыли для себя опосредуемое ими удовлетворение. С другой стороны, существует диетологическое направление отстаивающее возврат к «палеолитической диете», в которой почти не было белков злаков и молока, а преобладали белки животного проис-

¹ Каменский А.А., Дубынин В.А., Беляева Ю.А. Экзорфины – хорошо или плохо? // Природа, №5, 2006, с. 23.

хождения (мясо, рыба, яйца, беспозвоночные) и белки бобовых и орехов. Последователи этого направления считают такую диету более естественной и защищающей нас от многих заболеваний, а экзорфины с этой точки зрения – несомненное зло.

Таким образом, противоречивость и неоднозначность научных данных о действии экзорфинов, наводит на мысль, что поиск ключей к «надежно запертому сейфу счастья» лежит не на пути поиска правильных диет.

Где же искать истинный ключ к молекулам «счастья»?

На наш взгляд, ответ можно найти, опираясь на идею двойственности природы человека^{1,2}, которая состоит в том, что у человека две природы: низшая (животная) природа, в основе которой эгоизм, и Высшая (божественная) Природа, в основе которой любовь к ближнему. Об этом говорили Платон, Гермес Трисмегист, эту идею встречаем в древнеиндийской философии веданты и в античной философии Древней Греции, во взглядах Конфузия и Лао-цзы.

Эту идею развивал и Г.Сковорода: «Каждый же человек состоит из двоих, противостоящих себе и борющихся, начал или естеств: из горнего и подлого, сиречь из вечности и тления. Посему в каждом живут два демона или ангела, сиречь вестники и посланники своих царей: ангел благой и злой, хранитель и губитель, мирный и мятежный, светлый и темный... Справьтесь, о други мои, с собою, загляните внутрь себя. Ей, сказываю вам, увидите тайную борьбу двоих мысленных воинств...»³.

С этой позиции становится ясным, что все «незаконные ключи к молекулам счастья» есть проявления низшей природы, т.е. эгоизма – желания получения удовольствия, кайфа и ведут к последующим страданиям, ломкам и т.п. Истинный ключ к «молекулам счастья» - на пути устранения эгоизма, в направлении к альтруизму. Жизнь подвижника Г. Сковороды – это пример жизни с правильным ключом к счастью.

В заключение хотелось бы привести слова Г.Сковороды: «Глава дел человеческих есть дух его, мысли, сердце. Всяк имеет цель в жизни, но не всяк главную цель, то есть не всяк занимается главою жизни. Иной

¹ Колубай С.К. Троичность и двойственность человека. Харьков: РФО им. Г. С. Сковороды, 2008, с. 64, режим доступа: <http://static.csfi.ru/files/books/Troichnost-i-dvojstvennost-cheloveka.pdf>

² Гальченко Г.И. Принцип природосоответствия как утверждение приоритета духовно-нравственной составляющей в воспитании личности (социально-философский анализ): Дис...к.ф.н.: 09.00.03. – Харьков: ХГУ «НУА», 2005, с. 212, режим доступа: <http://static.csfi.ru/files/books/kandidatskaya-dissertaciya-gi-galchenko.doc>

³ Сковорода Г. Сочинения в двух томах, т.1. - М.: Мысль, 1973, с. 283.

занимается чревом жизни, то есть все дела свои направляет, чтобы дать жизнь чреву; иной – очам, иной – волосам, иной – ногам и другим членам тела; иной же – одеждам и прочим бездушным вещам; философия, или любомудрие, устремляет весь круг дел своих на тот конец, чтоб дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, светлость мыслям, как главе всего. Когда дух в человеке весел, мысли спокойны, сердце мирно, то все светло, счастливо, блаженно»¹.

«Любомудрие, поселясь в сердце Сковороды, доставляло ему благосостояние, возможное земнородному. Свободен от уз всякого принуждения, суетности, искательств, попечений, находил он все свои желания исполненными в ничтожестве оных. Занимаясь сокращением нужд естественных, а не распространением, вкушал он удовольствий, не сравненных ни с какими счастливыми»².

Мы не призываем, чтобы каждый человек стал странствующим философом. Но, на наш взгляд, в интересах каждого человека, если он хочет эволюционировать, важно понять и осознать, что у него есть Высшая и низшая природа, увидеть «тайную борьбу двух мысленных воинств» и вступить в борьбу с низшей природой, чтобы «дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, светлость мыслям». Вполне вероятно, и на это указывали великие философы, что путь к подлинному счастью лежит именно на пути самообуздания и преобразования всех эгоистических проявлений человека, являющихся источником его страданий.

Л.Г. САВИНОВА

КОНФЛИКТЫ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Отечественное юридическое сообщество, можно рассматривать как познавательное сообщество, которое имеет свою историю развития, становления, проблематику. В настоящее время под профессиональными юридическими сообществами в России следует понимать учрежденные и действующие в соответствии с российским законодательством добровольные, самоуправляемые, некоммерческие образования, созданные по инициативе юристов, объединившихся на основе общности юридических интересов для реализации профессиональных целей, указанных в уставе общественного объединения, и являющиеся формой государственной поддержки институтов гражданского общества.

¹ Там же, с. 403.

² Там же, с. 403-404.

Особенностью большей части юридических конфликтов является то, что они носят формально определённый характер и источником конфликтов являются зачастую не действия субъектов правоприменения, а формально закреплённые положения. Но с другой стороны этот тезис можно подвергнуть сомнению, поскольку конфликт возникает из правоприменения (так как практика является стартером для конфликтов), но оно, в свою очередь, базируется на действующем законодательстве. Я считаю, что основной (фундментальной) причиной конфликта является действующая правовая база и способы её интерпретации.

Предлагаю классифицировать юридические конфликты, прежде всего, по «субъектно-природному» составу:

1. формализованные (конфликтуют формальные институты);
2. персонализированные конфликты (конфликтуют люди, или их объединения).

Существуют различные основные правовые концепции (представленные школами естественного, позитивного, социологического, психологического, религиозного права) и конечно набирают силу влияния современные подходы, однако все эти школы не конфликтуют по поводу классификации по «субъектно-природному» составу.

Рассмотрим другие классификации, которые в свою очередь могут быть включены в качестве подтипов к предложенной классификации. Расхождения по методологии школ мы можем наблюдать именно в этих тонкостях.

По мнению доктора юридических наук Л. Грудцыной, существующие в России профессиональные юридические сообщества в зависимости от правового статуса входящих в них членов (правил приема, условий членства) можно условно классифицировать на два типа:

1) профессиональные юридические сообщества, в которых может состоять любой юрист, независимо от сферы его профессиональной деятельности, наиболее авторитетными и многочисленными из которых являются Ассоциация юристов России (АЮР), Российская академия юридических наук, Московский клуб юристов;

2) профессиональные юридические сообщества определенных юридических профессий (адвокат, нотариус) или сфер деятельности (корпоративный юрист), наиболее авторитетные и многочисленные из которых – Международный Союз (содружество) адвокатов, бывший Союз адвокатов СССР, созданный в 1989 г.; 2 Федеральный союз адвокатов России, учрежденный в 1990 г. и объединяющий более 60 адвокатских образований; Гильдия российских адвокатов, созданная в 1994 г. и объединившая так называемые параллельные коллегии адвокатов; Ассоциа-

ция адвокатов России, созданная в 1990 г. в г. Саратове; Профсоюз адвокатов России; Объединение корпоративных юристов России (ОКЮР), палаты адвокатов (именно перед их комиссией сдают экзамены люди, которые хотят стать адвокатами), например Палата Адвокатов Ульяновской Области или Федеральная Палата Адвокатов.

Для формирования и поддержки институтов гражданского общества в РФ, необходимо выделить минимум три важные задачи, стоящие перед юридическим сообществом: 1) создание механизмов самостоятельного регулирования деятельности юридического сообщества; 2) обеспечение поддержки членам юридического сообщества при решении разного рода актуальных вопросов; 3) создание современной системы информационного обмена, совершенствование издательской деятельности, создание условий для общения коллег и обмена опытом.

В правоприменительной практике и теории, юристы сталкиваются с противоречиями, порождающими конфликты. Классификация этих эпистатических конфликтов может проходить по различным основаниям и принципам:

1. По отраслевому принципу (конфликты рождаются в сфере уголовного, административного и других сфер материального права).

2. По типу правоотношений (выделяют публичные и частные правоотношения). Сделка между двумя лицами – пример частных правоотношений. Публичным является, например, международный договор (конституционное право, международное право, уголовное, процессуальные нормы»).

3. Судебные и внесудебные конфликты. Разрешаются судом либо разрешаются иным способом (медиация).

4. Конфликтным является вопрос практического право применения, соответствия духа и буквы закона объективной реальности.

5. По причинам возникновения: по правонарушению и злоупотреблению правом; от действия или бездействия сторон права; из нарушений договорных обязательств; преступление, ввиду разницы понятий правонарушение и преступление.

6. Институциональный конфликты. Конфликт институтов. Например, существует институт гражданской защиты чести и достоинства, которое противостоит уголовный способ защиты чести и достоинства. Понятие «клевета» и «ответственность за клевету» введена в уголовном правовом институте.

7. Конфликт на почве поиска равновесия между свободой слова и правом на доброе имя.

8. Конфликты по субъектному составу. Участники только физические лица, либо только юридические лица, т.е. частные лица. Государственные органы или муниципальные органы и частные лица.

9. Конфликты правовых систем. Например, в вопросах о детях при разводе родителей, имеющих разное гражданство, правовая система Франции и конфликтует с правовой системой России.

10. Конфликты возникающие из-за противоречий в актах толкования нормативно-правовых актов (НПА) (информационные письма ВАС, Постановления Пленума ВАС и ВС РФ, Определения и Постановления Конституционного Суда Российской Федерации), а также на региональном и федеральном уровнях законодательства, в отношении уже законов и подзаконных актов – так называемый «властный» конфликт.

11. Другую модификацию «властный конфликт» имеет при возникновении конфликтов в законодательстве на муниципальном (локальном, местном), региональном и федеральном уровнях законодательства. Разрешаются они по применению закона, имеющего высшую юридическую силы по сравнению с другими, либо, через суд. В международном масштабе законы отдельных государств, как правило, не действуют, а применяются нормы международного договора.

Учитывая приведенную выше классификацию, можем сказать, что причины и поводы возникновения конфликтов в юридическом сообществе носят системный, структурный характер, а также тесно связан с политикой (внешней и внутренней политикой государства). Разрешаются конфликты правовым путём, с применением норм и законов наиболее развитого цивилизованного общества.

Таким образом, перечисленные конфликты выполняют «качественную» функцию, так как изменяют качество существующих правоотношений, законодательства в целом.

За последние годы коренным образом изменились роль и значение юридической профессии, повысился ее авторитет, возникли новые юридические специальности, корпоративные объединения юристов, стали иными структура, методы и формы юридического образования. Только единое и авторитетное общенациональное объединение правоведов может внести свой весомый вклад в обеспечение строжайшего соблюдения законов и улучшение правового воспитания граждан и, что также важно, в усиление контрольных функций общественности за соблюдением правовых норм. Во многих странах мира активно действуют ассоциации и союзы юристов, которые обладают большим общественным и политическим авторитетом, оказывают значительное влияние на формирование государственной политики и правовой культуры граждан. В России также

действуют десятки объединений юристов, большинство из которых входит в состав Российского Союза юристов и Союза юристов России. Учитывая общность целей и задач двух союзов, необходимость консолидации юридической общественности, с целью более активного участия правовых объединений в поддержке и развитие гражданского общества и активизации участия общественных организаций в строительстве правовой и демократической России руководство обоих союзов приняло решение об объединении их в единую организацию.

М.Н. МАРЕНИНА

**ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ
Ф. ДОСТОЕВСКОГО И З. ФРЕЙДА:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА И НАУКИ**

Спор о том, является философия наукой или нет, в строгом ее понимании, ведется давно и, похоже, никогда не утратит своей актуальности. Не обошел он стороной и довольно молодую отрасль философского знания (хотя отдельные ее элементы присущи еще авторам античности) – философскую антропологию. В данной статье рассматриваются методы (а конкретно – способы постановки вопроса, или вопрошания, о человеке) Ф. Достоевского и З. Фрейда.

Выбор авторов далеко неслучаен. Во-первых, оба они – и Ф. Достоевский, и З. Фрейд, несомненно, являются гениальными философами-антропологами, хотя сам Достоевский к таковым себя и не относил. Во-вторых, данный выбор наиболее остро отражает противостояние двух из возможных точек зрения на сущность философско-антропологического исследования.

С одной стороны – постижение жизни человеческой души через художественное творчество. В философско-антропологическом плане оно берет свое начало еще в исповеди Августина, «Мыслях» Паскаля и «Опытах» Монтеня, но наиболее полно и глубоко реализовалось, конечно же, в произведениях Ф. Достоевского. Впоследствии этот опыт был подхвачен и плодотворно применен французскими экзистенциалистами и Альбером Камю. Достаточно вспомнить идею одинокого предстояния человека перед лицом Ничто в «Тошноте» Ж.-П. Сартра и трагическую сентенцию «Другой – это ад» в его пьесе «За закрытыми дверями», «Чуму» Камю, в которой обнаруживаются практически все основные положения его абсурдизма (кроме того, это - единственное произведение, в котором Камю определяет свою философскую позицию в двух словах, называя ее «деятельным фатализмом»), а Франц Кафка, как и Ф. Досто-

евский, никогда не писал научных работ, что не лишает философской ценности его художественные произведения.

С другой стороны – это попытка строго научной интерпретации душевной жизни человека, новаторски осуществленная З. Фрейдом при помощи созданного им психоаналитического метода.

Данная статья имеет целью выяснить, какой из этих двух методов оказывается более плодотворным в постижении человека, сокровенных тайн его души и разрешения извечного вопроса, задаваемого себе человеком: «Что я есть?».

1. Человек в цивилизации. Эрос и Танатос З. Фрейда.

З. Фрейд ведет свое философско-антропологическое исследование, сообразуясь с той конкретной задачей, решать которую он был вынужден как врач-психиатр и психолог. Занимаясь проблемами неврозов и разрабатывая собственный психотерапевтический метод психоанализа как способ их лечения, Фрейд опирался на практический опыт, полученный им в клинике. Соответственно, и проблема человека ставилась Фрейдом как психиатром: он обращается к поиску причин, способных вызвать у человека расстройства психики. Это, в конечном счете, привело Фрейда к постановке вопроса о соотносительности человека и цивилизации, индивида и общества.

Обратившись к современным ему исследованиям жизни аборигенов Австралии и Полинезии («Тотем и табу»), и будучи уверен в эффективности и универсальности своего детища – метода психоанализа – Фрейд утверждает, что «в душевной жизни народов должны быть открыты не только подобные же процессы и связи, какие были выявлены при помощи психоанализа у индивида, но должна быть также сделана смелая попытка осветить при помощи сложившихся в психоанализе взглядов то, что осталось темным или сомнительным в психологии народов»¹.

В «Неудовлетворенности культурой», как бы подводя итог всему написанному им ранее на эту тему, Фрейд утверждает, что любая цивилизация основана на отказе от инстинктов, и предполагает неудовлетворение (подавлением, уничтожением или другими способами) сексуальных инстинктов. Эта «культурная фрустрация» доминирует в области социальных отношений между людьми. А так как основным инстинктом, управляющим человеком, Фрейд считает инстинкт продолжения рода, то и понятие «цивилизация» у него формулируется как процесс, «находящийся на службе Эроса, цель которого – объединить одиночные челове-

¹ Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. Библиотека «Вехи», 2001, с. 1.

ческие индивиды, а затем семьи, затем расы, народы и нации в одно великое единство, единство человечества»¹. Здесь Эрос имеет конкретное, чисто физиологическое и далекое от какой бы то ни было поэтики значение сексуального влечения.

Исходя из принятого им утверждения, что Эрос и Ананке (Любовь и Необходимость) также стали прародителями человеческой цивилизации, смысл развития (эволюции) цивилизации представляется Фрейду как вечная борьба между Эросом и Смертью. В этом состоит вся жизнь, – борьба за жизнь человеческого рода.

Меж тем, вполне очевидно, что борьба, о которой идет речь, лежит в плоскости биологических законов, но никак не в плоскости законов социальных, поэтому говорить в таком ключе об «эволюции цивилизации» – недопустимая редукция, но Фрейда это ничуть не смущает. Он и рассуждает как физиолог, а не как социолог, считая такой ход исследования вполне правомочным.

Смерть (Танатос) выступает у Фрейда не просто как реальность, с которой человек вынужден бороться как биологический вид, а как еще одна движущая сила человеческого существования. Инстинкт разрушения, разложения, который, по мнению Фрейда, должен необходимо (Ананке) быть присущ *природе* человека в качестве диалектической противоположности инстинкту сохранения живой материи: «помимо инстинкта, сохраняющего живую материю, должен существовать, противоположный инстинкт, направленный на разложение – наравне с Эросом, существовать инстинкт смерти»².

Такое допущение возможно, только если рассуждать на «молекулярном» уровне. Действительно, закон сохранения массы требует сохранения определенного количества вещества: если в одной точке Вселенной что-либо образуется, то в другой, по требованию этого закона, оно должно быть разрушено. Тогда Эрос можно рассматривать (в качестве стремления к простому количественному увеличению числа человеческих особей) как стремление к сохранению и росту живой материи, а Танатос – как стремление к ее уничтожению. Таким образом, Фрейд образует диалектическую пару: Эрос (половой инстинкт) – Танатос (инстинкт смерти).

Следуя «молекулярной» логике, Фрейд делает вывод, что, когда этот инстинкт направлен вовне, он проявляется в виде инстинкта агрессивности и разрушения и мог бы быть «поставлен на службу Эросу – ор-

¹ Там же, с. 54.

² Там же, с. 49.

ганизм разрушал бы что-то другое, вместо себя самого. И наоборот, любое ограничение этой агрессивности, направленной наружу, будет обязательно усиливать саморазрушение, которое в любом случае произойдет. Два вида инстинкта не проявляются отдельно друг от друга, и становятся недоступными для нашего суждения»¹, и совершает ошибку.

Дело в том, что в своем рассуждении Фрейд осуществляет скачок от одного уровня к другому – он ставит знак равенства «организм» = «человек», а логика рассуждения у него при этом не меняется, продолжая оставаться «молекулярной». Но организм живет по иным законам, чем материя как таковая. Инстинкт агрессивности, о котором в данном рассуждении говорит Фрейд, есть инстинкт самосохранения, а не саморазрушения. Это – инстинкт самозащиты, и у животного он никогда не обращен вовнутрь, против себя самого. Инстинкт продолжения рода и инстинкт самосохранения, действительно, являются основными на уровне организмов, но не второй стоит на службе у первого, а наоборот. Они вполне способны проявляться каждый в отдельности и у животных никогда не выступают в качестве антагонистов. То есть, если рассматривать человека как организм, у него не может существовать **инстинкта Смерти**, ведь уже на уровне организма человек есть некое единство.

Ошибочное суждение Фрейда тянет за собой последующие несоответствия.

Несоответствие 1. «Запаздывающая логика».

«Инстинкт разрушения, должен обеспечивать *его* удовлетворение его жизненных потребностей»², – утверждает Фрейд. Но мы уже видели, что на «организменном» уровне не существует инстинкта разрушения (Танатоса). Тем более, не существует на этом уровне *его*, которое присуще человеку только как разумному существу. Следовательно, речь здесь идет уже о человеке не как об организме, а как об индивидуе – то есть, Фрейд снова совершает скачок на следующую ступень. Логика его рассуждений также поднялась на ступеньку выше – она стала «организменной», но все же не поспевает за объектом исследования, *запаздывает*. В результате мы наблюдаем у Фрейда несоответствие логики философско-антропологического исследования объекту исследования.

Несоответствие 2. Противоречие самому себе.

В одном месте цивилизация, по Фрейду, «основана на **отказе** от инстинктов», а в другом он утверждает, что цивилизация **служит** Эросу, т.е. половому *инстинкту*. Налицо противоречивость самому себе, причем

¹ Там же, с. 50.

² Фрейд З. Либи́до. М., 1996, с. 53.

в одной и той же работе («Неудовлетворенность культурой»).

Несоответствие 3. Двойная экстраполяция метода.

Фрейд четко определяет, что «душевные процессы и связи» выявленные у «отдельных индивидов», были открыты им с помощью психоанализа. Но данный метод разрабатывался им в процессе изучения современных людей, а никак не примитивных. Несомненно, что между человеком цивилизованным и аборигеном Австралии очень много общего в силу того, что они - люди. Но метод, созданный при изучении невроза – болезни цивилизации – совершенно неоправданно применять к представителю далекого от цивилизации племени, это будет явной экстраполяцией. Соответственно, и придавать слишком большое значение воздействию физиологических законов на современного человека, исходя из их влияния на «примитивные народы», также будет недостаточно оправданной экстраполяцией, так как в силу совершенно различных условий существования нельзя однозначно сравнивать примитивного и современного человека и делать выводы относительно одного, опираясь на данные исследования другого.

С учетом выявленных в рассуждении Фрейда несоответствий вырисовывается довольно любопытная картина его постановки проблемы «человек». «Примитивному человеку жилось лучше без ограничений инстинкта»¹, – утверждает он, так как цивилизация приносит человеку одни неприятности и даже страдания: ограничивает его сексуальное влечение и подвергает всевозможным лишениям «в угоду своим культурным идеалам»². А так как культурным идеалом, по мнению Фрейда, является божество, то требования цивилизации по отношению к человеку оказываются непомерно высоки, и человек просто не в состоянии выполнить их. Результатом является конфликт между цивилизацией и человеком, способный вызвать у последнего невроз.

Такое положение вещей не может устраивать человека, поэтому он ищет способы защиты от прессинга цивилизации, обнаруживая их в ней же самой. Одним из таких способов Фрейд называет сублимацию – способность переориентации либидо на наслаждение красотой (хотя сама красота, как он считает, неоспоримо происходит из сексуальности). «Цивилизации не обойтись без красоты»³, – считает Фрейд, так как она является той «костью», которую цивилизация может кинуть человеку, чтобы погасить его агрессивность по отношению к себе и дать возможность переключить свои сексуальные стремления в другую сферу. Тогда «упо-

¹ Там же, с. 48.

² Там же, с. 27.

³ Там же, с. 23.

ение процессом творчества, материализация фантазий для художника, решение задач и установление истины для ученого дают удовлетворение»¹. Таким образом, цивилизация, с точки зрения Фрейда, опосредована через красоту и оказывается на службе Эроса.

В противном случае, если сублимации не наступает, человек сопротивляется прессингу цивилизации и либо угрожает ей через протест, либо угрожает себе через невроз (когда он подавляет в себе этот протест). Таким образом, цивилизация вызывает действие Танатоса, а «в результате изначальной взаимной враждебности людей, цивилизованному обществу постоянно угрожает дезинтеграция»².

Отношения между человеком и цивилизацией Фрейд называет амбивалентными, и суть проблемы человека видит именно в противостоянии между Эросом и Танатосом. И, хотя он признает, что стремление к освобождению от требований цивилизации может быть протестом против несправедливости и благоприятным фактором для ее дальнейшего развития, но «порожденное пережитками первобытной личности, не укрощенной цивилизацией, оно может стать основой враждебного отношения к ней»³. Поэтому «роковым вопросом для человеческих видов» Фрейд считает вопрос, сможет ли Эрос подчинить себе Танатос.

2. Ф. Достоевский: глубины души человеческой.

«Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой»⁴, – писал о себе Ф. Достоевский. И действительно, в его произведениях нет ничего, кроме человека и человеческих отношений. Достоевский исключительно поглощен темой человека, он, по выражению Н. Бердяева, «прежде всего, великий *антрополог*, исследователь человеческой природы, ее глубин и ее тайн»⁵, а все его литературное творчество Бердяев называет лишь методом антропологических изысканий и открытий. Рассмотрим, каким же образом задается проблема «человек» писателем.

На первый взгляд может показаться, что Достоевский во многом перекликается с Фрейдом, предвосхищая его проблематику человека как бесконечную борьбу инстинктов любви и смерти – его герои всегда раздираемы страстями, всегда – на грани. Две темы *как бы* особенно отчет-

¹ Там же, с. 20.

² Там же, с. 47.

³ Там же, с. 31.

⁴ *Бахтин М.* Проблемы творчества Достоевского. 2001, Библиотека «Вехи», с. 64.

⁵ *Бердяев Н.* Откровение о человеке в творчестве Достоевского. Впервые: Русская мысль. 1918. Кн. III-IV. Печатается по этому изданию © 2001, Библиотека «Вехи», с. 12.

ливо звучат в его романах: это любовный треугольник и преступление. Криминальный сюжет Достоевский избирает основой самых значимых своих произведений, отчего они становятся похожими на психологические триллеры: убийство в «Преступлении и наказании», убийство из ревности и попытка самоубийства в «Идиоте», убийство и самоубийство в «Бесах», в «Братьях Карамазовых» – снова убийство и самоубийство. И все это обильно приправлено приступами помешательства, исступления, доведено до состояния крайней невменяемости, делающей само существование героев Достоевского почти невозможным. Не им ли в самую пору стать объектами исследования психиатра? Фрейд впоследствии так и поступил: применив к героям Достоевского метод психоанализа, поставил самому автору неутешительный диагноз – эпилептик, невротик, деструктивный мазохист и скрытый гомосексуалист – очень уж задела З. Фрейда насмешка Достоевского над психологией¹.

На самом деле, исследование Достоевским человека через своих героев, его «антропологический эксперимент» в корне отличается от психоаналитического изучения Фрейдом его пациентов в силу различной постановки и решения ими проблемы «человек».

Все, казалось бы, в тематике человека у Достоевского указывает на жажду саморазрушения. Его герои готовы «грызть себя», кричат, что хотят «себя разрушать», что убьют себя (Лизе), пытаются застрелиться (Ипполит) и, наконец, действительно кончают жизнь самоубийством (Кириллов, Кроткая, Смердяков). «Человек любит созидать и дороги прокладывать, это бесспорно. Но отчего же он до страсти любит тоже разрушение и хаос? Вот это скажите-ка!»², – звучит вопрос «человека из подполья», вполне согласуясь с фрейдовским принципом борьбы между Эросом и Танатосом. А вот ответ «подпольщика» самому себе переворачивает все с ног на голову: «Не потому ли, может быть, он так любит разрушение и хаос (ведь это бесспорно, что он иногда очень любит, это уж так), что сам инстинктивно боится достигнуть цели и довершить создаваемое здание? Почем вы знаете, может быть, он здание-то любит только издали, а отнюдь не вблизи; может быть, он только любит создавать его, а не жить в нем»³. У Достоевского нет той однозначности вопроса о человеке, которая так явственно выступает у Фрейда, для него в человеке «слишком много тайн», не зря вырывается у Дмитрия Карамазова: «широк человек, слишком даже широк, я бы сузил»⁴.

¹ См.: *Фрейд З.* Достоевский и отцеубийство, Библиотека «Вехи», 2001, с. 5,9.

² *Достоевский Ф.* Записки из подполья, Библиотека «Вехи», 2002, с. 9.

³ Там же, с. 10.

⁴ *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы, изд. «Карта Молдавеняскэ», 1972, с. 312.

Так в чем же видит Достоевский проблему человека, его тайну? Ответ на этот вопрос дает все тот же «человек из подполья»: «Человек существо легкомысленное и неблагоприятное и, может быть, подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не самую цель. И, кто знает, может быть, что и *вся-то цель* на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой беспрерывности процесса достижения, иначе сказать – *в самой жизни*, а не собственно в цели, которая, разумеется, должна быть не что иное, как дважды два четыре, то есть формула, а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, а начало смерти»¹, «дело в жизни, в одной жизни, – в открывании ее, беспрерывном и вечном, а совсем не в открытии!»², – вторит ему Ипполит. По сути, довершить – значит умереть, и «разрушение и хаос» у Достоевского – лишь промежуточное условие возможной незавершенности. Человек любит их (разрушение и хаос), потому что боится остановиться, *боится смерти*.

Человек как цель, как *проблема смысла* своего собственного существования, загадка для самого себя – вот главный вопрос, который, так или иначе, задают себе и окружающим все без исключения герои Достоевского, и это – его собственное вопрошание. Он сам задает этот вопрос и ищет ответ на него не *за* своих героев, а *вместе* с ними, так как для него, по мнению М. Бахтина, характерно недоверие к собственным убеждениям и выводам в контексте собственного сознания. Он ищет истину в идеальном образе другого человека, который стал бы для него авторитетным, который бы мог переживаться им как подлинная *идея человека*, как его сущность³. Поэтому человеческое существование должно нести в себе какое-то совершенно глубинное, скрытое от поверхностного наблюдателя, может быть даже «подпольное», содержание, иначе оно лишится всякого смысла.

Если Фрейд задает проблему человека скорее отвлеченно, на организменно-биологическом уровне: как проблему отношений между индивидом и средой, то Достоевский стремится погрузиться в «глубины души человеческой», он копает вглубь и, в то же время, жаждет вознестись на недостижимую высоту. Он проблематизирует человека «вертикально» в его неповторимо-личностном и, одновременно, таком общечеловеческом аспекте, что крайними точками этой проблемы для Достоевского могут быть только крайние полюса красоты и трагизма – красоты в его понимании.

¹ Достоевский Ф. Записки из подполья, Библиотека «Вехи», 2002, с. 21.

² Там же, с. 562.

³ См.: Бахтин М. Проблемы творчества Достоевского. 2001, Библиотека «Вехи», с. 27.

В то время как для Фрейда красота есть всего лишь признак сексуального объекта, для Достоевского «красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»¹. В ней, несомненно, присутствует эротический, или, как выражается Дмитрий Карамазов, «содомский» момент. Но при всем этом Достоевский поразительно а-сексуален – как бы ни бушевали любовные страсти на страницах его романов, они никогда не материализуются в эротические сцены, даже когда связь между мужчиной и женщиной действительно имеет место. В красоте и трагизме для него сокрыто нечто такое, что образует «высшего сердцем человека» (там же). Таким образом, красота сама задается Достоевским в *качестве проблемы*, тем самым становясь еще одним вопросом его философской антропологии.

Художественный мир Достоевского – это мир самых предельных величин, и, аналогично математическому понятию предела, они всегда оканчиваются многоточием, характеризующим их открытость, незавершенность. Поэтому, по выражению Бердяева, «различие между «божеским» и «дьявольским» не совпадает у Достоевского с обычным различием между «добром» и «злом». В этом – тайна антропологии Достоевского. Различие между добром и злом периферично. Огненная же полярность идет до самой глубины бытия, она присуща самому высшему – красоте»². Опираясь на собственное видение красоты, Достоевский разводит самые онтологические основания бытия человека: «жизнь» и «смерть», «добро» и «зло», «Бог» и «Дьявол», не совершая при этом статического противопоставления их отношений, как однозначных отношений борьбы. Для Достоевского взаимоотношения этих полярностей всегда динамичны, их границы ускользают и теряются в бесконечности, которая также становится вопросом, проблемой для человека. И это приводит Достоевского вместе с его героями к постановке еще одной фундаментальной философско-антропологической проблемы – *проблемы свободы*.

«Отказаться от всякого права действовать, жить, любить»³, «должен заявить своеволие»⁴, «иметь право пожелать себе даже глупейшего»⁵, и, наконец, «так ли создана природа человеческая, чтобы в ... мо-

¹ Достоевский Ф. Братья Карамазовы, изд. «Карта Молдавеняскэ», 1972, с. 63.

² Бердяев Н. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. Впервые: Русская мысль. 1918. Кн. III-IV. Печатается по этому изданию © 2001, Библиотека «Вехи», с. 35.

³ Достоевский Ф. Преступление и наказание, М.: Художественная литература, 1969, с. 43.

⁴ Достоевский Ф. Бесы, С-Пб, изд. Азбука-классика, 2005, с. 236.

⁵ Достоевский Ф. Записки из подполья, Библиотека «Вехи», 2002, с. 14.

менты самых страшных основных и мучительных душевных вопросов своих оставаться лишь со свободным решением сердца?»¹, – этими высказываниями героями Ф. Достоевского формулируется вопрос о человеческой свободе. Он как бы аккумулирует в себе все вопросы, поставленные ранее, вбирает их в себя, при этом, нисколько не умаляя значимости каждого из них. Отсюда – неоднозначность проблематизации человека Достоевским, ее постоянная динамика, непрерывные колебания со смещением акцентов в ту или иную плоскость. Проблема смысла, проблема красоты и проблема свободы сплетаются в его произведениях в единый клубок всечеловеческого вопрошания о себе, который Достоевский страстно жаждет распутать вместе со своими героями.

3. Противостояние вопрошаний.

Таким образом, если З. Фрейд человек задается как строго очерченная проблема *противостояния* человека и цивилизации в форме борьбы Эроса с Танатосом, то для Ф. Достоевского заданность проблемы «человек» не имеет четко обозначенных границ – она бесконечно обращена вглубь и ввысь.

Фрейд всеми силами старается систематизировать человека, точнее, своего пациента, определить его некой схемой, считая проблематику своей философской антропологии строго научной. Выражаясь словами Ф. Ницше, Фрейд «не хочет больше признать, что дух его *живет*, что он, подобно дереву, мощно стремится вширь и ненасытно захватывает все окружающее, – философ, который решительно не знает покоя, пока не выкроит из своего духа нечто безжизненное, нечто деревянное, четырехугольную глупость, систему»². Фрейд мыслит человека отвлеченной абстракцией и доверяет лишь тому, что видит непосредственно в плоскости эмпирики, чрезмерно полагаясь на собственные выводы. Проблематизация человека Фрейдом внешне кажется вполне оправданной, но внутри нее оказывается масса противоречий и несоответствий, в результате чего в его философско-антропологических выводах «все совершенно перемешано: конец опережает начало, следствие выглядит как причина, второстепенное выдает себя за главное»³.

Ф. Достоевский в исследовании человека через героев своих произведений движется совершенно иным путем, стремясь избегать всякой, сковывающей мысль и чувства, схематизации. Его проблема человека – это живое, личностное вопрошание, а не онаученное препарирование.

¹ Достоевский Ф. Братья Карамазовы, изд. «Картя Молдавеняскэ», 1972, с. 277.

² Ницше Ф. Воля к власти, С-Пб, изд. Азбука-классика, 2007, с. 12.

³ Трынкин В. Душа и бездны (психология на перекрестке судеб). Н. Новгород: 2000, с. 33.

Человек, заданный самому себе в качестве загадки, для него не объект, а субъект исследования, он – сам себя открывающий, и метод исследования Достоевского – не сухое конструирование, а «художество», акт творческого поиска. Философскую антропологию Достоевского можно назвать сплошной *поэтизацией* человека, а к самому Достоевскому применимы слова М. Хайдеггера: «поэтически живет человек на этой земле»¹. Поначалу складывается впечатление, что Достоевский проблематизирует человека хаотично, неоднозначно, расплывчато, но, в итоге, в его произведениях вырисовывается ряд жизненно важных тем, образующих единое, органически объединенное в одно целое, вопрошание.

Можно сказать, что в случае с философскими антропологиями З. Фрейда и Ф. Достоевского мы имеем дело, в первую очередь, с противостоянием вопрошания о человеке как плоскостного и глубинного, физиологизаторского и одухотворенного, абстрактного и личностного, субъект-объектного и субъект-субъектного и, наконец, научного и философски-поэтического, наиболее полно раскрывающего всю глубину человеческой сущности.

Почему же художественное творчество оказывается более плодотворно, чем научная теория, когда речь заходит о «глубинах души человеческой»? Пожалуй, вполне логичный ответ на этот вопрос дал, с одной стороны, Э. Фромм. Он считает, что любой, оригинально мыслящий ученый, создающий новую теорию, вынужден, тем не менее, говорить на языке своего времени и пользоваться категориями наличной на данный момент научной традиции, чтобы иметь возможность адекватно донести ее до сознания современников. При этом многое в новаторской теории остается «невывказанным», недоступным для изложения, как бы за кадром, так как в данном языке нет для него слова². Поэтому теория вынуждена терпеть некоторую ущербность, ограниченность, она просто оказывается неспособна выйти за горизонт собственных построений. Это и произошло с антропологическими идеями З. Фрейда, в то время как язык художественного творчества (в нашем случае – творчества Ф. Достоевского) всегда остается адекватен человеку, вне зависимости от научной традиции, в результате чего снимается противоречие категориальной невысказанности.

Но есть еще один важный момент. Жизнь человеческой души просто невозможно втиснуть в прокрустово ложе какой-либо схемы – для этого она слишком глубока, многопланова и порой иррациональна – по-

¹ Хайдеггер М. Вопрос о технике. Издательство АСТ, 2009, с. 15.

² См.: Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.

этому любая, пусть даже самая гениальная философско-антропологическая теория отступает перед силой искусства, которое проникает в самые потаенные уголки человеческого духа, подтверждая евангельские слова «дух животворит; плоть не пользует нимало» (Ин. 6, 63).

Авторы:

1. *Аверькова Александра Александровна* – аспирант кафедры философии Ульяновского государственного университета.
2. *Бажанов Валентин Александрович* – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии Ульяновского государственного университета.
3. *Баранец Наталья Григорьевна* – д.ф.н, доцент, профессор кафедры философии Ульяновского государственного университета.
4. *Богданова Вероника Олеговна* – ассистент кафедры философии Челябинского государственного педагогического университета.
5. *Борисов Сергей Валентинович* – д.ф.н., доцент, профессор Челябинский государственный педагогический университет.
6. *Бравина Ольга Сергеевна* – аспирант кафедры философии Ульяновского государственного университета.
7. *Верёвкин Андрей Борисович* – к.ф.-м.н., доцент, кафедра алгебро-геометрических вычислений Ульяновского государственного университета.
8. *Гальченко Галина Ильинична* – к.ф.н., Центр социально-философских исследований, г. Харьков.
9. *Годзь Наталия Борисовна* – к.ф.н., доцент Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт».
10. *Горшкова Анастасия Владимировна* – аспирант кафедры философии Ульяновского государственного университета.
11. *Долгова Ольга Анатольевна* – к.ф.н., доцент кафедры философии Ульяновского государственного университета.
12. *Дорожкин Александр Михайлович* – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Нижегородского государственного университета.
13. *Ершова Оксана Владимировна* - аспирант кафедры философии У Ульяновского государственного университета.
14. *Забегалина Светлана Викторовна* – к.п.н, ст.преподаватель кафедра психологии Ульяновского государственного университета
15. *Ивашкин Сергей Николаевич* – кандидат культурологии, гл. библиотекарь, Централизованная библиотечная система № 3 ЦАО, г. Москва.
16. *Калантарян Ирина Геннадьевна* – аспирант кафедры философии Ульяновского государственного университета.
17. *Краева Александра Геннадьевна* – к.ф.н., доцент кафедры философии Ульяновского государственного университета.
18. *Конопкин Алексей Михайлович* – к.ф.н., ст. преподаватель кафедры философии и культурологии Ульяновского государственного педагогического университета.
19. *Лебедев Иван Михайлович* – преподаватель истории и древних языков Православная гимназия г. Дзержинска, соискатель НГПУ.

20. *Лось Виктор Юрьевич* - старший научный сотрудник, Центр социально-философских исследований, кандидат технических наук г. Харьков.
21. *Маренина Марина Николаевна* соискатель кафедры философии философско-теологического факультета Нижегородского государственного педагогического университета (НГПУ) им. Козьмы Минина
22. *Мартишина Наталья Ивановна* - д. ф.н., профессор кафедры философии и культурологи, Сибирский государственный университет путей сообщения.
23. *Михайлов Андрей Евгеньевич* - к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук Кировская государственная медицинская академия.
24. *Мясоутов Олег Валерьевич* - ассистент кафедры политологии и права Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
25. *Никитин Антон Павлович* – к.ф. н., доцент кафедры философии и социологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова.
26. *Панов Сергей Владимирович* – кандидат философских наук, доцент Московского института стали и сплавов (Москва).
27. *Паршикова Галина Васильевна* – аспирант кафедры философии Брянского государственного технического университета.
28. *Петров Сергей Борисович* – к.ф.н., доцент, кафедра философии Ульяновского государственного университета.
29. *Плужникова Наталья Николаевна* – к.ф.н., доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет.
30. *Полуян Наталья Николаевна* – к.ф.н., доцент, Вятский государственный университет, кафедра философии, социологии и психологии.
31. *Савинова Людмила Геннадьевна* - аспирант кафедры философии Ульяновского государственного университета.
32. *Скорюков Олег Николаевич* – аспирант кафедры философии Челябинского государственного педагогического университета
33. *Солоненко Максим Алексеевич* – аспирант сектора эволюционной эпистемологии, ИФ РАН Институт философии РАН, Москва.
34. *Тихонов Александр Александрович* – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии Ульяновского государственного педагогического университета
35. *Цапаев Сергей Павлович* – к.ф.н., доцент кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Социология знания и история науки

<i>Петров С.Б.</i>	Академик А.Н. Крылов. К 150-летию со дня рождения	3
<i>Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б.</i>	А.Н. Крылов как историк науки	6
<i>Горшкова А.В.</i>	Тимирязев Аркадий Климентович: между наукой и властью	12
<i>Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б.</i>	Историк науки Вацлав Мрочек – судьба в эпоху перемен	22
<i>Егорова К.В.</i>	Конструктивизм А.А. Маркова как альтернатива «классическому» пониманию математики	35

Раздел 2. Знание как объект рефлексии эпистемологов

<i>Тихонов А.А.</i>	Проблема «мемплексов» в современной эпистемологии	40
<i>Борисов С.В.</i>	К вопросу о соотношении номологической и идеографической методологии в социально-гуманитарном знании	56
<i>Богданова В.О.</i>	Эпистемологические пределы «знания о реальности»	67
<i>Мартишина Н.И.</i>	Образ и имидж науки	73
<i>Солоненко М.А.</i>	Эволюционно-эпистемологические и когнитивные аспекты восприятия времени в научном творчестве	77
<i>Никитин А. П.</i>	Квантификация знания	83
<i>Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б.</i>	В.Н. Ивановский о статусе логики как научной дисциплины	87
<i>Аверькова А.А.</i>	Особенности критической деятельности ученых в естественно-научных и социо-гуманитарных сообществах	90

Раздел 3. Традиция и трансляция знания

<i>Дорожкин А.М.</i>	Коммуникация живая и искусственная в процессе образования	104
<i>Бажанов В.А., Краева А.Г.</i>	Конструкции симметрии и лабиринта в музыкальном искусстве как форма его интегративной взаимосвязи с наукой	112
<i>Калантарян И.Г.</i>	Национальная идея: вариативность дефиниций	117
<i>Мясоутов О.В.</i>	Философско-методологические основы исследования феномена политического сознания	122
<i>Лебединцев И.М.</i>	Перцепция античной философской и научной мысли в раннехристианской литературе	127
<i>Долгова О.А.</i>	Наука, религия, философия в жизни и творчестве святителя Луки Войно-Ясенецкого	139
<i>Конопкин А.М.</i>	Философия и богословие в университетском сообществе России	146
<i>Бравина О.С.</i>	Соотношение науки и религии в неопозитивизме на примере	151
<i>Забегалина С.В.</i>	Православие, церковь и государство во взглядах евразийцев	158
<i>Дорожкин А.М.</i>	О религиозной рациональности и уме священнослужителя	163
<i>Скорюков О.Н.</i>	Концептуальные ограничения парадигмы мышления как символического процесса	171

Раздел 4. Футурология. Новации и инновации в науке

<i>Годзь Н.Б.</i>	Экологическая футурология как видение будущего в контексте эволюционной эпистемологии	175
<i>Михайлов А.Е.</i>	От девинации к прогностике	190
<i>Цапаев С.П.</i>	Некоторые проблемы институциональной интерпретации экономического поведения	198

<i>Забегалина С.В.</i>	Время и прогнозирование	204
<i>Паршикова Г.В.</i>	Традиции и новации философских подходов к созданию искусственного интеллекта	212

Раздел 5. Философский анализ проблем общества и человека

<i>Плужникова Н.Н.</i>	Рецензия на монографию: Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивные науки: от познания к действию.	213
<i>Полуян Н.Н.</i>	Вернер Зомбарт: идеи в области методологии социального знания в свете ведущих европейских традиций	216
<i>Панов С.В., Ивашкин С.Н.</i>	Вопрос о фактичности, волевой субъект и логический эссенциализм	221
<i>Гальченко Г.И., Лось В.Ю.</i>	Два ключа к «молекулам счастья» с позиции двойственности природы человека	222
<i>Савинова Л.Г.</i>	Конфликты в юриспруденции	227
<i>Маренина М.Н.</i>	Философско-антропологические методы Ф. Достоевского и З. Фрейда: противостояние творчества и науки	230

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Сборник материалов Пятой Всероссийской научной конференции.
(Ульяновск, 14-15 мая 2013).

Под ред. Н.Г. Баранец

Подписано в печать 24.04.2013.

Формат 60x84/16. Бумага газетная. Гарнитура Tahoma.

Уч.-изд. л. 14,15

Тираж 100 экз. Заказ № 13 /059

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре «Гарт»

ИП Качалин А.В.432042, Ульяновск, ул. Рябикова, 4.